Светлана Луговая

Зеркало

стихи, легенда

X

Бишкек 2021

УДК 821.161.1
ББК 84 Р 7-5
Л 83

Луговая Светлана Александровна
Зеркало, стихи, поэма – Б.: Салам, 2021. – 336 с.

ISBN 978-9967-9285-3-4

Луговая Светлана Александровна – член СП СССР и Национального Союза писателей, «Золотое перо Кыргызстана». Автор четырнадцати лирических сборников, семнадцати поэтических книжек-раскрасок для детей младшего и среднего возраста и пяти сборников легенд и сказочных историй.

В новый поэтический сборник «ЗЕРКАЛО» вошли стихи последних двух лет и лирическая поэма «СМУТА», в откровениях строк которых обнажены потаенные глубины человеческих чувств и духовного восприятия окружающего мира не только самого автора, близких ему людей, но и человечества в целом. Переживаемые всеми события 2020 года поэтесса рассматривает сквозь призму сердца, памяти и фантазий разума с некоторой долей мистицизма.

ISBN 978-9967-9285-3-4

© Луговая С.А, 2021

УДК 821.161.1
ББК 84 Р 7-5
Л 83

ПОЛЕТ

Живущих в мире звуков и созвучий,
наверное, немало – кто считал?
Их имена раскрашивает случай.
Или озвученный удачно мадригал,
хвалой любовной покоривший разум
и чувственное сердце не одно.
Одних дар свыше прославляет сразу,
другим плетут сеть зависть и вино…

Каких вселенских рубежей орбиты
достигнет моя бренная душа? –
Не знаю. Тайны в недрах неба скрыты –
пристрастием и ангелы грешат.
Мой ангел показался мне однажды –
в ущелье поднебесных гор летел
восторженной душе навстречу. Важно
ей было знать, что он сказать хотел.

Я жажду приоткрыть завесу тайны,
которая впускает иногда
в свою обитель.
Явь наитий странных –
парящий ангел звал меня. Куда?
Не нахожу ответа на загадку,
явившую вдруг неба торжество…
Ушедших лет потертую тетрадку
влечет желанных мыслей волшебство.

БУМАГИ ЛИСТ

Воспоминаний ждущий лист
Невинной белизною чист,
но как трепещет под рукой
его обманчивый покой.
Меня пронизывает дрожь
от нетерпения и страсти.
Миг откровения и счастья
соединяет явь и ложь
за гранью искушенной власти
в таинственный магнит.
Похож
мой идол на меня слегка.
Пугает вымыслом строка
и предначертанной судьбой
моих дорог. Следит за мной
чья тень в туманном далеке,
напоминая мне бесстрастно,
что грань сознания опасна,
вновь возвращая слог к строке?
И карандаш – наперсник страстный
самозабвенно льнет к руке.

Из бездны разума и снов
едва заметный зыбкий мост
ведет за грань небес. Всплеск слов
таинствен, в то же время прост:
у вдохновения в плену
лист опаляет тишину.

ОБРАЗ

От карандашного наброска
рожденных вдохновеньем строк
до рифм блистательного лоска
рукой поэта правит бог.
Ему подчинена душа –
земной удел постичь спеша,
она то в небеса летит,
то падает на дно обид.
Но даже в смертной ипостаси
миг вдохновения прекрасен.

Бумаги лист белее снега
дрожит под натиском руки,
которой карандашным бегом
не завершить одной строки –
разбег берут слова второй:
слагает строфы мыслей рой.
Над рифмой рифма ворожит,
мой карандаш быстрей бежит.
Мелодия души на взлете
восторженна в круговороте
земного и небесной воли.

Я разные играю роли,
но лишь одна зовется мной,
где пишут рифмы образ мой.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Лиле Луговой - Роговской

Кружат потери вороньем
Над головой моей склоненной.
Мир в одиночестве моем
Терзает провод оголенный
Тоски мучительной и нежной,
Слезой омытой безутешной.

Я возвращаюсь в черный день
Из года в год дороги вечной.
Свеча отбрасывает тень –
Твой след – дышать от боли нечем:
Мечется память вне времени,
В сердце вгрызаются демоны.

Застыла тишина вокруг,
Спешат часы нетерпеливо,
Потери расширяют круг
Безжалостно и торопливо,
Но черный крест седого мая
Цвет давней скорби не меняет.

Я, завершая долгий путь,
Развеять не боюсь признаньем
Скорбящий образ. Кто-нибудь
Всплакнет, быть может, с покаяньем
О девочке с янтарным взглядом.
Мой одинокий путь оправдан
Судьбой и толками молвы,
Весенним шепотом травы
О бесконечности вселенной
В пылинке памятного тлена.

ВСЕЛЕННОЙ МИР В ДЫХАНЬЕ СЛОВА…

Лилиана Луговая –
Всего лишь миг и поглотила вечность
Ее стихи, как павшую звезду,
Но память, полустертую беспечно,
Встряхнуло сердце…
Вашему суду
Вверяю строки вдохновенных мыслей,
Наполненные обнаженным смыслом:

* * *

Я хочу заболеть, накликаю беду,
В холодину глотаю мороженое.
Я хочу вдруг упасть на бегу, на бегу,
В круг собрав любопытных прохожих.

Или тихой и бледною, словно стена,
Простыню белоснежной постели
Смять. Увидев в тумане кусочек окна,
Сумасбродные вспомнить апрели.

Те апрели, что глушат нас синью небес,
Канонадой весеннего гуда,
Где разлука с печалью тоскуют без мест,
Где реальность встречается с чудом.

Я хочу заболеть, накликаю беду
И по лужам осенним шлепаю,
Вспоминая апрельскую ерунду,
Сердце штопая, штопая.

* * *

Заварю я чай покрепче,
А покрепче мне нельзя.
Опущу тебе на плечи
Неостывшие глаза.
Не пытай – сама я пытка.
Не молчи – сама я тишь.
Не играй – сама я скрипка
Со смычком до самых крыш.

* * *

И солоно, и сладко
С тобой наедине.
Ты как булыжник гладкий
Притронулся ко мне.

Булыжник ты, булыжник.
Строптивая душа!
Ведь ты же не барышник,
А просишь барыша.

Наружность вся при солнце
И вправду горяча,
Ну а внутри – колодцы
Студеного ключа.

* * *

Дождь шумит, не переставая,
Навевая далекое детство.
«Баю-баюшки, баю-баю» –
Колыбельную вспомнило сердце…
На коленях у мамы малышкой,

Приютившись, стремглав засыпаю.
Но сквозь сон еще долго слышу:
«Баю-баюшки, баю-баю».

Дождь идет, не переставая,
Меня, сонную, смутно тревожа.
Где же мама и баюшки-баю?
Я большая, но хочется тоже
Вновь на теплой ладошке согреться
И услышать, как мама седая
Мне поет, прижимая к сердцу:
«Баю-баюшки, баю, баю».

* * *

Заменили дожди теплоту ясных дней,
Всюду сырость, мокры тротуары,
Плачет небо дождем. Он струится с ветвей,
По подъездам попрятались пары.
Грустно улицам, паркам. Весь город угрюм,
Затухают огни в окнах сонных.
Всё затихло, лишь слышится ветра шум,
А, быть может, и шепот влюбленных.

* * *

Листья желтые ветер срывает,
Оголяя деревья понурые,
Грусть тоскливую навевая,
Напевает мелодию хмурую.

Пахнет сыростью осень рыжая,
Опустели аллеи в саду,
Их опавшие своды вижу я
И под ними тихонько бреду.

Темный, старый, заброшенный сад,
Ты поник от дыхания времени,
Заволокся печалью твой взгляд
От пожухшего цвета бремени.

Обнаженный, запущенный сад,
Мы с тобою немного похожи:
Ты теряешь отживший наряд,
Я…
Стук сердца, мороз по коже
Обнажают крушение грез –
Ветер след мой листвой занес.

* * *

Меня, быть может, и любили,
Шептали милые слова,
Иль просто виды наводили –
В последнем, кажется, права.

В кругу ухаживаний длился
Во всей красе мой белый свет.
И не один-то парень злился
На отрицательный ответ.

Вокруг кричали: «Будь суровой,
Не уступай, повыше нос!»
И я обманчивой подковой
Бросала счастье под откос.

Все вдребезги летело лихо
Под плавный вальс, под дикий твист,
Но иногда вдруг лился тихо
Издалека забытый свист.

К нему бы птицей полетела,
Не долетела б, доползла
И все, что есть и, что имела,
Ему бы только отдала.

* * *

Горы, кругом лишь горы!
Куда ни посмотри –
Каменные взоры,
Надменные цари.

Небо, вокруг лишь небо
Раскинулось шатром.
Полететь в синь мне бы
Удалым орлом!

Солнце, кругом лишь солнце
В лучевом огне
Льется, на землю льется
В знойной тишине.

* * *

Горы, солнце, ветер!
Небо голубое!
Лучшего на свете
Кто же мне откроет?

Промолчали горы,
Небо улыбнулось.
Солнце вдруг с укором
К тучке отвернулось.

Ветер зашептался
С молодой березкой.
Темнотой подкрался
Синий вечер, звездный.

Подсказали звезды,
Что грустить не стоит:
Для меня кто создан,
Сам себя откроет.

* * *

Какое-то томительное чувство,
Что в этот вечер, где б ты ни был,
Я знаю, тебе стало грустно,
Глядишь в распахнутое небо.

Там, чуть мигая нам, застыла,
Раскинувшись ковшом, Медведица.
Семь этих звезд я не забыла,
Они твоим приветом светятся.

* * *

Прости, что Ассолью не стала,
Что ждать я тебя перестала,
Что верить во встречу устала.
Прости, я Ассолью не стала.

Я верю и солнцу, и ветру,
И, кажется, верю приметам.
Они о тебе рассказали,
Но где ты, не подсказали.

В какой стороне покажется
Тот парус, что алым окажется,
Я небо спросила и землю,
И моря кипучую пену.

Никто на вопрос не ответил.
Лишь улыбнулся ветер,
И подмигнули звезды:
Любить никогда не поздно.

Так жаль, что Ассолью не стала,
Что принца я ждать устала.

* * *

Представляешь, сон мне снится,
Вокруг снег, а я только в ситцевом,
Кружит вьюга седая, жгучая,
Меня холодом мучая, мучая.
Утонули в сугробах ноги,
Нет ни домика, ни дороги,
Огонечка нигде не светится,
И никто на пути не встретится.

Я стою в одном только ситцевом,
Мне б хоть в малую норку забиться бы.
От мороза реву, как дурочка,
Превратилась почти в Снегурочку.
Вдруг откуда-то ты пригрезился,
Но рукой от меня завесился.
Я зову, а ты мимо, мимо,
Прямо в вьюжную середину...

Я от крика глаза открываю...
Ах! Какие же сны бывают!

* * *

По-пушкински октябрь настал,
Нагрянуть осень не спешила,
Так робко роща обнажила
Свою девическую грусть,
Ее судить я не берусь.
Опавшие в тиши стоят,
Раскинув ветви, строго в ряд,
Забытые теплом березы,
Роняя бисерные слезы,
С чуть моросящим в такт дождем
Грустят они о том, о сем:
Как песни звонкие звучали,
Как сладко в губы целовали,
Как кудри в кольца завивали,
Как туго косы заплетали,
Как замуж девиц выдавали,
Как горько слезы проливали –
За нелюбимых отдавали.
Грустят березоньки, тоскуют,
А осень к лету их ревнует,
Наслала дождь на них, печаль.
Укуталась в златую шаль,
В листве опавшей, как на троне,
Сидит и о себе трезвонит.
Ну, прямо гордая царица!
Шалит без меры озорница!

* * *

О боже, мой боже,
Кто мне поможет,
Закруженной, завьюженной,
Никому не суженой?

О боже, мой боже,
Что же это, что же?
Солнце, небо синее,
А я в инее, в инее.

А я хмурая, мрачная,
Без удачная, без удачная
Стою миром обиженная,
Неприкаянная, униженная.

О боже, мой боже,
Помоги мне все же,
Разведи руками,
Пусть в огонь все канет,
Любовь распустится,
На колени опустится
Прощения попросит…

Где же тебя носит?..

* * *

Не подарю тебе песню,
Не напишу поэму,
По улицам шумно-тесным
Понесу тебе хризантемы.

Мальчики, не завидуйте,
Не настраивайте антенны,
В руках у меня, видите,
Белые хризантемы.

Музыкой провожаемая,
Иду к тебе через город,
Взглядами обожаемая
В улыбках и укорах.

Я не сверну, войду в твой дом,
Это не важно, где мы,
Тихо поздравлю, ну а потом
Протяну хризантемы.

Л.Луговая

ЭПИТАФИЯ

Хотела стать большим поэтом,
Любимой и счастливой быть,
Осталась песней недопетой,
Но продолжает в строчках жить,
В сердцах и памяти живых –
Её любви бессмертен стих!

РИКОШЕТ

Ни за кем я не ходила,
никого я не ждала –
зря толпа меня судила:
счет в игре не я вела.

Роль мою придумал клоун
из потешной стороны:
шутовской колпак мой полон
черных ягод бузины.

Их кидаю словно камни
в зев, разверстый, злой толпы.
Рикошет от зыбкой грани
устрашает ярый пыл.

Шут хохочет надо мною,
бузина черней беды.
Клоуну скандал устрою!
В пыль сотру его следы!

Покажу всем свой характер!
Но задор сошел на нет.
Клоун опытный азартен –
бьет наотмашь рикошет.

ЦВЕТОВОЙ ОРИЕНТИР

Кто-то любит белый цвет,
а кому и дела нет,
кто за что и кем окрашен:
каждый шаг у них отлажен –
ни к чему им суетиться.
Ну а мне покой лишь снится –
искаженный ореол
в суету сует завел:
краски темные сгущаю,
то виню, то вдруг прощаю –
мысли скачут друг за другом
по рискованному кругу.
Я вот-вот с него сорвусь –
на осколки разобьюсь.
Может, склеюсь, может, нет –
заметет поземка след…

Искушая тайны грез,
трель звонков взрывает мозг –
грусть мечтами заменяю,
настроенье поднимаю…
Голос мой слегка дрожит –
память в прошлое бежит.
Мне дыханья не хватает –
черный цвет счет предъявляет,
белый ластится в ответ –
горбит спину ноша лет.

РЕИНКАРНАЦИЯ

Я в звездном океане доплыву
до маяка конечного пути!
В космическом пространстве наяву
земная маска с черт моих слетит.
И с плеч моих крест тяжкий упадет,
рассыпавшись в золу сгоревших догм.
Приму долгов бескомпромиссный счет,
на цыпочках войду смиренно в Дом.
Томимая предчувствием душа
вдохнет внутрь аромат нетленных стен.
Познать истоки вечности спеша,
не обойдусь без тайн «семи колен»:
узнаю все, что было не со мной,
но стало продолжением моим.
Из их дорог сплетался путь земной
моих надежд и робких слухов дым.
Усядусь на пороге маяка,
направлю луч в мерцающий туман.
Кого-то вспомнив, задрожит рука,
кровь зазнобит от боли старых ран.
Я встрепенусь, окидывая даль,
моя душа вновь крылья распрямит.
У вечности седой своя печаль:
миг возвращения судéб она стремит
в объятья грешных дел и суеты –
верстает Время бытия листы!

ЖАЖДА ВЕТРА

Ошеломленный разум на мгновенье
вознесся за пределы бытия –
передо мной в полете вдохновенья
мелькнула бренной жизни колея.

Всего лишь миг до смертного порога
от моего явления на свет –
как бесконечна памяти дорога
в мелькании неповторимых лет.

Перед глазами преданные беды
треножат шаг неутомимых ног,
фанфарный звон несбывшейся победы
бьет в колокол недремлющих тревог.

Вдыхаю запах радостных предчувствий,
вздыхаю о потерях без вины.
На краешке судьбы шестое чувство
вдруг ощущает звуки тишины.

В безмолвном окружении рассвета
опять спешу за грань счастливых лет:
звучат аккорды песни недопетой,
кровь горячит знакомый силуэт.
Раскинув руки, я бегу навстречу
моей любви небесной и земной.
Мелодию подхватывает ветер,
объятый жаждой страсти молодой.

СКРИПАЧ

Восторгая, голос взвился
за предел земных высот,
замер, будто растворился
в синеве.
Небесный свод
всколыхнулся на мгновенье,
обнажив иную даль.
Звук затих от восхищенья?
Или голос чуда ждал?

Не замедлив, струны скрипки
властью дерзкого смычка
дрогнули певучим вскриком,
вслед журчаньем ручейка
звуки нежные возникли –
тон смелел, пленяя высь –
в глубину небес проникли,
скорбным плачем вознеслись
за вселенские пределы
волны яростной реки…

Вдохновенно струны пели
по велению руки
скрипача, который спорил
с вокалисткой и судьбой
и, душе мятежной вторя,
завораживал собой.

ПОЗЕМКА

Поземка вьется из-под ног
золой костров потухших.
Взгляд ловит тающий дымок
мечтаний лет минувших.

Крепчает ветер низовой,
вихрится след, озябший.
Глаз обжигается слезой,
замедлен шаг, уставший.

Былые вьюги в круговерть
пустили пляску мыслей.
Косой размахивает смерть
без видимого смысла.

Врезаясь в память, имена,
случайно павших в сече,
вихря поземку вкруг меня,
ознобом сводят плечи.

Смахнув слезу, ускорю шаг
навстречу прежней воле.
Поможет друг, подгонит враг:
один – не воин в поле.

Труба надежд дерзать зовет,
поземка лет им цепи вьет.

ЗНАК ПЕРЕМЕН

Заросло осотом поле.
По нему, заметный чуть,
протоптал тропинкой вольной
чей-то шаг за небо путь.

Солнце замерло в зените.
Воздух зноем раскален,
паутиной жарких нитей
в душный кокон заплетен.

Пот струит по телу, солью
ест глаза. Прищурив взгляд,
охватить пытаюсь поле
и дорогу наугад.

Утомленный шаг споткнуться
приневолил бугорок –
подо мной колючки мнутся,
гулко кровь гвоздит висок.

Кровью бурой запятнался,
смятый жертвою, осот.
Мир поверженным казался,
привкус крови жалил рот.

Взглядом неба я коснулась,
поднялась, кряхтя, с колен.
Днем вчерашним обманулась?
Или ждать мне перемен –
дальних миражей взамен?..

КИНО

Не горячит кровь искушенье –
греховный искус охладел.
Необязательность решений
приумножает список дел.

Не успевая оглянуться,
несется времени поток.
Уже не хочется вернуться
на перекресток двух дорог.

Там пламенел восток зарею,
жар неба страсти распалял,
ей подчинялись мы с тобою
и дерзких мыслей идеал.

Воображение мечтаний
нас уносило за предел
неизмеримых расстояний,
нерасторжимых уз и дел.

Как мимолетны обещанья,
бездонна зыбь блудливых слов.
Пороков тайных притязанья
не чтят хладеющую кровь:
я отреклась от них давно –
безгрешно памяти кино.

СОЛЯНАЯ ПЕЩЕРА

Пещеры дух туманом полз навстречу,
стекал по стенам в бездну глубины
озерных вод, дышал покоем вечным
в узорах древних вековой стены.
Соленый воздух, напоённый влагой,
чарующим дыханьем заполнял
владения таинственного мага –
явь от видений мозг не отличал.

Дух проявился в сумраке пещеры
за поворотом в новый переход –
земное воплощение химеры
заполнило собой искусный грот:
на троне восседал старик – властитель
загадочных земель соленых гор.
Угрюмо брови свел недр повелитель,
огнем сверкнул неумолимый взор.
Безмолвный глас пронзил смиренный разум:
«Опасен дух подземной стороны.
Передо мной покайся лучше сразу,
зачем пришла в глубь копей соляных?
Я властен над тобой в моих чертогах,
слезами жертв заполнен мой подвал…»
Дух называл себя подземным богом!..

Чуть видный свет вдали затрепетал –
власть подземелья вмиг расколдовал.
Подземный дух вслед тягостно вздыхал.

ВЕЧЕР В ГОРАХ

В лапы сумеречных елей
заползая, мрак густел.
Душный воздух, тяжелея,
в травы росные осел.

По земле пополз туманом,
заклубился меж холмов,
свет таинственный и странный
заструился в глубь веков:

Пики воинов на страже
в очертанье древних гор,
колыхание плюмажей
уловил смятенный взор.

Над вершинами всходила
чудотворная луна:
лапы елей осветила,
мрак рассеяла она.

Волны зыбкого тумана
растворила в бликах рос,
мир загадочно обманный
заполняя явью грез –
зачарованные дали
тайны гор мне открывали.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В обитель неба и печалей
скользнул нерасторопный взгляд:
мерцая, звезды источали
иллюзий тонкий аромат.
Неуловимые объятья
воздушных струй стеснили грудь.
Сминая край шального платья,
рука подрагивала чуть.

Таинственность иных присутствий
осознавалась чутко мной.
Тоска неведомых предчувствий
исторгла вдруг звериный вой –
холодный блеск иных созвездий
соткал терновый ореол.

Шаги на лестнице в подъезде
вернуть пытались на престол
покой вчерашнего забвенья
обид и слез чужой тоски
и покаянное смиренье
всем ощущеньям вопреки.

Но бред надуманных иллюзий
не оборвал утробный вой,
лишь на мгновение сконфузил
своим безумством разум мой:
Насторожённый слух притих –
к векам прислушивался миг.

ПРИЗМА

Недописанный перечёркала
лист, напомнивший о былом.
По щекам бежит соль прогорклая –
быль горючая входит в дом.

Перечеркивать – не вылечивать:
зря испытывать власть пера.
Не стирается след, намеченный
вязью слов с листка из вчера.

Разожгу костер на обочине,
до золы сожгу горький след.
На рассвете луч позолоченный
дымкой розовой нежит свет.

Вновь душа моя утешается,
чистый лист пытлив под рукой.
Он понять меня вновь пытается,
быль старается править мной:

Память смутную по следам кружит,
искаженную призмой лет.
Путь, нехоженый, под рукой бежит –
мыслям, раненным, края нет.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Шорох в тишине пугливой
чуткий слух насторожил.
Плед, одернутый стыдливо,
тела наготу прикрыл.

Эхо звука на излете
искажал трусливый мозг:
дрогнув на последней ноте,
боязливый отзвук смолк.

За чертой реальной ночи
притаилась тишина.
Мою память мозг морочил,
вспомнив чьи-то имена.

У кого просил пощады?
За кого молил святых?
Корчил мысли в пекле ада
шелест вымыслов ночных…

Свет загадочный струится,
страх ткет сети небылицам,
химер живых рождая бред:
ночь не спешит призвать рассвет.

МИЛОСТЬ

Живу по расписанию,
привычно дни листаю.
Лишь краешек сознания
в обратный путь пускаю.

Досадливо поморщится
судьба на поворотах.
След тайный запорошится
на памяти короткой.

Успешным не завидую –
иду своей дорогой.
Вчерашними обидами
не утруждаю бога.

Но что-то потаенное
мне не дает покоя.
Чьим прошлым непрощенная,
несу венец изгоя?

Колючее сияние
окажется спасительным
заблудшему сознанию
в заоблачной обители?
Быть может, вдохновение –
грехов всех искупление?..

Опять душа меж звезд летала,
мне тайны неба открывала…

АРЧОВНИК

Арча вцепилась мертвой хваткой
остро отточенных клыков –
царапины на коже гладкой
искровенили зев кустов.

Зеленый зверь в когтистых лапах
шелк платья моего терзал.
Дурман струил смолистый запах,
ознобом в жилы проникал.

Метались мысли неуютно,
до звона жаркого в ушах.
В лощине темной и безлюдной
мной овладел безмерный страх.

Вдруг показалось, что навечно
меня арчовник приковал
к колючим веткам, путь беспечный
в горах привольных оборвал.

Но неподвластен дух свободы
ни страху, ни его клыкам –
сковали стойкую породу
в горниле бесконечных драм:

О глупом страхе забываю,
высь к милосердию взываю,
тиски колючек разрываю –
на крыльях вольных в синь взмываю!

ПЕРЕВАЛ

Мой взгляд кружил над цепью гор
за край заснеженных вершин,
скользил в безоблачную синь.
Цветеньем трав дышал простор.
И свежий ветер с перевала
я с упоением вдыхала.
От крыш блеск солнца отражался –
огнями фонарей казался.
Машина медленно петляла
по серпантину перевала.
Жуками внеземных планет
ползли навстречу фуры. Свет
их фар, горящих, с приближеньем
воспринимался воображеньем
глазами чудищ сфер иных.
Химеры в панцирях стальных
ползли все выше мне навстречу.
Покачивал с натугой ветер
бока глазастых исполинов.
Свело ознобом страха спину:
жук, приближаясь, наклонился…
Руль замер на опасный миг…
Ритм сердца обреченно сбился…
Снял наважденье солнца блик,
сверкнув – бок фуры уползал,
нас не задев, за перевал.
Руль подчинился вновь рукам,
летело сердце к облакам,
машина вниз неслась стрелой –
дышал восторгом путь домой.

ЗЕМНАЯ НИТЬ

Меня уносит в облака
вновь вдохновения строка.
Одна строка вослед другой
бежит под трепетной рукой,
ложась стихом на белый лист.
Мой разум постигает смысл
мной пережитых чувств и дней.
Осколки памяти моей
слагают новые мечты,
где, как и прежде, правишь ты
моей обугленной душой.
Боль, озарение и страсть,
овладевающие мной,
твою усиливают власть.

Взмываю в синь и камнем вниз
лечу, срываясь, и опять
меня притягивает высь –
так сладко в небесах летать!
В парящей птице над землей
узнает ли твой взгляд земной
ту девочку из юных лет?
Тот упоительный рассвет
припомнит память, может быть:
тонка связующая нить.
Но вдохновения полет
ей оборваться не дает.

СКЛОН

Моя душа опять металась…
Кого искал мятежный дух?
Осенний лист от жажды сух,
в нем капли жизни не осталось,
но кружит лист в объятьях ветра
страсть обжигающего лета,
как будто он еще живой.
Смеется память надо мной.

Ее в такие дебри гонит
обрывков мыслей и теней
в мельканье искаженных дней,
где столько королей на троне,
что я теряю счета нить.
Кого-то миловать, казнить
вдруг принимается душа,
надежды юные круша.

Как лист сухой, опавший с ветки
к земле стремительно летит
и вдруг замедленно парит,
подхваченный порывом ветра,
так я со склона вниз лечу,
долги бессрочные плачу.
Но дух взлетает ввысь опять –
его в узде не удержать.
Хохочет память надо мной,
уставшей, но еще живой.

СТРАННИЦА

Давным-давно сгорело сердце
в огне страстей, но до сих пор
порывом ветра пепел с перцем
вдруг обожгут тоскливый взор.

И память странницей усталой
присядет с краешка пути…
Я долго к смерти привыкала,
за крест пытаясь отплатить.

Кому и как не разбирала –
казнила дань судьбы с лихвой.
А память камни собирала
с дороги крестной и чужой.

Осел на травы горький пепел,
слеза скатилась по щеке,
и птица белая над степью
вдруг стала посохом в руке…

Я поднимаюсь осторожно
с обочины, клюка дрожит…
Сдирает память с кровью кожу –
в обратный путь строка бежит.

ВЛАСТЬ СУДЬБЫ

Вновь судьба мной недовольна.
Вновь пытаюсь ускользнуть
из-под власти – с ней, невольно,
расхожусь, спрямляя путь.
То вдруг дальнюю дорогу
укорачивать возьмусь…
Недовольна тоже многим,
но безвольно ей сдаюсь.
То ругаю нрав свой дерзкий,
то строптивую судьбу.
На душе бывает мерзко,
лет отметины на лбу
чертит зеркало в прихожей.
Тщусь найти в нем юный след –
промелькнет лишь взгляд похожий,
и нечеткий силуэт
девочки в цветастом платье
ароматом вдруг пахнет
искушающих симпатий.
Отражение вздохнет
и печально улыбнется…
Наваждение стряхнув,
я подумаю: «Неймется
что ж тебе?!» Передохнув
от наплыва чувств, степенно
вниз по лестнице спущусь –
ждут дела… Обыкновенно
я своей судьбе сдаюсь.

РОЖДЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

Крадется шаг по острию сознанья,
ночная темь оттачивает слух:
сливается с прерывистым дыханьем
прикосновенья невесомый пух,
и тело содрогается от страха,
дрожь сотрясает каждый сантиметр
гусиной кожи. Мысленная плаха
пугает бредни искаженных черт
лица, распятого бессонницей и звуком
шагов незримых. Шорох простыни
разверз глубины памяти и мука,
необъяснимому отчаянью сродни,
внезапно охватила дух и тело.
Казалось мне, что сходит мозг с ума:
ночная мгла шуршала и скрипела,
хмелела от объятий ночи тьма.
О, эти страхи! Как они всесильны,
когда душа с покоем не в ладу.
Театр судьбы! За занавесом пыльным
все чаще память мечется в аду.
Ночь не дает ей отдохнуть, и звуки
ушедших лет бередят слух и ум.
А может быть, души безгрешной муки
от искушений сладострастных дум
меня пугают ересью ночной,
чтобы смирить глумливый норов мой?
Все может быть! Бледнеет свет в окне,
рождая вновь иллюзии во мне.

* * *

Взгляд сквозь меня ожёг дыханья трепет.
Я задохнулась от воздушных струй
тяжелых, душных. Мой бессвязный лепет
прервал, едва коснувшись, поцелуй.
Холодный, отстраненно равнодушный,
слегка скользнув по краешку щеки,
он целый мир без сожаленья рушил
моих надежд и сердцу вопреки.
Моя душа летела в бездну мрака,
разбились на осколки зеркала,
навзрыд мой помутневший разум плакал
над миражами хрупкого стекла.
Воздушных замков колкие руины,
замедлив шаг, притягивают взгляд:
в них смутно вижу силуэта спину
и незнакомца щегольской наряд.
С кем перепутал он меня случайно?
Как сердце перепутало мое
возможность и мгновения отчаянья
оборванной струны?
Душа поет
мотив щемящей грусти и опять
я замки строю, возвращаюсь вспять,
где сладко заливались соловьи
всю ночь о бесконечности любви.

ОСЕННИЕ ГРЕЗЫ

Журчит ручей в опавших листьях –
невидимый, но слышен плеск
живой воды, рождая мысли
о вечности. Весенний блеск
они живят в глазах усталых.
Вновь вспоминаю о былом,
когда от пылкого накала
бурлила кровь и жгла огнем
страсть, опаляя рук объятья,
сплетая жаркие тела…
И к рифмам давнее пристрастье
теснит рутинные дела.
Я забываю скучный ропот
неоправдавшихся сует.
Ручья невидимого шепот
сопровождает шага след.
К моим ногам льнут груды листьев,
чаруя изумленный взор –
маэстро Осень чудной кистью
раскрасил сказочный узор.
Безликих грез очарованье
печалью томной полнит грудь,
напевной музыки звучанье
перебирает струны чуть
моей души и ручейка,
касаясь памяти слегка.
Багрянец нежит грусти цвет,
светлеет даль ушедших лет.

ЛИСТ

Лист осенний кружит ветер,
из-за гор бредет ненастье,
вспоминает лист о лете,
о блаженстве жгучей страсти
в дни, когда луч солнца яркий
целовал его игриво,
искушая, ветер жаркий
обещал ему полмира.
Лист, иссушенный, томится
от шальных воспоминаний –
вновь в объятиях забыться
жаждет обреченный странник.
Осень расцветила кроны
в изумительные краски.
Чудный блеск ее короны
омрачается развязкой:
хмурит небо непогода.
Лист к земле приник печально:
яркий лучик солнца бродит
где-то по дорогам дальним.
Зачастил осенний дождик –
моросит с утра до ночи:
страсти летних дней итожит,
остриё печали точит.

Луч

Я тенью бреду по следам за тобой.
Завыла бы в голос, да слез не осталось.
Мне отдохнуть бы хоть самую малость
или напиться живою водой –
став на мгновение вновь молодой,
сердцем почувствовать юную радость.
В прошлом оставив тоску и усталость,
легкой походкой пройти стороной
мимо тебя, лишь кивнув головой…
Терниста дорога, от горечи мыслей
длиннее она и мучительней шаг.
Выбрать ее угораздило как?
В нищей котомке лишь редкие числа
радостных дат. Пересчет их бессмыслен.
Сбивается сердца усталого такт,
ноги избил в кровь ухабистый тракт.
То зной опаляет, то ливнем провисло
небо, то радуга в нем, коромыслом
солнечный луч подцепив, освежит
память, которая тайны хранит
яркой окраски, где юность моя
меня торопила в иные края
с заоблачной синью и далью цветной…
Как ядовит мыслей жалящий рой:
плетусь еле-еле за край бытия,
котомка легка – плечи гнет тяжесть лет,
все меньше друзей и тебя рядом нет…
Вдруг тучи пронзил солнца луч золотой –
душа, оживая, вновь спорит со мной:
за тучами скрыт небосвод голубой!

Мечты

По бархату травы весенней
бегу за ярким мотыльком.
Его пленяясь настроеньем,
целуюсь с вольным ветерком.
От трепетных прикосновений
моя душа взмывает ввысь.
Снов бессознательных томленье
и неосознанный каприз
меня смущающих желаний
сплетаются в цветной венок,
и шепот дерзкого признанья
приносит юный ветерок.
Кружа поток воздушных струй
над головой моей хмельной,
срывает жаркий поцелуй
с губ, намагниченных весной,
встопорщив шелковый подол,
порывом дерзким освежил
нагое тело – ласк задор
невинно голову вскружил.
А яркий мотылек вдали
все выше в небо улетал:
там за пределами земли
его двойник небесный ждал…
Я им вослед машу рукой,
притих вдруг ветер озорной
и вечность овладела мной…

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

У бессонницы строптивой
бесконечна ночь порой.
Родилась я несчастливой?
Или нрав играет роль?

У тоски моей вчерашней
бесконечно долгий путь,
стало даже сердцу страшно,
когда боль сжимала грудь.

Постепенно привыкаю
к откровенности своей –
мысли медленно листаю
по задворкам тусклых дней.

Вдруг скупому ожиданью
подмигнет луч золотой:
восхищенное сознанье
заполняет образ твой.

Солнечной пыльцой ложится
память юности моей
на потертые страницы
не таких уж скверных дней…
Вспоминая, молодею –
или зеркало жалеет? –
улыбаются морщины –
не стареет путь мой длинный.

ОТРЕЧЕНИЕ

Болеть тобой давно я разучилась:
моя печаль о прошлом так сладка.
В моей ладони не твоя рука.
Она так невесома и легка,
от трепета ее моя душа смутилась –
от власти я твоей освободилась,
ее уносит млечных звезд река.
Сжимаю руку, не твою, слегка –
открыть пытаюсь новую страницу
моей судьбы, где нет тебя уже.
В мгновение на смутном рубеже
пригрезилось смутившейся душе,
что я сумею еще раз влюбиться…
Давно мне ничего о нас не снится
в ночном театре снов.
Моих ушей
коснулся шепот, твоих ласк нежней –
я с прошлым рву связующую нить,
моя душа трепещет от блаженства.
Как бесконечно мира совершенство:
не жаль терять и снова находить
порыв ответный тела и души…
Ты, если вспомнишь, все же напиши,
как жизнь сложилась без любви моей…
Я буду рада весточке твоей.

ИЗНАЧАЛЬНО

От горячего дыханья
страстных губ душа дрожит.
Тела жаркое касанье
мою голову кружит.
Руки ищут робко плечи,
слов магнит пьяней вина.
Разум сердцу не перечит,
душен воздух, ночь хмельна.
Запах буйного цветенья
опаляет крови ток.
Приручённое смущенье
обнажает ласки шелк.
Откровений просят губы
и пылающая кровь –
искушающая судьбы,
наслаждается любовь.
Сколько времени продлится?
Знает кто, какой дан срок? –
на безропотных страницах
ее сроком правит слог:
на мгновенье оборвется
и опять к бумаге льнет…
Память в прошлое вернется –
юный след вдали мелькнет…

…Снова слог ведет строкой
чей-то путь моей рукой…

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Пожухшею листвой уносят
года испытанных друзей.
За окнами лисицей осень
хвостом мелькает стылых дней.

Мрачнею я от непогоды,
от неуёмности потерь.
Осенняя печаль природы
приоткрывает в небо дверь.

Я среди туч брожу тоскливо,
дождем смываю слез ручьи,
омытая озябшим ливнем,
ловлю закатные лучи.

В них кутаю скупые мысли
и вечной ностальгии крест.
На обелисках черных чисел
осенней грусти отблеск есть.

И в легкой поступи ушедших
я слышу и свои шаги.
В осенних снах печально вещих
ткет память вечные круги.

Они, сбываясь, ветром кружат,
срывая с ветки, лист сухой.
Ноябрьский воздух пахнет стужей
и наступающей зимой.

ЗВУЧАЛА МУЗЫКА

Порхают бабочки в душе –
в квартире музыка звучит.
Восторг прощения обид
по лезвию судьбы бежит
в Эдем, где ангелы уже
поют ей гимн, созвучный раю.
В блаженстве голову теряю:
врагам своим грехи прощаю!
Что мне до них?! В душе моей –
гармония созвучий нежных
небесной музыки. За ней
я улетаю в край безбрежный
бездонной выси надо мной,
путь Млечный трогаю рукой.
Очарованье нотной вязи
меня берет в чудесный плен,
где, подчиняясь ему сразу,
я жажду чудных перемен,
пока еще мне неизвестных,
но от желаний грудь тесна.
В порханье бабочек небесных –
моя далекая весна
и грусть осенняя, и луч
надежд, блеснувший из-за туч…

В звучанье трепетных мелодий
парил над миром дух свободный
моей души и бытия –
сливалась с небесами я…

КУВЫРОК

Безотчетно убегала
в запредельный окоем:
там заря алей пылала,
солнца луч горел огнем.

Там рассветы и закаты
наслаждались тишиной.
Покаянно кто-то плакал
и смеялся за спиной.

Скрипка жалобно стонала,
пел надрывно саксофон.
Меня звуки обгоняли,
с жарких губ срывая стон.

На мои следы ложилась
пыль извилистых дорог.
Позади беда кружила,
впереди зев скалил лог.

Я в овраг с крутого яра
покатилась кувырком.
Мое сердце усмиряя,
охватил взгляд окоем:
на краю заря пылала
обещаньем лучших дней…

Не беда за мной бежала –
моя доля снилась мне.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Зимний вечер за окном
хлопья снега вьюжит.
Сумрак вполз в притихший дом,
посинев от стужи.

Я присела у окна,
кутаясь в шалёнку.
Даль дороги не видна –
замелась поземкой.

Тусклым светом фонари
в снежной мгле желтеют,
свет пытается смирить
пляшущие тени.

Вьюга замела дома,
хороводит мысли.
Запорошила зима
грусть осенних листьев.

Пляшут тени, снег метет,
белым пленом манит,
тайных мыслей хоровод
голову дурманит.

Расплясавшихся теней
плен метелью кружит –
в желтом свете фонарей
снег былое вьюжит.

НЕПОСТОЯНСТВО

Кого моя судьба гнала? –
не угадала юность бога,
и увела меня дорога…
А память все еще ждала,
почти забывшая слова
чужой любви и глаз сиянье
в ответ на робкое признанье.
Моя шальная голова
по лабиринту тупиков
судьбу все дальше уносила.
Твоя любовь была бессильна –
рок выбирал иных богов.
Был каждый платой и крестом
души доверчиво влюбленной –
она как провод оголенный,
притягивая, жгла огнем.
Дотла сгорала и сама,
не замечая, как беспечно
стремится бабочка на свечку,
где манит свет, а правит тьма.
В конце пути раздумий шквал
меня ночами настигает,
ночных кошмаров сонм пугает,
непредсказуемый финал
вновь в поддавки со мной играет:
я возвожу себя на трон –
как зыбок и не прочен он
без королей и верных слуг…
Капризна тишина вокруг.

ВЕЧНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

Ах, это женское пристрастье:
высоких чувств искать накал
в небесных сферах, верить в счастье
и нереальный идеал.

Вновь торопить судьбу и медлить
перед решением ее.
Мне сердце глупое намедни
склевать пыталось воронье.

За мимолетное блаженство
и обещание любви,
терзая плоть несовершенства,
секли чужие и свои.

Я принимала кнут и пряник
надежд и домыслов чужих.
Слова хмельные, воздух пьяный
рассудок тешили двоих…

Я с упоеньем шла на плаху
судьбы то ласковой, то злой:
мне так хотелось, чтобы плакал
ты обо мне чуть-чуть шальной,
когда молва меня судила
и метко память бередила.

НЕУЖЕЛИ…

Обжигает губы шепот,
закипает страстью кровь.
Ну, зачем мне сердца ропот? –
Ни к чему ему любовь!

В голове едва мелькает
здравый смысл каленых слов,
захмелевшей дымкой тает
в дивных трелях соловьев.

Хмель предчувствий и обманов
гнал по жилам крови ток,
не скрывая, что заманит
в омут ласк…
Помилуй, бог!
Эти поздние свиданья
ни к чему слепой душе,
о несбывшихся желаньях
не горюющей уже.

Но рассудок не владеет
поглупевшей головой,
жаркий шепот не жалеет,
искушая, разум мой…
Губы страстные целую…
Неужели вновь люблю я?!!

КОЛЮЧИЙ СТРАЖ

Аромат цветов обильных
на кусте ветвей колючих
освежает воздух пыльный
лета знойного. Пчел тучи
над кустом нектар вдыхают
и жужжат от наслажденья.
Зайчик солнечный, играя,
золотом пятнает тени.
Ветерок трепещет в листьях,
лепестки целует нежно.
Цвет шиповника льнет к мыслям,
будит новые надежды.
Желтым облаком цветенья
колких веток восторгаюсь,
наслаждаюсь птичьим пеньем,
от реалий отстраняюсь,
и душистые соцветья
я тяну к себе беспечно.
Из колючек жгучих ветви
исцарапали мне плечи,
от царапин жжет запястья,
кровь пятнает шелк пахучий –
видимо, и мое счастье
охраняет страж колючий.

В СТОЛЕ

Внутри стола таятся имена,
сумбур надежд, томление желаний,
мое прощенье и моя вина,
объятья встреч и слезы расставаний.
Все чувства на листках черновиков,
исписанных рукой неторопливой.
Обрывки фраз и напряженье слов
пытаются найти ответ правдивый
на смысл и назначенье бытия.
Условность тайн рожденья и бессмертья
понять пыталась в откровеньях я
на острие страстей по круговерти,
что за пределом ждет, и чем жива
моя душа на торопливом свете:
живительны и горькие слова,
особенно при зыбком лунном свете.

Опять сижу в ладу с карандашом
и бисер слов нанизываю вязью.
Замру над недописанным листком
на миг, не находя желанной связи
между словами, чувствами и мной,
придирчивой, наивной и жестокой…
Я – всякая, но трудно быть земной
и уноситься высоко-высоко!
Мир вдохновенья и бумаги белой
вдруг устремляет ввысь земное тело…

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

На краю земли и неба
примостился разум мой.
Подчиняясь ему слепо,
я плетусь за шар земной.
Окровавлены подошвы
ног босых от сорных трав
с их колючками, и ноша
гнет к земле. Усталый нрав
тяготится дальней целью,
пыльным воздухом. Назад
повернуть бы. Не осмелюсь!
Разгорается закат
во всю ширь небесной кромки.
Солнца яркие лучи
багровеют, а в котомке
тихо бряцают ключи
от дверей в обитель бога.
Или пекла сатаны? –
За чертой моей дороги
только сполохи видны,
постепенно заполняя
жаркой краской неба высь,
мои ноги подгоняют:
вечер бродит где-то близ
сумрака ночного поля
за поникшею спиной.
Мне бы чуть побольше воли,
покорить бы шар земной
я смогла бы! Но со мной
жестко спорит разум мой…

* * *

Обнажается память – все глубже
проникаю в ее тайники:
по задворкам меня они кружат,
по словам непослушной строки.

Мое сердце взрывается болью
от осколков безжалостный дней.
И смеюсь я, и плачу невольно
над судьбой бесприютной моей.

Не ее я себе выбирала,
не такую провидели сны.
Память робко в проулках искала
моей жизни победные дни.

От предчувствия близкого счастья
сколько раз обмирала душа.
Знала я и любовь, и проклятья,
своей милости бог не лишал.

Почему же судьба моя лихо
поменялась местами с другой?
Ропщет сердце то гулко, то тихо,
раздражен чем-то разум шальной.

Память ищет подсказки и знаки,
от которых зависела роль:
рядом кто-то смеялся, кто плакал,
усмиряя строптивую боль.

ЖАРЫНЬ

Жаркий полдень. Перекресток.
Медлит конь. Куда свернуть,
выбираю я: непросто
угадать из трех свой путь.
Камня нет с подсказкой верной,
раскалился жар лучей,
и сдают от злости нервы
от шипов нещадных дней.

Буреломы, косогоры,
лабиринты, тупики,
нрав шальной и непокорный,
своеволие строки,
все забавы и обиды,
тайны знаков вещих снов
от чужого взгляда скрыты
в глубине моих зрачков.

Путь обычный выбирала,
но гнала коня хлыстом.
Вдруг на перекрестке встал он,
будто с неба грянул гром!
Но ни облачка не вижу.
Жар каленый пот струит.
Там за поворотом ближним
кто-то ждет, но конь стоит,
только прядает ушами…
Обжигает зной лучами –
дух жарыни правит нами…

ПРОГАЛИНА

Чья душа заглянула с небес
из-за туч в синь прогалины зыбкой?
По листве пробегая, дождь всхлипнул,
взгляд таинственный тут же исчез
в глубине с усмиренной попыткой.
Кто его напугал и кого
он пытался найти за минуту,
где был дождь на излете как будто,
на последнем дыханье всего,
без чего жить и там бесприютно?
Взгляд бессмертной души тосковал,
может быть, в безвоздушном пространстве
обо мне? Из наскучивших странствий,
неземных, он на землю сбежал,
искушенный моим постоянством?
Чья душа неотлучно со мной
быть пытается в мире подлунном?
Кто, лаская души моей струны,
вызывает восторг? И покой
наступает благой и бездумный:
всех люблю и прощаю себя
в этот миг, ни о чем не жалея…
Ветер тучи разнес. Вечереет.
Журавли надо мною трубят.
На конце опустевшей аллеи
появляется вдруг силуэт
из наивно восторженных лет…

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПИЛИГРИМ

Странник в выцветших одеждах
под окном стоит с сумой –
где-то мне встречался прежде
пилигрим как лунь седой.

В нем проглядывает облик,
искаженный дымкой лет –
моей памяти невольник
протоптал забытый след.

Запыленный и усталый,
путник машет мне рукой.
Я его, конечно, знала
раньше – в жизни молодой.

Он тогда сумы убогой
за плечами не носил.
Прогневил, наверно, бога?
Или беса искусил?

Потрепала жизнь нещадно.
Может, мысли жгли огнем?
Все потом расскажешь. Ладно?
А сейчас входи в мой дом.
Обогрейся. Посидим,
нашу память оживим,
запропавший пилигрим.

ПОВТОРИСЬ

В рассветных травах трепетали росы,
пугливо льнули к медленным шагам.
Стыдливым полушепотом вопросы
струили искушенный фимиам.
Бледнели звезды в розовом тумане
волшебных красок утренней зари,
когда ее восход сквозь дымку манит,
а ночь еще не гасит фонари.
Их тусклый свет на городских дорогах,
взгляд привлекая, мысли усмирял,
но сердце снова искушалось слогом
клятв колдовских. Рассветный луч дрожал
во влажной глубине зрачков бездонных,
по бледному лицу едва скользил,
позолотив развесистые кроны
деревьев, птичий гомон разбудил.
Мир просыпался. Откровенный шепот
с восходом солнца медленно стихал,
смущенно страсти угасали. Ропот
сознания сквозь кожу проникал
разгоряченного соблазном тела,
а сердце не хотело забывать –
птенцом веселым трепыхаясь, пело:
Будь все, что есть!..
И повторись опять!

ВРАЩЕНИЕ

Еще один виток привычной жизни
приоткрывает новый поворот.
От колыбели до печальной тризны
всего лишь миг…
И снова переход
на дальнюю дистанцию, быть может?
Возможно, зодиака вещий знак
прокружит цикл – двенадцать лет итожа,
вернется вновь в ноябрь, и первый шаг
я сделаю, в земном круговороте
вселенную о смысле бытия
оповещая криком на восходе
предзимнего неласкового дня?
Вновь повторится бурное теченье
моей судьбы, то дерзкой, то смешной.
Ноябрь, не признавая исключений,
все так же властно будет править мной.
А может, небо призовет к ответу
его невразумительную власть?
Но ни зимой или весной, ни летом
рождаясь вновь, не поживу я всласть,
мир ощущая каждой клеткой тела,
предчувствием томиться и казнить
себя привычно – как бы я хотела
дух ноября своей судьбе простить
и небо всемогущее просить
вновь в ноябре на землю возвратить!..

ПРОЩАНИЕ

Лиле Журавлевой

В черной дате – слезы и отчаянье,
мир пустеет и скорбит душа.
Ненадолго разошлись случайно,
оказалось, навсегда. Спешат
годы мимо. Даже оглянуться
некогда порою впопыхах.
Редких встреч мгновенья не вернутся,
перед вечной бездной стынет страх,
замирает сердце от разлуки
навсегда и покаянье жжет
слов прощальных сдержанную муку.
Как непредсказуем черный год,
неожиданно принесший горе
сыновьям и плачущей родне!
Я с тобой уж съела столько соли,
что не счесть. Невыносимо мне
пережить уход твой, горько плачу
вместе с сыновьями.
Видит бог,
смерти нет! И ничего не значит,
где начало и конец дорог:
там за гранью прошлого итог
начинает новых дней виток!

СЛЕД ЛЮБВИ

Вслух сказать о любви не спешу –
ее тень пролегла между строчек.
Откровением слог искушу
несмирение слов непорочных.

С глубиною бездонной сольюсь
синевы бесконечного неба,
вдохновением мыслей напьюсь,
замешав на крови быль и небыль.

Запишу на бумаге слова,
зарожденные взлетом дыханья
за чертою, незримой сперва,
неосознанных тайн мирозданья.

Фантастических мыслей полет
ощутимей, рельефней и выше.
Хлыст надежд плоть живую сечет,
боли стон на бумаге не слышен.

За нее расплатились слова:
строки нежат греховные речи.
Как шалела от них голова
в бесконечно обманчивый вечер.

Лишь мгновенье на вдох и опять
выдыхаю смятение мыслей,
между строчек не смея скрывать
след любви обреченного смысла…

ПЛЕН ТУМАНА

Туман с низины полз молочной пеной
по городу, лип к окнам и домам,
и растворялись в мгле змеистой стены,
деревья, люди, златоглавый храм…
Повсюду только белая завеса
обманчиво загадочных клубов.
Они, возможно, не находят места
под небом городским среди домов
и, заполняя улицы собою,
замедленно ползут, клубясь, к холмам?
Все поглощая мглистой пеленою,
мир устрашал удушливый туман.
Я задыхалась от его объятий,
из мглы рвалась дрожащая душа:
ее пугала за грехи расплата –
липучий страх последних сил лишал…
И вдруг мелькнул просвет небесной выси
у края вязкой мглы и вновь исчез,
но устремились безоглядно мысли
к просвету благосклонному небес.
Мгновенно стало легче и туман
стал исчезать как миражей обман:
опять лучистый небосвод сиял
и, обнажаясь, город оживал,
мой взгляд минуты радости ловил –
лазурный окоем меня живил.

СОЛНЕЧНОЕ УТРО

Голубое утро,
солнечный настрой –
я опять, как будто,
стала молодой:
спозаранку сердце
весело стучит,
страсть желаний перцем
мысли горячит:
скачут как шальные
наперегонки
думы молодые
годам вопреки.
Воздухом, пьянящим,
распирает грудь.
Спорит с настоящим
мой вчерашний путь.
Может, прожила я
жизнь свою не так,
но мосты сжигая,
ускоряла шаг.
И душа взлетала
в синь над головой…
Ярким утром стала
вновь я молодой!

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Мосты сжигая за собой,
себя считала виноватой.
Звала наитие судьбой,
бежала наобум куда-то.
Обидам выстилала путь
неизъяснимыми шелками
и думала: «Когда-нибудь
им брошу вслед ответный камень…»

Он прилетел издалека,
из давних дней и расстояний.
Его метнувшая рука
не признавала покаянья.
Летели друг за другом вслед:
один удар другого крепче –
давно обещанный ответ
пригнул к земле мои же плечи.

Мой шаг споткнулся на бегу,
себя судить была готова –
но разве обвинять могу
я опрометчивое слово?!

Обиды таяли как снег
весенним утром. Новый бег
шаг начинал…
И снова мост
сжигал за мной предвзятый мозг.

ВСКАЧЬ

Стремглав промчал двадцатый век
и двадцать первый пятки давит.
Их упоительный разбег
надеждами моими правит.

Кнутом стегаю лошадей,
впряженных в старую повозку.
Как много уместилось в ней
чужих обид и жалоб слезных.

И застарелая тоска
в повозке горбится понуро –
веселый облик седока
написан не с ее натуры.

Ей явно хочется сбежать
от удали моих мечтаний.
Бег времени не удержать,
и горизонт, как прежде, манит.

Вскочила на бегу в седло –
невероятно повезло:
повозка, полная невзгод,
осталась ждать вчерашний год…

РАДУГА

По разноцветной радуге
шагнуть бы в неба высь,
заполнить криком радости
размеренную жизнь!

Опять девчонкой ветреной
хоть на мгновенье стать,
с босыми километрами
вперегонки бежать.

Там сарафан мой шелковый
в синь парусом взлетал…
На хмарь с дождями колкими
мой взгляд смотреть устал.

Гляжу на тучи серые
с назойливой тоской.
Как успокоить нервы мне,
когда весь мир чужой?

С утра хлябь неуемная
разверзла небеса…
Вдруг солнцем упоённая,
цветная полоса
к земле прогнулась радугой,
и засиял мой взгляд:
светло, как в детстве, радуюсь –
живит небес наряд.

ЗОНТ

Опрокинулось небо ливнем,
мглой внезапной смутился взор.
Под зонтами с раскраской дивной
лица спрятал стозвучный хор
голосов бегущих прохожих
от напора летящих струй,
до озноба пронизывал кожу
обжигающих брызг поцелуй.
Смех взрывался над каждой лужей,
шаг не медлил под шквалом вод.
Зонт едва ли защитой служит,
если воля его влечет!
Вырываясь из рук от ветра,
он, как парус, несется ввысь.
У крыльца на последних метрах
окатил сонм веселых брызг.
В них тону и смеюсь. Мой зонт
приоткрыть мне спешит горизонт.
Через лужи взлетаем стрелой:
я и зонт мой игриво шальной.

БРОДЯГА

По свету белому бродила
моя заблудшая душа –
беспечность за меня решила,
куда идти, кого лишать
кивка надменной головы,
прощенных слов. Ничьей, увы,
хотелось быть душе моей
в капкане искушенных дней.

Чужие будни окружали
ее в сплетении дорог.
Вдали ей миражи сияли,
пыль обжигала стопы ног
усталых, жаждущее тело
на миг припасть к земле хотело
и отдохнуть от суеты
под сенью неба и мечты.

Куда занес меня Пегас?
Где кров обманчивой души?
Над бесконечной бездной фраз
мост в край непознанный лежит.
Душа ткет нить судьбы моей
в круженье мимолетных дней.
Меня пытаясь усмирить,
вьет чуткий путь дороги нить.

ЧЕЛН

Слеза скатилась по щеке,
споткнулся голос.
Хотелось дрожь унять в руке.
Явь раскололась
на до и после гневных слов:
был к одиночеству готов
мир в наступившей тишине –
ревнивый ум не верил мне.

Еще не зная долгих дней
воспоминаний,
шагнула из судьбы твоей
я в омут крайний,
сомкнулась стылая вода
и обреченные года
в один момент над головой,
не остужая норов мой…

Бреду в глубинах зыбких вод,
печаль смиряя.
Далек ли, близок берег тот? –
не доверяю
глазам своим: у края волн
колышет рябь усталый челн,
в котором ты стоишь – слеза
слепит смятенные глаза,
миг сожаления горчит,
как и тогда, рука дрожит…

ВЛАСТЬ ШИПОВНИКА

Колючие ветки скрыты цветами,
их аромат к обонянию льнет,
голову кружит, но запах с шипами
тронуть попробуй – в кровь обожжет!

Как удалось оборвать злой шиповник?
Нежно душист цвет его лепестков,
но исцарапан мой верный поклонник
цепким объятием жгучих шипов.

Кровь запятнала ладони и ворот
белой рубашки, край вазы и стол.
Немилосердно ты весь исколот,
а подо мною качается пол.

Дрожь пробирает от алых отметин,
от запахов пьяных и омута глаз…
Я что-то сказала, ты что-то ответил –
шиповника цвет завораживал нас.

Оба хмелели от запаха крови,
от аромата томных цветов,
от ощущений прежних и новых –
мир наслаждался таинством слов.

Я упивалась магией цвета,
жгучим томлением речи и глаз…
Страстью дышало жаркое лето.
Шиповника власть одурманила нас.

СИНИЧКА

Я поймала синюю птицу
неожиданно и легко…
Оказался журавль синицей,
перепуганной, под рукой.

Так тревожно сердечко билось –
гулкий страх в веках глаз дрожал.
Милосердию я училась,
когда пальцы кулак разжал:

На раскрытой ладони птаха
глаз открыла, потом второй,
встрепенулась. Дрожа от страха,
оглядела простор земной…

…И вспорхнула с моей ладони
в синеву ее крыл синей…
Мое сердце опять в полоне
искушающих миражей:

Ухватила рука синицу,
ввысь взлетела душа моя…
в снах цветных синекрылой птицей
небеса покоряю я…

ДАЛЬНИЙ ПАРУС

Белый парус над волной
ветер подхватил
и несет за синевой,
не жалея сил.
Гривы волн за ним бегут
наперегонки,
в небе облака плывут…
Легкий взмах руки
провожает моряка
в путь за край земли.
В море тают облака
в маревой дали:
берег дальний морем скрыт,
ближний – отступил.
В храме колокол звонит,
парус заскользил
по волнам быстрее вдаль,
звон за ним плывет,
сердца светлую печаль
манит небосвод.
Мой притягивает взгляд
парус над волной.
Мысли вольные летят
вслед и правят мной.

ВЕСНА

Весна окно омыла
лучистой синевой.
Покорно отступила
зима. День золотой
с утра природа славит
и птичьи голоса
весенним балом правят
в лазурных небесах.
Мир сонный освежился,
вмиг лучезарным стал.
Мой сплин угомонился –
печалиться устал.
Восторг переполняет
до кончиков меня.
Восторги птичьей стаи
в живых ручьях звенят.
Распахиваю створки
умытого окна…
Скатилось солнце с горки
за край и тишина
замедленно объяла
алеющий закат.
Я у окна стояла,
свет первых звезд мой взгляд
ловил и упоённо
вдыхала воздух я:
крылатой и влюбленной
была душа моя!

НОЧНОЙ ВОСТОРГ

Мерцала мгла струистым светом
в тени раскидистых ветвей.
Шептал листве о чем-то ветер,
желтели пятна фонарей.

Был воздух упоён прохладой
и таинством высоких звезд.
Явь, не похожая на правду,
таила вечный искус грез.

Ночь фантастических мечтаний
была соблазнами полна.
Свет обольстительный и странный
струила полная луна.

За смутный край земли и неба
мгновеньем уносился взгляд.
Смешав искусно быль и небыль,
он медлил повернуть назад.

Но ветер теребил деревья,
с листвой шептался о былом.
Мир заполнялся страстью древней
и в сердце разжигал моем
пыл предков.
Подчинялась я
законам кровным бытия,
волшебной магии ночной –
мир, совершенный, правил мной.

ЖИВАЯ ВОДА

Пригубила глоток родника
у тропинки по краю заката.
Плеск воды розоватой слегка
был на вкус упоительно сладок.

Разлетался осколками брызг
притягательный искус прохлады.
Поднебесных высот вокалист
усладил мое сердце руладой.

Уносился мотив неземной
в дали дальние синих просторов.
Наслаждаясь хрустальной водой,
я присела на мшистый пригорок.

И забыла усталости груз,
долгой памяти меткие цели:
предзакатная светлая грусть
усмиряла былые метели.

Гимн вечерний свистал в синеве
неуемный певец, заливаясь,
мысли пели в моей голове –
мир живила вода ключевая.

МОЙ СЛЕД

Сорвалась с горы высокой,
покатилась в бездну…
От меня не ждали толка?
Или нрав железный
надоел кому-то слишком?
Но спросить забыли,
для чего ползла я выше
облаков и крылья
кто обрезал спозаранку
на большой дороге:
не простили перебранку
с ними слуги бога.
Долго ангелы летали
над горой высокой –
видно, след мой потеряли…
По тропе пологой
поднимался в гору странник
на коне усталом.
От прохлады утром ранним
марево стояло.
Конник в небо взгляд направил
натянул уздечку,
поклонился в пояс травам,
ветру, солнцу, речке,
потрепал коня…
Не признал меня
в бездне под горой
странник пожилой –
не приметил он мой след
за седым порогом лет.

ДИСБАЛАНС

Жалеть о чем-то, с кем-то спорить,
в подушку слезы лить ночами
зачем? Пустые разговоры
едва ли повторят отчаянье
моих надежд, слетевших вниз
с высот заоблачных, и лист
бумаги скомканной спешил
распять их на крестах могил.

Как быстротечны дни, и годы
ткут памяти узоры нитью
не шелковой. Мои невзгоды
опровергали сны наитий
цветных, таинственных. Удел
в них черпал силы устоять
над бездной грешной скучных дел
и падать, чтобы вновь взлетать.

Я не искала смысл везенья,
над невезением смеялась.
Вокруг меня кружатся тени
тех, у кого в долгу осталась.
Вновь, чуть живая, вверх ползу –
так неуютно быть внизу,
когда распахнут синевой
простор небес над головой.

НОЧНОЙ ДОМ

Тоскует дом. От странных вздохов
я просыпаюсь. Дрожь унять
пытаюсь тщетно: тело плохо
мне подчиняется. Кровать
скрипит и стонет подо мной.
Часы бегут по круговой
куда-то, время догоняя,
страшат меня тоски стенанья.

Дом призраков, хмельных пирушек
со мной играет в поддавки:
звучит вдали свирель пастушья,
шаги по комнатам легки –
крадется прошлое ко мне.
Луна нахмурилась в окне.
Былое память вспоминает
и тяжко старый дом вздыхает.

Свирель за облаком воздушным
высвистывает звуки нот,
волнуя и тревожа душу –
наверно, дом кого-то ждет?
Видения иных миров,
не зная человечьих слов
меня свирелью развлекают,
перед глазами дни листают
давно ушедшие…
А дом
о тех, кто жил когда-то в нем
грустит, вздыхая в тишине…
Ночь напролет не спится мне.

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Медведь на выступе скалы
вновь взволновал меня как прежде.
Он в небеса глядел с надеждой:
сквозь дымку от него вдали
мелькала силуэтом нежным
мечта на краешке земли.
Какие силы увели
ее за грань страстей земных?

Мой шаг направила тропа,
невольно подчинив желанью,
возникшему внутри сознанья:
грехи какие искупал
застывший камень изваяньем
седого зверя? Как попал
на край скалы? Кто возроптал
и для него мечтою стал?

Путь шел по каменной гряде,
усталость медлила движенье,
дыхание от напряженья
хрипело: воздуха предел
был истощён. Нагроможденье
камней, уступов и нигде
ни кустика…
Закат зардел
над выступом, где зверь сидел.
С обратной стороны скалы
мой взгляд увидел вдруг творенье
небесных сил. Или рожденье

легенды древней? Удалых
времен кровавые сраженья
за чудо из чудес земных,
сбежавшее за край земли
мечтой, растаявшей вдали.

Мой изумленный взор пытался
две стороны соединить:
уступ был тем же, зверь остался
на обороте. И забыть
медвежий силуэт не в силах
им потрясенная душа.
Природа как соединила
два образа?!
Я, чуть дыша,
не отводила глаз от стана
бегущей девушки. Медведь
был явно из того же камня,
все так же будет он сидеть
веками на краю утеса.
Но здесь – с обратной стороны –
как стал горянкой длинно-косой
на фоне каменной спины?

Легенда медленно будила
воспоминания времен.
Я вдохновение молила
взлететь за дальний небосклон,
где человеческие души
парят в межзвездной тишине…
Слух, напряженно, горы слушал –
мир тайный открывался мне.

НЕИЗМЕННОСТЬ

Уму-разуму учили
бесконечно стар и мал…
Многие меня любили,
но никто не удержал.

Уходить без сожаленья
научилась с ранних лет,
подчинялась настроенью,
не брала в расчет совет.

По волнам плыла беспечно,
куда мчался вод поток.
Моей буйной жизни речка
пронеслась в мгновенный срок.

Оглянуться не успела,
как прибило к берегам,
где молва меня судила,
предъявляя счет грехам.

Кто-то плачет от смятенья
на конечном рубеже.
Неуютно сожаленью
в непокорливой душе.

Пусть судьба вновь повторится:
что случалось, то случится.
Будет прежним путь беспечный
моей жизни быстротечной.

КРИК

Теряю голову ночами
от страсти, поглотившей вдруг.
Все мои прошлые печали
исчезли, только сердца стук
и откровенность жарких мыслей
воспламеняют крови ток.
Любовь ли, низменный порок –
власть плоти? Не имеет смысла
вопрос, чем искушает рок.
Но хлад предчувствий сердце стиснул,
на миг лишь буйный грохот смолк
и вновь взорвался, оглушил,
до взрыва вены раскалил
ток обезумевшей крови.
От наслажденья до любви –
один лишь шаг, всего один,
но бесконечен миг…
Руин
обломки взгляд заворожили,
могильный холм мелькнул вдали.
Под небом вороны кружили
над самым краешком земли…
Но страсть пылающим объятьем
вновь охватила плоть и миг
за наважденьем и проклятьем
развеял обожженный крик
любви и страсти огневой.
Им потрясен был мир земной!

КАРУСЕЛЬ

Карусель по кругу кружит –
разноцветных красок праздник.
Солнце по весенним лужам
скачет. Ветерок-проказник
наслаждается приходом
ясных дней и треском почек
оживающей природы.
Юность шепчет и пророчит
мне счастливое свиданье
с бесшабашным острословом.
Я дрожу пугливой ланью
от чарующего слова.
А цветная вереница
карусельной круговерти
за черту земную мчится.

От рождения до смерти
не замедлится движенье
ни на миг, и страх паденья
сковывает на мгновенье
мое тело, возбужденье
пересиливает мысли
о превратностях ненужных –
искушающие риски
карусель по кругу кружит.

От соблазнов настроенья
в круговерти карусели
восторгаюсь днем весенним.
Обещает март апрелю
исполнения мечтаний –
мое сердце в дали манит.

ЮНЫЙ ПРИЧАЛ

Было, не было – прошло,
словно речкой унесло
по волнам и перекатам,
где весна цвела когда-то,
искушая и пьяня
хмелем воздуха меня.

Поцелуев робких трепет,
юных губ стыдливый лепет,
шелк объятий, шепот нежный,
звезд сияние, надежды
завораживали разум
восхищенно и бессвязно.

Дней весенних сладкий омут
я как прежде ясно помню,
и мечты мои опять
возвращают годы вспять,
где в плену воспоминаний
вновь бегу я на свиданье –
от причала за тобой
уплываю в рай земной.

Повторить бы все сначала:
речка, лодка у причала,
поцелуи и смятенье…
Возвратись хоть на мгновенье
та весна и мальчик рядом
с упоенным мною взглядом…

ОБЕЩАНИЕ НЕБА

Я плакала от счастья и смеялась –
у слез моих был вкус вина пьяней,
щемящая тоска вчерашних дней
в объятиях безгрешных растворялась.
Меня счастливей не было, казалось,
и не было мне ничего родней
лица, в котором счастье отражалось,
как в зеркале, от радости моей.

От сладких слез качалась под ногами
земная твердь, кружилась голова,
хмелели откровенные слова
и не играл никто из нас словами:
происходило что-то между нами,
необъяснимое, и я смогу едва
восторгом упоить или слезами,
что этим миром правило сперва.

Во мне рождалось древнее начало
всех ощущений чувств, и разум мой
туманился от крови огневой,
кипящей в венах. Радость ощущала
я каждой клеткой. Всех и все прощала
моя душа. Лежал весь мир земной
у ног моих, и небо обещало
любви неукротимой непокой.

НОЧНОЙ ПРИЮТ

Опять мой ангел ждал меня на крыше
и говорил мне долго о любви.
Он рассказал, что ты живешь в Париже,
и даже неожиданно съязвил
по поводу свиданий при луне,
когда стихи нашептывал ты мне.

Высокая мелодия звучала
над ветхой крышей моего жилья.
Она опять мне что-то обещала,
и чем-то вновь обманывалась я.
Мой ангел улыбался, но слеза
блеснула вдруг потерянно в глазах.

Он, может, вспомнил о моих утратах?
В его крыло уткнулась я лицом.
Была ли непомерной моя плата
судьбе с терновым на челе венцом?

Мерцали звезды в небе надо мной,
о вечности шептал мне ангел мой.
Он будоражил моей крови ток,
полетом мыслей управлял восторг.
Ночь уходила. Чуть алел восток.

В ПРЕДВЕРИИ

Извечный соблазн упоительной власти:
плененного сердца грохочущий стук,
кипящая кровь, обнаженные страсти
и голос, дрожащий в сплетении рук.

Дыханье спирает от дерзких объятий
и жаркого трепета сладостных слов,
смелеют ромашки на шелковом платье
и падает ворох струистых цветов
к ногам,
искушая в глубинах сознанья
последнюю грань беспорочной любви.
Падение в бездну, из рая изгнанье
сулят сладострастные речи твои.

Бушующей кровью поверженный разум
не ищет ответов сумбурным словам.
Греховный намек опьяняющей фразы
льнет жарким дыханием к дерзким губам…

В сиянии звезд растворилась душа…
Что с нами случится, в раю непременно
бесстрастные судьи наутро решат…

ТОНА

Алел закат у края небосвода.
Темнея, розовели облака.
Притихла настороженно природа:
ни птиц, ни дуновенья ветерка.
Как-будто замер мир в истомной неге
в предчувствии ночного торжества.
Блеснули искры звезд в вечернем небе,
заката краски блекли. Оживал
подлунный мир. Волшебное светило
всплывало из бездонной глубины
вселенной и замедленно чертило
извечный путь.
Таинственной луны
вослед по кругу внеземной орбиты
из века в век за ночью день спешит,
меняя краски магии палитры
ночного неба и моей души.
Струилась кровь по венам оживленно –
ночь искушала упоенный взгляд.
Я девочкой наивной и влюбленной
была опять, как много лет назад.
Вновь торопилась ночь меня, как прежде,
взять в плен очарованием своим,
закат, восход, мир бесконечный между
соединив мгновением одним.
Моя душа, соприкасаясь с ним,
взлетала ввысь с ожившею надеждой.

БЕССИЛИЕ

А я опять ночами плачу
и сердце на меня ворчит,
что время зря на память трачу:
оно беспечно мимо мчит,
не замечая чьи-то слезы,
страданий стоны, радость, смех.
Его не трогают угрозы
невольников. Вселенский грех
ему жестоко безразличен.
Мольбы людские, слезный бред
морали в нищенском обличье
не сокрушат. То мрак, то свет,
то ночь, то день спешат на смену,
но звезды тот же кружат путь.
От мыслей никуда не денусь –
сечет меня все тот же кнут,
и те же делаю ошибки –
причудлив опыт долгих лет –
судьбы капризы жду с улыбкой,
а по ночам покоя нет
от окаянных прегрешений
неуправляемой души.
У времени нет утешений,
но память вновь туда спешит,
где кровь бурлила от любви,
тонула я в глазах твоих –
бессильно время изменить
судьбы намеченную нить.

ЭХО НАСТРОЕНИЯ

Впереди за косогором
даль дороги не видна.
Позади холмы и горы,
и лихой судьбы вина.

От всесилья окаянной
никуда не убежать.
Предсказаниям туманным
верный путь не угадать.

Под ногами пыль поземкой
заметает прошлый след.
Окликает голос ломкий
из наивно смелых лет.

За спиной лишь эха звуки
и пустынная тропа.
Отчего слабеют руки,
замедляет шаг стопа?

Кто кричал за поворотом
долгожданные слова? –
Не догнал калику кто-то?
Или ветер странствий звал?

Напряглась от ожиданий,
сердце шаг торопит вдаль.
Эхо окликом печальным
улетает в никуда.

ЗОЛОТЫЕ ОБЛАКА

Нарисую облака
в солнечном сиянии…
Насторожена рука
к смутному желанию
что-то главное сказать...
Странниками вечными
облака спешат догнать
мысли быстротечные.
Их мелькания поток
мозг взорвать пытается,
тайным смыслом между строк,
сердце искушается.
От волнения оно
в унисон дыханию
бьется чаще. Чудным сном
тайные признания
вспоминаются и кровь
горячат неистово –
бесприютная любовь
обвиняет истину.
Золотые облака
скрылись вдруг за тучами,
вод небесная река
пролилась. Горючие
слезы смыли непокой –
разума смятение.
Лист бумаги под рукой
красит вдохновение
в золотой и жаркий цвет
по волнам страстей и лет.

РОМАШКОВОЕ ПОЛЕ

Цвет ромашкового поля
утро сбрызнуло росой.
Пробежался ветер вольный,
травы всколыхнул волной.

В брызгах солнце засверкало,
белый цвет стал золотым.
Зелень изумрудной стала.
Льнут цветы к рукам моим.

Аромат вдыхаю лета,
крик восторга ввысь летит.
В волнах голубого света
точка серебром блестит.

Заливается, ликуя,
жаворонка голосок…
Небесам рукой машу я,
щурит взгляд лучей поток.

От росы намокло платье,
ветром кожу холодит…
Птичкой певчей хочу стать я –
голубая высь звенит
от заоблачной рулады.
Солнцем залитый простор
множит бесконечно радость…

По ромашкам между гор
я бегу, а крик восторга
эхом пляшет по отрогам.

СУМЕРКИ

Сумерки вползают в окна,
по углам сгущая мрак.
На закате птицы молкнут,
ускоряет странник шаг,
кров спеша найти до ночи,
и мечтая об одном,
чтобы стал чуть-чуть короче
его путь в желанный дом.

Для него зажгу светильник
и поставлю на окне.
Тусклый огонек бессилен
мыслей бунт рассеять мне:
заметались как шальные,
разрывая связь времен,
прегрешения былые
спорят с ворохом имен.

По углам расселись тени,
недовольные судьбой.
К запоздалому смятенью
льнет озябший странник мой.
Я от рук его хмелею…
Мысли в сумерках больнее.

ПРОШЛЫЙ ДРУГ

Привет, мой друг! Нежданной вестью
ты вновь напомнил о себе.
Я не ждала, признаюсь честно,
подарка взбалмошной судьбе.

Она не балует дарами
былого постаревший дом.
Теперь я с новыми друзьями
сижу за праздничным столом.

Грущу и радуюсь под звуки
мелодий прежних, но других
я вспоминаю в дни разлуки
и жду с надеждой тоже их.

Сердцами больше не играю –
так хрупок бытия сосуд!
Нет, не тебя я укоряю –
мной снова правит самосуд.

Кто смеет с прошлым поквитаться?
Оно настигнет и свое
всегда возьмет! И мне, признаться,
не хочется дразнить былье!

ИЗВИНЕНИЕ

Открытки, стикеры – сказать
хоть что-нибудь слов нет:
простые фразы не связать
в мост через бездну лет.

Слетелись мысли стаей птиц,
у каждой – свой каприз.
Мелькают мимо тени лиц,
проносится вся жизнь.

Быть может, прожила не так –
теперь судить не мне.
Я не сверяла каждый шаг,
намеченный извне.

Жила скорее наобум,
не спорила с судьбой.
Мечтами увлекала ум
и зыбкой тишиной.

Под вечер медленный закат
в безмолвной тишине
притягивал магнитом взгляд –
мир открывался мне.

Все краски лет моих и дней
хранятся в памяти моей.
В закате солнца вижу я
и миг, и вечность бытия.
В нем – жизнь колючая моя!

СЛЕЗА

Не ты сводил меня с ума,
и не тебе навстречу
неслась я, голову сломя,
в угаре бреда речи
о бесконечности любви.
Шептали губы не твои
в ответ бессвязные слова –
вступала страсть в свои права,
хмельно кружилась голова.

Не о тебе скулил мой пес,
скучающий у двери.
Его насторожённый нос
смирял дурман истерик
моих, срывающих покров
с протеста в лабиринте слов
против дороги не твоей
за горизонт бессчетных дней,
и ключ немел в замке дверей.

Пса гладила моя рука,
слезами жгла глаза тоска
не по тебе, но ты вернул
мне вновь живой любви смятенье.
Нетерпеливый жест смахнул
слезу с ресниц, одним движеньем
объединяя вечный пыл
всех, кто любим и сам любил.

ОСЕННИЙ ВЗГЛЯД

Погружаясь в пламя листьев,
взгляд восторженный искал
летний зной весенних мыслей
и осенний идеал.

До морозов не спешило
пламя жаркое сгореть.
Лето сердце присушило,
осень жаждет овладеть.

Кажется, зима не скоро
буйство красок заметет.
Пламя листьев красит город,
небо – птичий перелет.

Стаи птиц магнитят взгляды,
рыжий цвет слепит глаза.
Ты идешь со мною рядом,
исцеляя как бальзам.

Красотой осенних листьев
очарована душа.
Пляшут огненные мысли,
прежних идолов круша.

Свое сердце усмиряю,
к твоему шаг примеряю.

СУМРАЧНЫЙ СОН

Льда стекло трещит чуть слышно
под ногами. Слабый треск
напрягает меня слишком:
ощущаю речки плеск.
Замедляю шаг от страха –
трещин ширится кольцо:
перепрыгнуть одним махом
не смогу – будто свинцом
наливаются подошвы
ног, дрожащих подо мной.
Рот от крика перекошен,
но беззвучен голос мой.
На куски ломаясь, льдины
закипают в полынье.
Непроглядный мрак пучины
обещает гибель мне.

Поскользнулся шаг, и речка
захватила жертву вмиг –
я иду под лед – здесь нечем
мне дышать! Последний вскрик
захлебнулся: пузырьками
потянулся к небу он…

Я проснулась с петухами.
Предвещал что странный сон,
не пыталась разгадать –
не хотелось горевать.

У ВЕКОВОЙ СОСНЫ

Ни облачка. От золота лучей
сияет мира утренняя свежесть.
Поет журчащий под сосной ручей
о вечном и о чем-то неизбежном.
А птичий гомон, ветерка задор,
ветвей колючих еле слышный шорох
сосне напоминают юный вздор
пахучих игл, их ложа мягкий ворох.
Сосна вздыхает о чужой весне
и о своем пристрастии к утесу.
К ее стволу прижался он тесней,
чем солнца луч, бегущий по откосу
зеленого холма, прильнул к цветам,
блистающим росы алмазной дрожью
от ветерка. А речка по волнам
несет прохладу гор к ее подножью,
где игл постель от времени темней,
чем веток цвет, поблекший от раздумий
над россыпью скатившихся камней
с утеса под влияньем полнолуний.
Сосне хотелось вновь помолодеть,
под птичье пенье говорить о вечном
с утесом. Ни о чем не сожалеть
и не казнить рой мыслей быстротечных…

Был день летуч. Зари вечерней цвет
сосну с утесом красил алой кистью,
им возвращая жар минувших лет,
и будоражил кровь мою и мысли.

ПО КРУГУ

Меня любили, я любила
неистово, но краткий миг
в сравнении с бессмертной былью
страстей, которых не постиг
отягощенный разум властью
тщеславия и пляской слов.
Была и остаюсь я частью
благих намерений, грехов
людской молвы и вечной веры
в небесный промысел судьбы.
Своей любви не знала меры,
но притязания слабы,
когда сердечное пристрастье
туманит беспристрастный ум.
И время – главный соучастник
и сокрушитель тайных дум –
уводит к новым совершенствам
кумиров искаженных грез.
Восторг, страданье и блаженство
были источниками слез,
пролитых мной от упоенья
природой, мигом бытия
и бесконечностью прощенья,
которыми спасалась я.

Себя и мир постичь пыталась,
а время незаметно мчалось
куда-то стрелкой часовой
по круговой… по круговой…

ЗАПОЗДАЛЫЕ ШАГИ

Безответные улыбки,
бесприютные слова.
В сигаретном дыме зыбком
виден губ изгиб едва.

В чашках кофе растворимый
ароматом дразнит вкус.
Чуда флер неуловимый
прерывает снега хруст.

От шагов давно знакомых
пробежала дрожь волной.
Помогла бы капля брома
телу справиться со мной.

Не звала того я в гости,
чьи шаги смущают ум.
Закипает норов злостью,
мысли скачут наобум.

Удивленный взгляд напротив
осадил чрезмерный пыл.
Этой встречи я не против!
Только где всю жизнь бродил
одинокий странник мой?
Устоявшийся покой
нарушать зачем? И поздно
за мечтой бежать по звездам!

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

1V/20

В небесном храме звон колоколов:
торжественную тризну по ушедшим
я слышу в белой стае облаков,
плывущих душам вслед, приют нашедшим
в краю ином, где ангела крыло
их бережет и память сохраняет.
Родных ладоней нежное тепло
мне колокольный звон напоминает.

Меня ласкает звона перелив
и облаков пуховые объятья.
Хор ангелов божественный мотив
возносит выше неба.
В белом платье
хранитель душ идет по облакам,
кивая мне, коленопреклоненной.
Его прощеньем осиянный храм
небесным светом заполняет лоно
природы и обители земной,
моей молитве вторит дух вселенной.
Звон колокольный управляет мной
и раздвигает карантина стены:
вновь на погост спешу к своей родне,
они не забывают обо мне.
И я их помню каждый миг.
Плывет
звон колокольный –
память в плен берет.

КОЗИЙ СЛЕД

Речка, горы, неба высь,
след тропинки узкой.
В голове мелькнула мысль
о проблеме спуска.
Козьих ног извилист путь
на крутой дорожке –
если ошибешься чуть,
удержаться сложно.
Кувырком сорваться вниз
устрашусь, но мигом
прикажу себе: «Держись!»,
тишь нарушив вскриком.
Рядом нет родной руки,
эха отголоски
обжигают глаз белки
влагой купоросной.
Память принялась скакать
по дорогам дальним.
Начал козий след петлять,
прыгать через камни…

Оглянулась на мгновенье:
сердца вечное смятенье
гонит вверх, срывает вниз –
речка, горы, неба высь
вновь зовут меня вперед,
все еще чего-то ждет
мое сердце. След петляет,
с кем-то встречу обещает.

ПЕРЕКАТЫ

На речные перекаты
набегая, волны вспять
опрокинутся, откатят,
в брызгах пенных закипят
и стремительным мгновеньем
понесется вновь теченье
бурных вод, магнитя взгляд.

Берега от ласки буйной
говорливы и нежны.
В мелководье тихоструйном
горбят спины валуны,
прилетевшие с уступов
ближних гор, поросших скупо
зарождением лесным.

Очарован взгляд природой,
окружающей меня.
Лучезарная погода
упоительного дня
увлекла дорогой дальней
по горам, и в час привальный,
свежесть воздуха, пьяня,
тянет к речке взор магнитом
очарованной души
и картиной, в чудо слитой,
дерзких волн в кольце вершин.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Колокольчиков охапка,
сорванных в аллеях парка,
синим цветом нежит взгляд.
Восхитительный наряд
полевых цветов из красок
неба, солнечных лучей,
с тонким ароматом – в вазе
на столе в душе моей
вдруг рождает ощущенье
потаенного томленья
их по горному дыханью
в ветерке, принесшем тайну
их земного назначенья.
Взгляд мой полон сожаленья:
завтра синева небес
потеряет в вазе блеск
и пожухнет зелень листьев.

Опечаленные мысли
нежных лепестков коснулись,
оживились и метнулись
из квартиры в парк весенний
прямо к солнечной полянке,
где мой друг под птичье пенье
собирал мне спозаранку
колокольчики. Охапкой
мне принес их, улыбаясь,
в моей памяти сбываясь.
Отчего же сердцу зябко?

В МЕТРО

Скрипач в метро.
Извечные вопросы
о смысле бытия и тайне чувств…
Сознанье жалят мысли, будто осы,
о суетности жизни. Код искусств
известен всем на уровне души,
и время, непреклонное, спешит
по лабиринтам путанных дорог.
Мелькание спешащих мимо ног
скрипач в метро едва ли замечает:
восторг и вдохновение качают
его по волнам памяти земной.
Смычок чарует каждою струной
вселенной слух. Дыханье замирает
от каждой ноты. Музыка взлетает
куда-то в бесконечные миры…
Шаги прохожих суетно быстры:
«За расписаньем скорых поездов
угнаться бы! И ждать высоких слов
в метро не надо», – скептик на ходу
заметил. И скрипач к его суду
претензий не имел.
От наслажденья
мелодией его смычок летал
по струнам, искушая вдохновенье,
которым души смертных покорял
с языческих времен.
Напевный звук
мечтал, и вторил эхом сердца стук.
Скрипач играл в метро, но слух Вселенной
был околдован музыкой нетленной.

ТОСКА

Который день гнетет меня тоска
о чем-то вечном и необъяснимом –
по крайней мере, может быть, пока –
но как сжимает сердце груз незримый.

От непонятных чувств теснится грудь
и горбит спину неспокойный разум.
Смятения мне непонятна суть,
о чем-то лгут напористые фразы.

Они скользят по краю рубежей
моих дорог, по тупикам понятий,
и ничего вернуть нельзя уже:
ни нужных слов, ни памятных объятий.

И невозможно ложью обличить
стремление к неистребимой власти.
А может, просто я устала жить
и верить в мной придуманное счастье?

Не потому ли слезы на глаза
поспешно набегают от раздумий
о чем-то потаенном, где нельзя
быть в меру глупой или слишком умной.
Тоски невероятной долгий плен
окутывает липкой паутиной –
невыносимой боли майский день
змеей вползает в сердце и причина
горючих слез на паперти судачит –
тоскующее сердце тихо плачет.

ВЕЧНЫЙ РОДНИК

Как далеки перипетии быта
от чувств мятежных и смятенных строк,
от вечных тайн, в глубинах сердца скрытых
и бездн Вселенной, где таится бог.

Я на какой ступени между ними?
Зачем стремится бренная судьба
к нетленности своей в подлунном мире?
И кто земным пристрастиям судья?

По лезвию иду своих сомнений,
бунтую против ханжеской молвы.
На острие чужого самомненья
след остается мертвых и живых.

У каждого хватает поражений,
да и побед, наверное, не счесть.
Влекут кого-то тайные сраженья
и ложно понимаемая честь.

Я никогда не шла на баррикады
отстаивать огульные права,
но свое сердце жечь мне было надо,
чтобы придать высокий смысл словам.

Миг бытия и вечность искупленья
вины грехов и малых, и больших
сливаются в порыве вдохновенья
в живительный родник стихов моих.

МОЯ ЖИЗНЬ

Не от проблем я убегаю,
я от самой себя бегу,
саму себя понять пытаюсь,
самой себе зачем-то лгу.

Суть необдуманных поступков
необъяснима для самой.
Отделаться мне легче шуткой,
чем спорить с ветреной молвой.

Судьбы котомка за плечами,
от плевел спину гнет к земле.
Бескомпромиссных лет печали
напоминают о зиме.

Она уже не за горами.
Рука сжимает горсть камней –
могу избить себя камнями
до боли. Но судьбе своей
я благодарна.
Плевел груз
к земле пригнул? Но сколько чувств
сквозь них тянулось в неба высь –
сложна, но так прекрасна жизнь!

* * *

Ирисы. Как тонок аромат
влажных лепестков округлых линий –
бледная сирень и шоколад,
желтый, белый, рядом светло-синий!

В переливах множества тонов
солнца луч играет, светотени
придают им магию цветов,
принесенных из глубин вселенной.

Зыбкий шелк необычайных форм
и окраска трепетных созданий
вне законов разума и норм,
с легким флером бесконечной тайны.

Очарован взгляд, душа в плену
ирисов, и грезы снов крылатых
голову кружат, ее клоню
к разноцветью нежных ароматов.

Прикасаюсь к лепесткам рукой.
Запах тайны вновь и вновь вдыхаю,
и восторг овладевает мной –
с упоеньем бабочкой порхает
над цветами восхищенный разум –
неземная тайна красит вазу.

* * *

13 апреля

Все по клеткам! Карантин!
Улицы – опасны!
Размышленья на один
к выводам бесстрастны!

Карантин – не приговор:
пауза на время
от сердечных драм и ссор.
Непосильно бремя
необузданных стихий
стало, вероятно,
для людей? А я стихи
напишу и платой
пусть зачтутся за грехи
дел и помыслов лихих!

И очистится земля
от словесных бредней
ренегатов и жулья.
Видно, привередлив
Высший Разум? Надоел
произвол, быть может,
небесам? За беспредел
карантин наложен!
Очищение спасет,
верю, человечий род?!!

2021

Новый год у моего порога
в дверь, чуть приоткрытую, взглянул:
за столом он не увидел многих –
их свечу вихрь времени задул.

Молодой, проказливый мятежник
в памяти хранить всех обещал,
обращая в тлен кумиров прежних,
он смеялся верил и прощал.

У него в котомке за плечами
будущее пело о любви.
Я, смиряя старые печали,
прятала сомнения свои.

Музыка звучала вдохновенно,
слух чаруя совершенством нот –
разудало старому на смену
в дом входил еще невинный год.

Я хмелею от его предчувствий,
от своих желаний и надежд.
Сладок привкус дружеских напутствий,
ветер перемен наивно свеж.

Предвещая новые удачи,
год счастливый в завтра дверь открыл:
свою жизнь опять переиначу –
жду чудес и синей птицы крыл!

МОРОСЬ

Размеренный уклад привычных дел,
ночные бесконечные мечтанья,
перемежаясь, входят в новый день
с набором нереальных ожиданий.

По лабиринтам вечных тупиков
бежит Фортуна, замедляя скорость
на поворотах замкнутых кругов…
Слепит окно погоды хмурой морось.

В плену воспоминаний и тоски
сгущаются над мрачным миром тучи.
Сжимают руки колкие виски –
их непогода или память мучит?

Пустынных улиц мокрый окоем
печалит сердце бесконечной грустью.
От мороси морщит окна проем,
туманя даль таинственных предчувствий.

Предугадать, придумать ли боюсь
капризы жизни, как прогноз погоды?
Насмешливо слезами обольюсь
в плену унылом плачущей природы.

От зыбких ощущений вечных норм
и Абсолюта высшего сознанья
дождь превратился вдруг в одну из форм
судьбы, бредущей к храму покаянья.

ПОДОРОЖНИК

Подорожник пальцы ног щекочет,
жарко пыль ложится на следы…
Сорвалась бы с места, что есть мочи,
за глотком целительной воды.

Пот струится, жажда одолела.
Жалит зной, усталость спину гнет.
В листья подорожника присела –
может, к жизни он меня вернет?

Вдоволь его росы напоили,
сил набрался из глубин земли…
Подорожник лечит, говорили.
Что же так невзрачен он в пыли?

Может быть, мое изнеможенье
исцелит лечебный сок травы?
Листья пожую и с нетерпеньем
буду ждать ход мыслей головы.

Может, вечной страннице подскажут,
где искать родник живой воды?
Немы бесконечной дали стражи,
истомлен путь знойный позади.

Придорожный лекарь не спешит
исцелить метания души:
ей не жаль моих усталых ног.
Придорожных листьев горек сок.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

От страсти не сгораю,
умерен чувств накал.
Не часто вспоминаю
далекий идеал.

Лишь иногда томится
сознанье по ночам:
оно уже боится
концы рубить сплеча.

Мозг отупел, наверно?
Слабее сердца стук…
Но временем проверен
мой неизменный друг.

Дверь открываю настежь
и накрываю стол,
усталый разум счастлив,
рад всем, кто в дом пришел.

На перерыв в общенье
гляжу со стороны:
границы очищенья
за далью не видны.

Но дух желанной встречи
испытанных друзей
и за пределом вечен
преодоленных дней!

ТЕМНЫЙ УГОЛ

Не о тебе я вспоминаю,
когда вокруг густая мгла.
Тяжелый воздух пеленает
капризы темного угла.

По прихотливому желанью
или коварству тайных сил
он подключается к сознанью,
переплетая грёзой быль.

Петляет память по дорогам
далекой юности моей.
Я вновь встречаюсь с юным богом
под сенью тусклых фонарей.

Рисует разум мой картины
фантазий зыбкой темноты:
моей бессонницы причина
в ночном безмолвии – не ты.

Глумливо мгла сгущает тени,
тревожен и пуглив мой взгляд:
капризы призрачных мгновений
со мною спорить норовят.

ЛУГ

В ковре зеленом утопая,
я шла к тропинке вдоль реки.
По пояс мне трава густая
пыталась сдерживать шаги.

Не отпускал плен разнотравья,
подол репейником цеплял.
Ласкали взгляд иван-да-марья,
а пряный запах опьянял.

Обильных рос медовый омут
к босым ногам ревниво льнул,
а впереди тропинку к дому
обозначал бурливый гул.

Речной поток гремел победно,
бег волн притягивал мой слух.
Звук, оглушающий, труб медных,
казалось, усмиряли луг.

Он, трепеща в порывах ветра,
ослабил мокрых трав капкан –
у речки в брызгах многоцветных
кружил мой яркий сарафан.

Шептали травы за спиной,
что расставаться жаль со мной.
Бурлила речка, мне плясалось –
душа свободой наслаждалась.

МИГ ВСТРЕЧИ

Раскинув руки, будто крылья,
бегу навстречу и смеюсь.
Как долго друг без друга жили! –
в глазах слезой мелькнула грусть.

Но радость встречи так огромна,
стук сердца рвется из груди…
Не верится, ты снова дома!
Пути-дороги позади!

Взметнулись руки, обнимая
родные плечи. Голова,
к груди с разбега прижимаясь,
забыла вечные слова.

Сумбур слетает с губ поспешно,
мой шепот путая с твоим.
У страсти юной и безгрешной –
такой же пыл и тот же гимн.

Мелодии нот запредельных
звучали с нами в унисон,
хмель правил нами безраздельно,
в ушах дробился эха звон.
Мы снова в юность возвращались –
мгновеньем вечности касались!

С КРУТОЯРА

Кувыркаясь, покатилась
с крутояра колесом:
моя жизнь со мной простилась.
Купол неба невесом.

В вышине, застыла будто,
стая сонных облаков.
Задержать мгновенье трудно –
яр сгубить меня готов.

Но за что?! Не отрекалась
от святых и грешных дней –
их по полной мне досталось
от слепой судьбы моей.

Правда, я не замечала
ни ухабов, ни равнин.
Колесом пошел сначала
не случайный бег причин.

Ни на миг не задержался
у обрыва шалый путь.
Разум болью разрывался –
кто бы дал передохнуть!

По кривой судьба летела –
но жила-то, как хотела.

ДОЛГИЙ ПУТЬ

Придорожная трава?
Или Высшее творенье?
Мысль – первична, а слова –
ее смысла воплощенье?

Пыльных листьев жалкий вид
взгляд уводит к горизонту.
Разум вызнать норовит
имя скрытого архонта*.

Подчиняясь воле чьей,
ноги тащатся куда-то?
Подгоняет суховей,
зной свою взимает плату.

Пыль заносит крестный след,
горек воздух от полыни.
Ни конца, ни края нет
высоте лучистой сини.

В придорожных лопухах
бойко верещит кузнечик.
Ярких крыльев легкий взмах
распрямляет мои плечи:
юной бабочки полет
изменяет мыслей ход…

**Архонт – верховный правитель*

СОЗВУЧИЕ

Высокой музыки качели
меня несли то вверх, то вниз.
Мне ангелы о рае пели.
У сатаны был свой каприз:

Бил в барабан безумный дьявол,
гремел валторнами и выл
на все лады. Девятым валом
он мое сердце в бездну смыл.

Но скрипка ангельским звучаньем
меня вернула с полпути.
Виолончель мое отчаянье
смогла любовью заместить.

Одно мгновение вместило
падение и неба высь –
оно сиянием манило –
каскадом звуки вознеслись,
соединяя со вселенной
мелодии созвучный слух:
восторг магического плена
ввысь устремил бессмертный дух.

ЗОЛОТОЕ УТРО

Удивительное утро!
Воздух свеж и золотист.
Неба синь блистает, будто
расписала солнцем кисть
мастера искусной школы
вкуса, цвета и любви:
горы, реки, нивы, долы
светом полнятся живым.

Вдохом, выдохом дыханье
ускоряет крови ток.
Дерзких мыслей ожиданье
нежит легкий ветерок.
Радость множит шелест листьев,
пенье птиц и смех людской.
Каждый миг наполнен смыслом
вечных истин.
Шаг босой
мнет росистых трав раздолье.
Тело от холодных брызг
содрогается невольно,
крик восторга рвется ввысь.

Я бегу по разнотравью
волн зеленых никуда.
Счастье жизни мною правит
и беспечные года,
что остались за спиной.
Ах, как чуден мир земной!

ЛУННЫЙ САД

Я самой себе не отвечу,
отчего погрустнел мой взгляд.
Может, вспомнились чьи-то речи
или лунный весенний сад?

Там так дивно луна светила,
серебром разливая свет.
Юный разум с ума сводила,
с губ срывая волшебный бред.

Опьяняющий запах ночи
от кипени буйной ветвей…
Ах, какую любовь пророчил
мне обманчивый соловей!

Его трели нежнее шелка
заливались на все лады…
Слов магнит завлекал надолго –
вихрем лет замелись следы.

Там, где вечность дразнила разум,
нет ни сада, ни нас с тобой.
Под окном летучая фраза
вдруг смутила на миг покой
зрелых лет утомленной души…
Сердца стук тишину оглушил.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Шепчет ветер в листве густой.
У вечерней зари цвет алый.
Легким облаком над тобой
я плыву к своему причалу.

Ждет меня одинокий дом,
старый сад и скамья под вишней,
где лет юных бурливый сонм
искушает зрелых затишье.

О тебе погрущу в тиши,
полюбуюсь зарей вечерней…
Кто из нас, не помню, решил,
что не прав Николай Коперник.

Вокруг солнца планетный мир
не кружится – извечной тягой
подчиняя зыбкий эфир –
управляем он высшим магом!

Человеческие мосты
он возводит и рушит тоже…
Как летучие мысли чисты,
вдох и выдох судьбы итожа.

Алый цвет растаял вдали.
Ночь сгустила синие краски.
Звезды, видимые с земли,
надевают на лица маски.
Жаркий шепот смущает ночь –
воду в ступе легко толочь.

ИЮНЬ

Июня зной меня изводит.
Как мысли путает жара:
по лабиринтам память бродит,
разгоряченная с утра.
И ночь, и день, сбивая с толку,
зачем-то спорить норовит
с моей судьбой. За фразой колкой
смысл, зашифрованный, чинит.
Расплавленного солнца розги
секут нещадно шар земной:
перекаленной магмы дозы
слились в невыносимый зной.

У каждой солнечной минуты –
и свой накал, и свой изъян.
Немилосердные причуды
жары пересекают грань
меж изнывающей природой
от пекла знойного – с небес,
потоком хлынувшие воды,
смывают мигом тяжкий крест.

Я оживаю от прохлады
бурлящих струй живой реки.
Вверху грохочет канонада…
…Шаги отчаянно легки
босых помолодевших ног,
сминая бурных вод поток.

ОСЕННЯЯ БУРЯ

Где ты?
На этом свете?
Или уже на том?
Молнии, гром и ветер
ссорятся за окном.

Не поделили что-то?
Или страшат меня?
Злится незримый кто-то,
чью-то любовь кляня?

Или осенней буре
нравится волком выть?
Пламя светлей лазури
пытается мир спалить!

Стрелы пронзают небо,
землю, врезаясь, жгут.
Может, вообще ты не был
в жизни моей, мой Брут?

Сердце стучит надрывно,
стекла дрожат в окне.
Буря сменилась ливнем,
грезилось что-то мне.

Мгла за окном корила
норов наивных дней.
Память меня судила,
вторило небо ей…

ПО-НАД

Если вспомнишь, не жди ответа:
не найду подходящих слов
на упреки или приветы
незадачливых остряков.

Разве выстроить мост над бездной,
куда сгинула уйма лет?
И себе не отвечу честно,
где была я права, где нет.

Я не знала молитв, у бога
не просила судьбы иной.
Было дней удачливых много,
кто-то править пытался мной.

Верный норов стоял на страже
вольных смыслов судьбы моей.
Не боялась я черта даже,
но седела от черных дней.

Всем обиды свои прощаю.
Если лгу, все равно поверь:
я счастливой себя считаю,
несмотря на с лихвой потерь.

Надо мной мое сердце смеется –
по-над бездной строка моя вьется.

СОЛНЕЧНЫЕ ФАНТАЗИИ

Осела солнечная пыль
на трепетную дрожь листвы.
Непроизвольно с белых крыл
стряхнула росный шелк травы:
брызг изумрудных ореол
взмыл радугой над головой –
слепящих искр воздушных волн
перед глазами пляшет рой.
Пятнает золотистый луч
фантазий дерзких миражи.
Струится родниковый ключ –
волна волной волну кружит.
Наполнив пригоршню водой,
волну живую пью взахлеб.
Трепещет воздух золотой,
ласкаясь, треплет мокрый лоб.
На изумрудный шелк опять
я опускаюсь, и трава
льнет к телу, время скачет вспять,
хмельно кружится голова.
Вновь золотые миражи
меня уносят в тайны грез.
Мечты, как юркие стрижи,
пронизывают сонный мозг.
Все выше солнце в синеве,
быль оживает в голове.

РОПОТ

Ни имени, ни отчества,
фамилия чужая –
в неправедном пророчестве…
Придуманном?
Не знаю.
Но сказанном решительно
без всякого сомненья
безликой и язвительной
подлунных страхов тенью.

Со мной о чем-то спорила,
кого-то обвиняла…
Я ей невольно вторила,
волчицей подвывала.

Луна от безразличия
тускнела ржавым ликом.
Постель до неприличия
сминали света блики.

Тень старушонки сгорбленной
металась в изголовье,
сознанье мысли скорбные
переполняли болью.

Терзала подколодная
судьба мои печали.
В окне луна холодная
язвительно скучала.

СЛЕДЫ СНА

Что-то страшное приснилось –
память выключила сон,
только в воздухе носилась
боль и глох в подушке стон.
Кожа вздыбилась ознобом –
может, вирус заглянул?
В телефоне звякнул робот:
страх сознанье обманул.
Мысли шало заметались,
ночь глухая напряглась,
звуки где-то растворялись
за пределом стен.
Чья власть
правила полночным домом
и трусливой головой?
Непонятная истома
обозначилась строкой.
Промелькнул забытый облик,
заскрипела ржаво дверь.
Чиркнул память бойкий ролик…
Смутный сон моих потерь
приоткрыл завесу тайных
обещаний вечных тем,
соблазнительно желанных
аксиом и теорем.

Растворяясь на задворках,
зыбкий сон дразнил мой ум.
По щеке слезой прогорклой
след ложился наобум.

ГОСТЬЯ

Я в этой жизни гостья? На минуту
вошла в твой дом, встревожив тишину,
вдруг ощутив таинственно и смутно
призыв любви и памяти вину…
Какой вины?
Едва ли кто ответит,
что не дает покоя по ночам
мятущейся душе: дорогу метят
следы и мыслей давняя печаль.

Я погостила на твоем пороге
всего лишь миг, не требуя взамен
высоких слов, но признаю в итоге
за краем грез извечных истин плен.

Туманный флер окутывает дали
небесных сфер и ангелов приют.
Опять мое сознание листали
года и мысли краешком минут.

О, жизни миг! Надежд моих обитель!
Я гостья и хозяйка бытия,
где правят адвокат и обвинитель –
и чаще каждый сам себе судья.

В твой дом вошла
лишь на одно мгновенье…

ОПЯТЬ И ВНОВЬ

Моя душа влюблялась безоглядно
то в идола, то в дьявола слугу…
Судила свою ветреность нещадно,
была всегда перед собой в долгу.

Как часто я выдумывала роли
то по наитью, то тебе назло.
Отчаянье придуманной неволи
меня за грань безумия вело.

Слепая вера правила шагами,
игривый разум не страшился пут,
лечила меланхолию стихами,
а лень стегал неутомимый кнут.

Сжигала я мосты без сожаленья
и вновь влюблялась в новые грехи.
Мечтами управляло вдохновенье,
ночь завершали верные стихи.

Я вновь взлетала на коне крылатом
в межзвездный мир, а вечная любовь
гнала без промедления обратно
и кто-то ждал опять наивных слов
о вечности обманчивой любви,
и в сети кто-то вновь меня ловил.

ЦВЕТНОЙ СОН

Проскакать бы на жеребчике,
напоить себя росой,
вздернуть бы игриво плечиком,
хоть на миг став молодой.

Увести в поля зеленые
под мотив чудесных нот
скрипача, в меня влюбленного,
от назойливых забот.

Мои шелковые волосы
приласкает ветерок.
Будет петь волшебным голосом
скрипка и живой смычок.

Хмель закружит мою голову,
страсть тела разгорячит.
Юный конь с горячим норовом
нас за край земли умчит.

Там за млечными туманами
скрипка звуки оборвет:
сны цветные, но обманные
рок навеет. Бог спасет:
стригунок помчится по полю,
я – за ним, скрипач – за мной…

Где-то зрители захлопали –
стал смелее сон цветной.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Налево, направо, обратно
дорога вилась по холмам.
Вершины в дали неоглядной
вздымали снега к небесам.

Лучистые блики сияли
на пиках таинственных гор.
Вперед километры бежали,
манил взгляд бескрайний простор.

Дышалось легко, и бездумно
неслись молодые года:
еще не итожилась сумма
ошибок и горестных дат.

Ах, как были счастливы мысли
и дерзки святые мечты!..
Опали осенние листья,
и где-то скитаешься ты…

Вершины – в загадочной дымке,
бесстрашен крутой поворот:
зима с грустью шалой в обнимку
за ним терпеливо нас ждет …

Подводит итог голова,
смысл лет постигая едва.

ЧЕРНО-БЕЛОЕ

Безгрешных не бывает,
их просто нет в природе,
и каждый это знает,
но за нос правду водит:
то притворится ловко
пушистым и невинным,
когда на изготовке
внутри зверь вздыбит спину.

От лживых уверений
блажен рассудок мыслей,
туманные сомненья
имеют мало смысла.
За шорами лжи взгляду
не виден враг лукавый,
улыбкой скрывший правду –
сладка хвалы отрава!

Я поддаюсь обману
пустого славословья,
но шелк на поле брани
залит беспечной кровью…
Грехи грехов боятся –
в снах черно-белых снятся,
и вечные сомненья
тревожат чьи-то тени…

ПУНКТИР

В пустой квартире гаснут звуки
ушедших в прошлое времен.
Смятенно мнут подушку руки,
отпугивая чуткий сон.

Смещая тело с боку на бок,
льнет жаркой влагой простыня
к нему, и пульс пунктиром слабым
томит в полночный час меня.

Пытаюсь вспомнить чей-то образ,
давно забытый в пляске лет:
спешу, а память жмет на тормоз –
она другой находит след.

Смятение торопит разум
за грань, скользнувших в бездну, дней,
но утомленные приказы
безлико исчезают в ней.

Нерасторопные созвучья
над моей памятью кружат,
бессонницей мой слух измучен,
и стрелки времени спешат
в обратный путь,
и сердца стук
пунктиром чертит вечный круг.

КРЕСТ ЗЕМНОЙ

Живу намеками и болью
разочарованной души:
над краем макового поля
тень легкокрылая кружит…

С восторгом от волшебных красок
весенне-алого ковра
когда-то бабочкой прекрасной
кружилась там я по утрам.

Ночами звезд бескрайний полог
манил меня за край небес.
Мечтаний юных путь недолог –
растаял дымкой счет чудес.

Нет больше дерзких ожиданий,
необычайных дел и смут.
Нерасторопность созерцанья
не обладает тайной пут.

Как неожиданно вершатся
итоги праведного дня.
Соблазны больше не страшатся
карать обманами меня:
они смеются надо мной –
тяжел и сладок крест земной!

НОЧНОЙ ЭДЕМ

Звуки ночи затихали,
темь гнездилась по углам,
вожжи мысли отпускали,
явь присматривалась к снам.

Бубенцы вдруг зазвенели
за таинственным окном,
мысли к звездам полетели,
дверь Морфей открыл в свой дом.

Показал свои пенаты,
где рождаются мечты…
Недопонятый когда-то,
мне опять приснился ты.

Я сняла свою корону,
ты приник к моим ногам…
Неужели мир условный
снисходительней стал к нам?!

Мысли сонные витают
в забубенной голове,
сны тебя мне возвращают…
По серебряной траве
я бегу,
луна мерцает –
явь в обмане сладком тает…

ПОВОРОТЫ

За каждым поворотом поворот,
неведомый, загадками вновь манит:
быть может, он опасен, старый счет
предъявит и порыв надежд обманет,
но шаг ускорит, чтобы заглянуть
в теченье лет строптивых и упрямых…
Не выбирала свой из многих путь,
который шел то вкривь, то вкось, то прямо.

Я с ним пыталась спорить иногда,
старалась шаг приноровить к успеху,
бежала за любовью по следам,
едва мелькнувшим в полустертых вехах
этапа не покорного пути
ни сердцу, ни причудам гордой воли.
Ни обвинять, тем более судить,
не смела я грехи чужие, коли
свои все чаще строили мосты
в мучительные сферы покаянья,
где обнажали горькие листы
мои сомненья и надежд отчаянье.

За поворотом третьим… и десятым,
где крест мой все еще не быть распятым
мечтает, а дорога вдаль бежит,
где каждый поворот судьбу вершит.

От автора

Мистический сюжет поэмы «Смута» стал зарождаться в моей голове после необычайной встречи с ангелом в Аламединском ущелье осенью 2019 года, а затем нагрянувшим в 2020 году короновирусом.

Будоражившие не только меня мысли в этот непростой для всего человечества период постепенно выстраивались в художественное произведение, отражающее происходящие в моем сознании неуемные фантазии с предполагаемыми выводами и ответами на волнующие мир реалии.

Да, сюжет выдумывался мной, но рождался он где-то за пределом моего разума. Я постоянно ощущала присутствие Аламединского ангела, его отношение к описываемым событиям, и мне не приходило в голову ни на миг, что этого просто не может быть. Наоборот, только благодаря ему поэма появилась на свет.

Но так случилось, что впервые за многие годы моей работы с поэтическим словом уже опубликованное произведение продолжало беспокоить меня, в буквальном смысле требуя взыскательной правки и поясняющих дополнений, особенно после обсуждения поэмы на встрече с ценителями моего творчества, к мнению которых я прислушиваюсь и стараюсь реагировать соответствующим образом.

И вот, после тщательной доработки и необходимой правки ранее опубликованного текста, поэма «Смута» вновь с нетерпением ждет своего читателя.

Да очистятся души от скверны и зла.
В мире так не хватает, наверно, тепла,
что Господь дал нам время о душах своих
хоть немного подумать…
И вечность, и миг
нам даны для чего-то… От праведных дум
очищается мозг, возвышается ум…

Было, не было, не знаю,
но однажды странный сон
мне прислал гонца из рая:
всем известный Купидон
с луком, стрелами в колчане
разбудил меня тайком
в предрассветный час.
Печальный
свет луны тревожил дом,
за окном безликий сумрак
медлил шаг перед зарей.
Вестник проскользнул бесшумно
в сон сквозь тайных мыслей рой.
Потревоженные стражи
устрашили сердца слух.
Пригрозил гонец отважный
надавать им оплеух:
если мигом не утихнут
от заслуженных угроз,
то узнают почем лихо

за чертой беспечных грез!
Он покажет им границы,
где кончается их власть,
и заставит повиниться,
чтобы в пекло не попасть!
Купидон угомонился
так же быстро как вскипел.
Он скорей вообще не злился,
только приструнить хотел
потревоженные уши,
забурлившей крови ток,
настороженную душу,
пульс, пронзающий висок –
сторожей неугомонных
тела, духа и судьбы
сверг с насиженного трона,
сей же час о них забыл.
Улыбнулся мне, лаская
лоб податливый рукой,
на постель уселся с краю,
подчиняя разум мой.
Подсознательные мысли
устремились через грань
неизведанного смысла
и предчувствий филигрань.
От узорчатых сплетений
бессознательных идей
управлявший ими гений
звал меня за апогей
стратосферы – в край Вселенной,
неизвестный, но родной:
ощущала телом тленным –
каждой клеткой – связь со мной

бесконечного начала
за пределом млечных звезд.
Сердце медленно стучало,
разум строил в бездну мост,
искушения иллюзий
обретали новый смысл,
мысли связывались в узел,
в цепи дерзкие плелись.
Купидон шепнул:
– Не бойся!
Ты бывала там не раз.
В своей памяти поройся –
ее быль подводит нас:
в подсознание уводит
невозвратный ход времен.
Шифр таинственной природы
прячет круг родных имен.
В глубине былых событий,
в каждом миге прошлых лет
новые загадки скрыты,
но кодирован секрет.
Лишь у вещих снов есть право
извлекать из глубины
исключения из правил
и наитий дел земных.
Все, что было, повторится
и уйдет на круг иной.
Иногда сознанью снится
интуиции настрой.
С первыми лучами утра
остается лишь намек
на событий контур смутный
и желаемый итог.

– Ты – мой сон или предчувствий,
мной придуманных, герой?
Или признаки безумства
напугали разум мой?
Взгляд увидел, с чем столкнулся
в глубине живого сна?
Вестник рая усмехнулся:
– Светлоликая луна
фантазирует решенья
твоей сонной головы.
Оторвись от измышлений –
потешаться мозг привык.
Дух твой вырвался на волю
и летит в просторах звезд.
Ты хватаешься невольно
за туман привычных грез.
Я – не явь твоих фантазий,
а посланник высших сил,
подсознание и разум
в целое объединил:
ты почувствовала звезды –
дух твой взмыл за апогей!..

Просыпались птицы в гнездах,
запах трав был слов хмельней.
Голова моя кружилась
или разум путал сон?
Кровь моя вскипала в жилах,
был спокоен Купидон.
Его голос терпеливо
утишал смятенья пыл,
приручая ум пытливый,
в тайны смыслов уводил:

– Ждет в глубинах подсознанья
тебя вечных лет поток.
Бесконечное познанье
совершает свой виток
в колесе бессмертных жизней
человеческой души.
От рождения до тризны
человек познать спешит
что-то главное, не зная
шифра памяти своей:
ничего не исчезает –
каждый миг известен ей.
Но сейчас за гранью зыбкой
между небом и землей
змей Круэл грозит вердиктом
мир сместить в предел иной!
Были смуты во Вселенной
и немало, но такой
рай не знал еще: изменой
божьим правилам покой
в нем разрушен до предела.
Белых ангелов совет
наделил тебя уделом
отыскать волшебный свет
на неведомых угодьях
потаённого пути.
Кто, кому, зачем угоден
предстоит тебе найти
на дорогах испытаний.
Знаки тайные ведут
к завершению страданий,
избавлению от пут
бед, затеянных Круэлом.

Не подумай: мыслей бред
ум уносит за пределы
понимания и нет
объяснения загадкам
откровений высших сфер.
Не с луной играешь в прятки,
не рождает мозг химер!
Я – реальное созданье!
Вестник рая на земле
ищет помощи и знаний
в кладези извечных лет,
скрытых ангелом Анкосом
в подсознании твоем.
Вызов змей Круэл нам бросил:
рай признал угрозу в нем
ангелам, неутомимо
охраняющим людей,
рай, вселенную, незримый
океан благих идей!
В кладовой небесной мысли
всех, кто жил и жив сейчас,
кружат по спирали чисел,
попадая каждый раз
в чей-то разум по наитью
и свершают вновь виток.
У Круэла много прыти:
Змей разрушил все, что смог,
но не знает он о тайне,
скрытой в памяти твоей.
Предстоит тебе путь дальний
по векам прошедших дней.
Там скрыт ключ победы нашей
над зачинщиком беды,

разрушительной и страшной
для божественной среды.
Все исчезнет в бездне мертвой,
если ты нас подведешь –
по дорогам, явью стертым,
в глубь познаний не пройдешь…
Я в молчании страшилась
слово вслух произнести,
в голове лишь копошилась
мысль о смутности пути:
«Кто меня в скитаньях встретит,
как подаст искомый знак?
Если к тайне ключ в запрете,
отыскать спасенье как
в темноте глубин секретных,
утаённых мудрецом?»
Трепетала зыбким светом
явь вокруг, с моим лицом
блики лунные играли,
каждый миг меняя тон.
Мысли в угол загоняли,
то бросали под уклон
от настойчивых решений,
рот кривился смыслом бед:
эшафот слепых сомнений
за вопрос казнил ответ.
Вдруг хотелось хлам несметный
разметать как сена стог,
лишь одним дыханьем ветра
побороть свой страх и рок:
«Предназначенная карма
не возьмет обратный след.
Пусть Круэл грозит мне карой –

вестник рая дать совет
мне успеет. Испытаньем
укрепится шаткий дух…
Если все-таки заманит
в сети Змей, а разум глух?..
От опасности жестокой
защитить смогу ли мир?
От сомнений мало толка,
лучше проучить задир! –
я кивнула Купидону,
что готова в путь слепой.
– Меж геройством и поклоном –
миг один и тоже мой!»

Вестник знал мое решенье,
каждый шаг предугадал,
за невольные сомненья
он меня не осуждал.
На кивок мой улыбнулся
небожитель Купидон:
– Я в тебе не обманулся.
Нарушающий закон
должен головой ответить
за губительный мятеж.
Преступившие запреты,
перешедшие рубеж
между злом и светлой силой
стражей неба и земли
наказанье заслужили,
но пока не обрели!
Зыбкой тенью обозначен
путь твой в лабиринте лет:
мозг упрямо тайны прячет –

неисповедим к ним след.
Ты пройдешь дороги жизней,
пережитых, всколыхнут
волны памяти, их брызги
твое сердце обожгут.
Погрузишься ты в глубины
подсознания, острей
станет взгляд, любви вершину
оседлаешь, а за ней
ты увидишь бесконечность
чувств небесных и земных.
Неразгаданная вечность
прячет код Анкоса в них.
Попытайся незаметно
в глубь проникнуть психосфер.
Ключ лежит в орбите этой
на меже обратных мер!
Укротим там дебоширов!
Только ты не подведи!
Нас молить склониться к миру
предстоит им впереди!
Задержи в груди дыханье
на пределе естества,
мозг настрой на подсознанье,
разум отключив сперва.
Он, избавленный от мыслей,
за тебя все сам решит,
что, зачем, какого смысла
бытию принадлежит
совершенного творенья
божьих промыслов в веках,
ты окажешься в мгновенье
там, где зародится крах

грешной смуты. Шифр Анкоса
распознает острый взгляд,
если вечные вопросы
ты решишь с делами в лад.
У зари алеют щеки –
мне пора вернуться в рай.
Смутны возвращенья сроки,
но нельзя продлить их край.
Поспеши! Твой дух витает
в небесах и держит рок
книгу твоих жизней, знает
он событий верный толк.

Купидон исчез. Дыханье
задержала, как смогла:
из померкшего сознанья
тропка узкая вела
в пограничье тьмы и света.
От сияющей вдали
яркой точки луч рассветный
в темный мозг сиянье лил:
обострялось подсознанье,
расширялся тропки путь
и привычное дыханье
возвращалось снова в грудь.
Ярких образов картины
обрели живой расклад:
перед взором град старинный
обнажил базарный ряд.
На прилавках – горы фруктов,
овощей на вкус любой.
Короба морепродуктов
увели в обзор иной:

копошились раки, снуло
рыбы пучили глаза.
Торгаши крикливым гулом
переполнили базар.
Я ходила меж рядами
в поисках своих затей,
расширяла путь локтями
сквозь спешащий гвалт людей.
У прилавка с виноградом
задержал толпы напор.
Кто-то чертыхнулся рядом,
притянув к себе мой взор.
И невольная улыбка
остудила слов накал –
раздвигая спины прытко,
Купидон колчан искал?!
Может быть, иной заботой
был знакомец увлечен,
но искал он явно что-то,
с чем некстати разлучен.
Я легонько прикоснулась
к его верному плечу.
– Что-то ищете? – шепнула. –
Не колчан ли?
– Огорчу
вас, наверное, ответом, –
«Купидон», смеясь, сказал. –
Перепутал меня с кем-то
безусловный идеал!
Жаль, что я не тот с колчаном
положительный герой.
Вас, бесспорно, не встречал я,
не знакомы вы со мной.

Но исправить в полминуты
можем казусный изъян… –
Рок менял пристрастья круто,
или был красавчик пьян?
– Извините за ошибку,
но похожи вы точь-в-точь
с моим другом.
От улыбки
мне сбежать хотелось прочь.
Только ноги пригвоздили
к месту встречи с удальцом.
Глаз друг с друга не сводили.
«Как похожие лицом
мне попались на дороге,
неизвестной никому?!»
Мысль о вездесущем боге
промелькнула: лишь ему
для чего-то нужен, верно,
каждой встречи свой исход…
Норов и пугливость серны
взяли новый оборот:
– Не зовут меня Джульеттой,
не Ромео вы!
– Как знать!
Для чего-то встречу эту
не смогли мы избежать?!
Познакомимся сначала.
Меня Юргисом зовут.
Я смущенно отвечала:
– Зоя…
На базарный суд
ни малейшего вниманья
не пытались обратить:

то ли были без сознанья,
то ли кто-то подшутить
в небесах решил над нами,
но обоих унесло
по волнам бурливым. Память
не запомнила число
странной встречи на базаре
среди суетной толпы.
Что друг другу мы сказали,
я не помню, но стопы
в одну сторону шагнули
и, куда глаза глядят, побрели…
Рок обманули
или черт был встрече рад?
– Что искал ты у прилавка
с виноградом?
– Не вопрос –
сердцу дорогой булавки
след сюда меня занес.
В малой вещи – смысл бесценный:
красил вензель галстук мой.
Дар отцовский неизменно
был до этого со мной
и внезапно на базаре
потерялся в толчее.
Мысли в узел завязались:
я помчал по колее,
проторенной до обеда,
к притягательным местам:
винограда сласть отведал,
значит, уронить мог там
злополучную булавку.
Вот и ринулся искать

я у виноградной лавки
след ее. Кому сказать,
что потеря оказалась
предысторией любви!!!
– Нет! – я шепотом призналась,
– Купидон тебя втравил
в это дело странным сходством
между вами. Объяснить
как, не знаю.
– Первородством
тел небесных, может быть?
Все мы – порожденье божье:
Купидон, и ты, и я!
Ликами мы с ним похожи?! –
скрыты нити бытия.
Вьются где? Потом узнаем
или вовсе не поймем.
Зря с тобой сейчас гадаем:
что подскажут, то найдем.
– Юргис, Юргис, за ответом
не полезешь ты в карман.
Но меня бы не заметил,
если бы в небес капкан
я тебя не подтолкнула
направляемой рукой.
– Не пытайся сдвинуть мула.
Повторяю, успокой
свою душеньку, касатка!
Все узнаешь в нужный срок.
– С нами рок играет в прятки!
– Или что-то хочет бог
от невероятной встречи
на базаре двух людей,

незнакомых. Бог навечно
приковал крепче цепей
нас друг к другу! С Купидоном
что похож, поклон земной
небу. Ты как будто склонна
изводить себя, друг мой,
объяснением событий,
странных лишь на первый взгляд:
двойников полно! Избита
эта тема! Наугад
пальцем ткни в толпу прохожих
обязательно найдешь
пару-троечку похожих.
В свою голову берешь
зря иронию природы:
она любит подшутить
над чувствительным народом:
женщин байками кормить
можно каждую минуту –
тайны любят с детских лет.
Ваше ухо ловит чутко
ложь и магии секрет.
Отпусти на волю мысли
о загадках бытия.
Ну поверь, что бог замыслил,
то найдет душа твоя.
Уж она-то знает точно
о загадках двойников.
На секреты – правомочна
и, конечно, на любовь! –
Юргис засмеялся, щуря
хитрый взгляд янтарных глаз.
– Брови ангелы не хмурят.

Улыбнись! Отметил нас
сходством бог необъяснимым.
Ну подумай на момент,
если бы не это, мимо
ты прошла бы.
– Аргумент!
Но предчувствия пугают:
у тревоги злой расклад.
Небеса грехи считают,
бунт терзает райский сад…

Я забылась, время тоже
нас забыло…Сколько лет
промелькнуло? – Разве можно
дать мгновению ответ?
Нежный шепот стих, открыла
я глаза, напрягся взгляд…
Время срок наш завершило,
мозг творил иной расклад:
мгла накрыла старый город,
поглотил туман базар,
растворился тайный повод,
ослепивший мне глаза,
в неосознанном стремленье
объяснение найти
странной встрече. Вне сомненья,
это – явный знак пути
к неразгаданным причинам
смуты в благостном раю.
Купидон надел личину?
Или Змей прикрыл свою?
Но невольно губы пели:
«Юргис! Где ты? Отзовись!»

Клубы мглы вокруг кипели –
на кону стояла жизнь!
Гибель смертная грозила
из ползущей к сердцу тьмы:
светлые и злые силы
буйно дрались за умы –
ощущало подсознанье
сотрясение сторон.
Юргис отвлекал вниманье:
жег вопрос: «Так кто же он?
По какому бродит свету
обожаемый герой?
Или обольститель это,
покоривший разум мой?
Может, Юргис выбран Змеем,
ополчившемся на рай?
Эту мысль принять больнее,
но нельзя зайти за край
неосознанных событий,
предрешающих исход
мятежа, с победой выйти
из сражения когорт
белых сил и черной спеси
без ударов и потерь.
Может, Юргис – призрак мести
мне Круэлом? Верь, не верь,
но предчувствия магнитом
разум тянут за собой.
Очертания размыты,
глубоко скрыт непокой
непонятного сомненья
и тревоги липкой смесь
с беспощадным искушеньем

не признать благую весть.
Чем мой дух обеспокоен?
Среди звезд ему видней,
как предчувствий мир устроен.
На кого поставил Змей?
Юргис Змея соучастник,
или пленник чар моих?
Купидон – предвестник счастья?
Сходство точное двоих
для чего-то стало явным
с первых суетных минут.
В этой встрече было главным
совершенство древних пут:
как легко загнались в сети
и попались на крючок.
Купидон лицо отметил,
чтобы крепче был сачок!» –
беспорядочно метались
мысли в спешке по кривой:
то за выводами гнались,
то смеялись над собой.
Мгла густая растекалась
позади меня быстрей
горных рек. Беда казалась
несговорчивей и злей:
в голове рождались тени
необузданных врагов.
От бесчисленных видений
в моих жилах стыла кровь.
Я бежала от погони
тьмы, укрывшей окоем.
Две протянутых ладони
умоляли небо, в нем

ощущая длань защиты
от погибели своей.
– Злые силы, трепещите:
Бог все видит! Он сильней! –
губы трепетно шептали,
страх все ближе подползал
к сердцу. Образные дали
разрастались на глазах:
ангелы в одеждах белых
собирали свою рать,
четверым из самых смелых
поручив вождями стать.
Я их знала поименно
где-то в глубине души:
Эмпирей, Сарон, Филмоно
и Анкос – кто предрешил
мое странствие по вехам
моих жизней на земле.
Только как достичь успеха,
подсказал бы кто-то мне.
Устрашались мои мысли
дерзким видом злобных сил:
их, казалось, род бесчислен.
У Круэла Мэнтал был,
явно, главным из подручных.
Рэвиш, Бучер знали толк
в столкновениях, им случай
помогал возглавить полк.
Гул строптивый недовольства
цель претензий не скрывал:
к полному переустройству
рая нагло призывал.
Я хотела отвернуться,

тщетно жмурила глаза:
не давал Круэл очнуться –
злобным зрелищем терзал,
где друг другу все грозили
и неясен был исход.
Добрые и злые силы
свой продумывали ход!
«От последствий черной смуты
как оправится Земля?
За спасеньем путь запутан!
Вовсе растерялась я
от пугающих видений
и, меня настигшей, мглы.
Подгибаются колени,
добежать бы до скалы,
вдруг возникшей в отдаленье.
Шаг прибавить нету сил».
По чьему-то повеленью
бег вдруг ноги припустил:
с места сорвалась как ветер,
добежав в единый миг
до скалы, как будто плетью
кто огрел. Гортанный крик
огласил камней обитель,
до вершины острой взмыл:
– Пожалей меня, Спаситель,
вознеси наверх без крыл!
Мгле взобраться невозможно
на такую вышину.
– Поднимайся осторожно, –
ветер в ухо мне шепнул. –
Лишь бы Аспид не заметил
оживленье меж камней:

тень фигуры камни метит
и обзор с небес видней.
Из безвыходных условий
тропка тонкая ведет –
каждый шаг угрозу ловит.
Наловчись, проложишь ход!
Я метнулась к ближней сопке,
пряча тело за кусты.
Пробралась по узкой тропке
на изгибы высоты
и оттуда до вершины
островерхой поползла.
Кислорода высь лишила,
но страшней казалась мгла:
клубы становились гуще,
поднимаясь по камням,
мне чудились адом сущим
с пеклом жгучего огня.
На уступе затаилась,
оглядела небосклон:
небо тучами клубилось.
– Подскажи мне, Купидон,
что должна сейчас я сделать
на открытом пятачке,
куда выбраться успела,
но как будто на крючке
себя четко ощутила:
чей-то взгляд поймал как мышь
в сети. Мгла меня ловила,
а поймал кто? Объяснишь?
Здесь любой беде открыта!
Что мне делать, подскажи.
«Чаша доли не испита.

Дальше путь сквозь мглу лежит.
Прыгай вниз, пока не стала
жертвой Бучера, чей взгляд
уловил тебя. По скалам
забралась на пик, заряд
получила новой силы
переходов временных,
помощь свыше попросила.
Чаще от шагов своих
ожидай благой отдачи:
Что посеешь, то пожнешь –
говорят, не зря. Удачу
в голове своей найдешь», –
мозг сложил живые мысли
в речь беззвучную как маг:
видно, Купидон прочистил
интуиции размах.
Грянул гром. По небосклону
молнии сверкнул зигзаг.
По совету Купидона
сделала я в бездну шаг…
…Степь раскинулась без края
перед взором. Ковыли
серебристые, блистая,
под мои шаги легли.
Выпрямляясь, щекотали
икры ног, цветной подол
ветер колыхал. Устало
я плелась. Зеленый дол
взор манил речной прохладой.
За арчовником дымок
поднимался, с юртой рядом
в желтый цвет рядился дрок.

Сбоку конь стоял и ржаньем
обо мне оповещал.
Но кого? В обзоре дальнем
нет людей. Не привлекал
мой приход хозяев стана,
лишь породистый рысак,
исполняя роль охраны,
подавал бесплодный знак.
У реки на камень села,
смыла пыль с усталых ног,
даль еще раз оглядела,
взгляд вернулся к юрте. Волк,
будто ниоткуда, вышел,
пасть ощерил. Жуткий страх
обуял меня: «Здесь лишний
кто из нас? Единый мах
его мощных лап обрушит
зверя хищного оскал
на испуганную душу!
Черт бы «серого» побрал!!!
Ниоткуда появился
и туда же путь открыт!»
– На кого ты ополчился?!
Даже если ты не сыт,
не наешься сущей крохой:
я тебе на клык один!
Обижать бессильных плохо.
Убирайся прочь! Причин
не найдешь меня обидеть:
я пришла из дальних мест.
Может, неказиста с виду,
но нести доверен крест,
избавляющий от смуты

и погибели людской
мир Вселенной. Путь запутан.
Он пока лишь начат мной.
Кто посмеет стать преградой
на доверенной стезе?!
– Девушка, тебе что надо?
Не пугай людей, Гюзель! –
хромоногая старуха
из-за юрты вышла вдруг,
потрепала зверю ухо,
укорила за испуг
неожиданного чада,
посетившего их стан.
– Я любого встретить рада
в своей юрте, и казан
на костре дымится пловом.
Ты пришла как раз к столу! –
говорила, пела словно,
богу не забыв хвалу
за негаданную гостью,
помянула сына в лад,
провела меня к помосту
под арчой. Волчицы взгляд
недоверчиво косился
на безвестное лицо,
пару раз насторожился,
но привык в конце концов.
А меня боязнь волчицы
пробирала до костей,
не могла никак решиться
руку протянуть я к ней,
чтобы лаской сблизить души –
старой женщины совет –

устрашенный разум слушал
и накладывал запрет.
Одомашненного зверя
ум никак не принимал,
а скорее, мозг не верил,
что такой совет сдержал
от клыков бы мою руку:
прокусили б до костей,
страх бы заменился мукой
жуткой боли, что сильней
распалила бы резоны
потаенного чутья.
«Сторониться люди склонны
беспорядков бытия!
Не встречался мне покуда
волк на службе у людей!
Почему-то это «чудо»
не на вкус души моей.
Говорливая старуха
тоже ластится не зря.
Ей бы почесать за ухом
и меня… Все говорят,
что на службе у колдуний
петухи, и черный кот
помогает в полнолунье
ведьмам править судеб ход.
А у этой хромоножки
стережет загадки волк.
Ой, волчица! Невозможно
взять различие их в толк
с первой встречи и, наверно,
ей мой промах невдомек:
напрягая мои нервы,

исключает мой упрек
неприязненному виду.
Ни к чему притворство ей –
злом ответит на обиду
во всю прыть стальных когтей!»
– Что не ешь? Наверно, клонит
долгий путь тебя ко сну?
Так ложись, Гюзель не тронет.
Не возьму и я вину
на себя за волчий норов.
Не страшись ее клыков:
у меня характер – порох,
а ее – давно готов
подчиняться моей власти.
На подушку преклони
свою голову. Опасность
не грозит тебе. Усни
на часок. В усталом теле
возродятся силы вновь.
Ты, смотрю, совсем сомлела.
На пути наш скромный кров
твоим ноженькам попался
по велению небес…
На пределе ум держался,
гнул к подушке тела вес,
под напевное журчанье
слов радушных сон тянул
меня в сети, отмечая
новых звуков смутный гул.
Он сознания касался
наплывающей волной.
Смыслам ум не подчинялся –
расплывался разум мой

по туманным перекатам
мыслей, говора на слух:
«Голос чей?.. Его когда-то
слышала! И у старух
не бывает звонкой речи,
залихватских нот в словах…»
…Я глаза открыла. Вечер
алым красил тон в лучах
по краям небесных далей.
Опускался над арчой
сумрак, звезды зажигались
в блеклой выси по одной.
Ветерок речной прохладой
мое тело обдувал.
Тот же голос где-то рядом
старушонку забавлял.
Так в ответ она смеялась,
нежностью лаская слух,
что спросонья мне казалась
самой славной из старух.
Шевельнулась я, слух чуткий
ее тут же развернул:
– Спишь уже вторые сутки.
Смех наш, видно, разомкнул
твои веки, бедолага.
Где скитаться довелось,
сна не ведая? Отвагой
не отмечена. Авось
за два дня исчезли страхи
из умаянной души?
Ни к чему девчачьи «ахи»,
что сказать, сама реши.
И Гюзель уже привыкла

возле незнакомки спать:
девушку с приятным ликом
надобно ли ей пугать
грозным видом и клыками
совершенной остроты!
Посидишь немножко с нами?
Голодна, наверно, ты?!
Не успела и кусочка
нашей пищи проглотить,
как сомлела. Страх твой точно
помогал тебя сморить.
– Что будить, коль бедолага
не смыкала глаз давно?
Сон всегда уставшим благо
и незаменим ценой, –
улыбнулся мне, смущаясь,
незнакомец-визави.
Мое сердце учащая,
его взгляд ответ ловил
на призыв зрачков каленых
мне уже знакомых глаз:
из далеких дней влюбленный
взор стрелой метнулся в нас
на пороге хлебосольном:
«Купидон» был встрече рад,
выбирая путь окольный,
сказкой прежней нежил взгляд.
Мать погладила любовно
сына – ангелам сродни:
древо кровное – условно,
но такая схожесть в них
мою память озарила
и заставила запеть

мое сердце.
– Одарило,
любо-дорого смотреть,
небо сыном драгоценным.
Вырос преданным орлом
своей матери. Наверно,
нет нигде таких. Мой дом
делает сынок счастливым.
Вот еще бы бог женой
наградил его сметливой,
схожей личиком с тобой.
– Матушка, ты разговором
гостью снова утомишь.
Я, конечно, сын покорный,
но хвалу не различишь
с хвастовством неудержимым.
Дай ты девушке поесть.
Разберется без нажима.
– Иногда угодна лесть.
Не сердись, сынок, на маму.
Гостюшка, и ты прости.
Скромность не дает Рустаму
от тебя взгляд отвести, –
старушонка засмеялась.
Вспыхнул сын, зарделась я.
А потом не удержалась
от соблазна бытия:
– Дайте мне немножко плова.
Я и вправду голодна.
– Матушка тебе готова
поднести полказана
мяса юного барашка
с грудой свежих овощей.

– Не смущай, сынок, бедняжку,
лучше в пиалу налей
чая. С аппетитной пищей
сделаешь глоток, другой,
девонька, – чаек душистый
кровь взбодрит, живой водой
разольется по сосудам,
твои силы ободрит.
Поглядишь, какое чудо
чай из горных трав творит…
Взгляд не смела от смущенья
я отвлечь от рук своих,
теребящих на коленях
складки платья, будто в них
обнаружились ответы
на вопросы тайных дум.
Из каких приоритетов
выбрал путь сюда мой ум,
мне хотелось знать, кто правил
головой моей в пути?
Купидон Эдему равный?
Или я сейчас в чести
у дремучих сил колдуньи,
сонный мозг ловящих в сеть?
Сын заботливой ведуньи –
наказанье или честь
для меня и моих мыслей
о смятенье в небесах?
Темных сил отряд бесчислен!
Или завладел мной страх,
ощущая рядом что-то,
неподвластное уму?
Мозг все больше отчего-то

погружал себя во тьму
непредвиденных решений,
тайн обманчивых затей:
в смятом платье на коленях
извивался гибкий змей,
мне казалось. А быть может,
зачарованным глазам
шелк струистый стал похожим
на змеиный хвост, а сам
устрашающий мятежник
оставался в небесах?
Так ли, этак, но шелк нежный
превратился в кожу, страх
мысль одну когтил упорно,
плоть мертвил и пеленой
заволакивал все черной,
обжигая разум мой:
«Змея жало откровенно
в душу целится мою,
он ужалит непременно!..»
У сознанья на краю
слышала, как всполошились
мать и сын, хотя слова
как сквозь вату доносились,
уловимые едва:
– Что с ней, матушка? Быть может,
голод девушку сморил?
– На вопрос ответить сложно.
Подними ее. Настил
невысок, но зацепиться
можешь, милый, и упасть.
За ночь в юрте отлежится.
Ей владеет чья-то власть.

Силы чьи страшат беглянку?
От кого скрывает путь?
Замороченным подранком
мечется…
– Помягче будь,
матушка, в своих сужденьях,
у придумок правды нет.
– Я пытаюсь у сомнений
тайны выпытать ответ.
Вон Гюзель насторожилась,
нос за ветром повела,
по следам вдруг закружила:
что искала, не нашла
и завыла. Полнолунье
правит нюхом и судьбой.
На постель клади бегунью,
мягче пуха склад цветной
одеял, подушек пышных.
Снов пророческих конек
унесет ее в край вышний,
где живет всесильный бог.
Он укажет на ошибки,
мысли к толку приведет.
Накопилось их в избытке,
коли в голове разброд…
Разговор стихал за гранью,
ширил сон свои права,
проникая в подсознанье,
его тайны раскрывал.
Круторогие вершины
вновь заполнили обзор:
чьи-то помыслы внушили
мне опять громады гор.

В небесах толпились тучи,
гром греметь не уставал,
скалы становились круче,
молний блеск взгляд ослеплял.
Пот с лица катился градом,
камни ноги в кровь секли,
круч обрывистых преграды
в западню путь завели.
Взгляд не находил решений,
тупо мозг пережидал –
что? – и сам не знал, томленье
духа смутного прочь гнал.
За туманным расслабленьем
нерешительных минут
вновь возникшее смятенье
обнажило тяжесть пут:
торопился ум куда-то
за пределы грозных скал,
а душа рвалась обратно
в юрту к шелку одеял,
куда теплых рук объятье
опустило миг назад…
Мимолетным восприятьем
завершил смятенье взгляд,
рассмотрев ход в отдаленье
под нависшим козырьком
давней осыпи каменьев,
глиной склеенных замком.
Колебания смиряя,
тихо двинулась вперед.
Тропка узкая, петляя,
затрудняла переход.
Осторожный шаг страшился

на неверный камень встать,
под ногами след крошился,
дрожь в коленях устоять
на крутой тропе мешала.
Я, цепляясь за углы
острых выступов, влезала
вверх к расщелине скалы…
Только к полночи добраться
до нее мне удалось.
Небо стало очищаться,
лунный свет пронзал насквозь
горных кряжей протяженье
и зернистый снег вершин.
Вход передо мной свеченьем
напугать меня спешил,
но неведенье манило
и тянуло внутрь войти.
Взялись ниоткуда силы,
страх отбросила с пути
и шагнула в отблеск странный
входа в неизвестный грот,
скрывший след дороги дальней
в цепи гор, а небосвод
виделся все так же ясно,
как снаружи, только цвет
поменялся – в нем опасность
ощущалась. Звездный свет,
будто бы воспламеняясь
от далекого огня,
лился, все вокруг меняя,
жаром опалив меня.
Страх зажмурил крепко веки,
но сдержали губы крик.

Любопытство человека
побеждает каждый миг:
я глаза чуть приоткрыла,
осмелев от тишины.
Об опасности забыла
в тот же миг, как свет луны
серебристым покрывалом
лег на голову – она
моментально осознала,
что взошедшая луна,
освещая грот, сгустила
тень уступа, скрыв меня.
Дух воспрянул, свежей силой
наполняя тело, снял
напряжение, а смелость
метила свои права:
«Ну кому какое дело,
что морочит голова
мои мысли?! Подсознанье
знает больше, чем она,
для святого испытанья
я отважной стать должна!
Будь, что будет!»
Распахнула
во всю ширь бесстрашно взгляд,
в жаркий угол заглянула,
покатился пота град
по вискам, по лбу, по шее,
ужас мертвенный сковал
от нелепейшей затеи
проникать в чужой портал
тайн ночного небосвода,
но в расщелине земной,

куда нету смертным хода,
а меня занес дух мой.
Блики пламени корежил
взгляд на выступах камней –
жуткий страх, пронзая дрожью
порождал обман теней:
то горбун, то кольца змея
грезились, и ужас плел
сеть тугую: «Что затеял
враг? Куда меня завел
поиск выдуманных знаков
исключительных путей?
Как развеять силы мрака?
Так могуч и страшен Змей,
я же – малая песчинка,
в путь гонимая судьбой,
извращенная заминка
зло терзает разум мой!
Порождение химеры
не осмысливает мозг,
не выдерживают нервы –
воображение как воск
лепит древние изъяны
в образы кошмарных снов,
душным воздухом дурманит
разум тлен седых веков».
У костра сидели тени
бунтарей небесных сфер:
устрашало отраженье
их вождя. Змей не в пример
трем другим молчал покуда –
настоящий вурдалак,
явно слушал пересуды

верных псов своих, в кулак
рукоять зажав кинжала,
острием мешал дрова.
Укрощая длинным жалом
неугодные слова,
лидер смуты правил слогом
зажигательных идей,
бунтарям казался богом.
Я, не зная правды всей,
вдруг забыла осторожность,
сделав робко первый шаг,
а за ним второй… Возможно,
что-то делала не так,
но не думала об этом,
знать хотела лишь ходы
выявления секретов
отвращения беды
от защитников небесных,
обитающих в раю,
направляющих путь крестный
судеб грешных и мою
неизвестную дорогу
по небесным и земным
кручам, рекам и пологим
долам в поисках вины
взбунтовавшихся смутьянов,
угрожающих бедой
всем. «Пускай я жертвой стану,
но принять неравный бой
мне придется по наказу
божьих ангелов. В раю
ядовитая зараза
силу меряет свою,

распыляя смерть с хаосом
над Вселенной! Божий суд
грешников секирой скосит!
Но когда?! Кто знает?! Тут
все смешалось. Передела
мира требует Круэл!
Я не знаю, что мне делать!
Прекратить как беспредел?!
Бой?! – искусственной бравадой
не поднять победный меч!!!
Лишь мерещится засада,
а башка слетит впрямь с плеч!
Для чего себя пугаю?
Быть чему, тому и быть!
К вымыслам зря прибегаю:
ложью правды не избыть.
Возвращусь в свои пенаты,
в мир земного бытия.
Купидон сказал когда-то,
что должна чего-то я
отыскать в пути по вехам
уже пройденных веков…»
Вдруг привиделась под стрехой
крыши пара голубков.
Божьих птиц напевный говор
сердца струны обнажал,
прибавляя новый довод
правым порадеть, рождал
зов души нетерпеливой
в бесконечность вольных лет,
и напев двух птиц гулливый
утверждал, что горя нет,
а вокруг сплошное счастье,

неподвластное ветрам,
где свои мечты и страсти
подчиняла я стихам,
мое сердце пререкалось
с музой слова… Голубей
слушая, куда-то мчалось
время памяти моей…
От обманчивых видений
отряхнулась голова…
Вдруг насторожились тени,
вскинул руку их глава:
– Кто за нами наблюдает,
не пойму, но тайный гость
нашу смуту осуждает.
Чувствую, как в горле кость,
суть его предубежденья.
Наших помыслов изгой
будет рад уничтоженью
нас. И мы должны дать бой
проискам противной силы:
Эмпирей, Сарон, Анкос
чье-то сердце заразили
против нас. Но чье? Вопрос!
– Про Филмоно забываешь, –
Мэнтал головой качнул. –
От него что ждать, не знаешь.
Тоже крепко держит руль
Эмпирея и Анкоса,
а Сарон всегда готов
уничтожить нас: не спросит,
обвинит без лишних слов
наше дерзкое стремленье
управлять вселенной душ,

зараженных вечным пленом
по веленью властных служб.
– Мэнтал прав. Четверке этой
рай доверил нас унять.
Рядом их агент секретный,
чую носом. Может стать
непредвиденной занозой,
разрушающей наш план, –
Бучер прошептал. – Угрозой
не мерещится обман
мнимого воображенья.
Я давно собаку съел
в сыске тайного вторженья
вражьей силы в наш предел…
– Чем чесать зря языками,
обыщите все вокруг.
Кто-то же следит за нами.
И понятно, что не друг! –
Змей Круэл горбатой тенью
заскользил к защитной тьме.
Я прижала грудь к коленям:
страх помог свернуться мне
в тот же миг тугим клубочком,
под уступ в стене глухой
закатиться в виде кочки
неподвижной и немой.
Затаив дыханье, взглядом
я следила за врагом:
змей уже почти был рядом,
полз к уступу прямиком.
Наблюдая за опасным
приближеньем языка
с ядовитым жалом, гасли

мысли в голове, пока
тень Круэла не нависла
неподвижно надо мной.
Страх прошел с последней мыслью:
«Тень – еще не змей живой!»
И в мгновенье очутилась
в юрте, в шелке одеял.
«Злоключение приснилось!» –
сон меня так напугал,
что струился пот холодный,
сотрясался дрожью стан.
– Ой-ой-ой, как дух голодный
тело мучает. Рустам
разжигает угли в печке.
Чай горячий и еда
мигом твой недуг излечат.
Что за горькая беда
тебе грезилась, касатка?
Через левое плечо
плюнь три раза для порядка
и добавь слова еще:
«Куда ночь, туда и греза!»
За покой твой помолюсь.
Если кто страшит угрозой,
в пекло ада сгинет пусть! –
монолог старушки доброй
оборвал спокойный шаг.
– Чай готов! На вкус опробуй,
матушка.
– Сейчас! Мастак
у меня сынок на диво.
Оживешь с одним глотком
его чая, – говорлива

бабушка была. Сынком
явно хвасталась зачем-то,
помогая мне прибрать
груду одеял. И лентой
красной косы заплетать
принялась мне, пот холодный
отерев со лба рукой.
– Красный цвет всему угодный.
От него настрой такой,
что болезни отступают,
без оглядки страх бежит.
Черный цвет бедой пугает,
алый – душу веселит.
Посмотри на отраженье
в сути истинной стекле.
Видишь, радость выраженья –
на твоем лице. Алей
утренней зари румянец
на щеках. Сиянье глаз
сердце молодца притянет,
опьянит надеждой ласк…
От смущенья на старуху
я не смела взор поднять,
спорить не хватало духа:
«Что на бабушку пенять,
коли мне самой приятен
в моих косах алый цвет.
И мое в цветочек платье
мне идет. Ведь не секрет,
что в меня влюбиться можно
и сама любви хочу!
Отчего же так тревожно
на душе? Судьбы кручу

нить или она петляет
по дорогам не моим?
Косы кто мне заплетает?
Подчиняюсь мыслям чьим?»
– Что молчишь? Себе не люба?
Или мой не прав язык? –
бабушка поджала губы, –
он к молчанью не привык.
Голос ласковый заставил
нас обеих вздрогнуть:
– Ну,
долго ждать вас? – и добавил:
– Остывает чай! Усну
я сейчас от ожиданий,
шума речки. Ветерок
шаловлив, у мирозданья
нет границ…
– Прости, сынок,
свою матушку. Хотелось
гостье косы заплести.
– Краше нет ее!..
Зарделась
от смущения.
– Прости…
Кажется, своим восторгом
я совсем тебя смутил.
Крик готов был рот исторгнуть,
когда взгляд мой вдруг застыл
на лице давно известном
мне из встреч далеких дней.
«Вестник ангелов небесных?!!
Или Юргис – свет очей
с его ласковой улыбкой

и шутливым языком?! –
узнавала без ошибки
их в Рустаме!!! Может, сном
спуталось мое сознанье –
грезится мне наяву,
что небесные созданья
в каждом образе живут!»
Взгляд знакомый улыбался
с тем же блеском карих глаз:
он в любви мне признавался,
прочно связывая нас…
Вдруг спина моя согнулась
от удара жестких лап.
Запоздало оглянулась:
был свиреп волчицы взгляд.
Полыхал огонь в глазницах
разъярившейся Гюзель.
Пасть разгневанной волчицы
устрашила ее цель:
я от ужаса застыла,
забывая обо всем –
с моим горлом рядом было
чудище! «Вторым рывком
с ног собьет! Не пожалеет
моих юных лет оно!
Злобный норов одолеет
запросто, что суждено
на неведомой дороге
в смене жизней и веков?
Если взгляд сейчас мой дрогнет,
вмиг погибну от клыков
замороченной волчицы
чьей-то волей. Может, Змей

в мозг ее проник и злиться
попросту внушает ей?
Нет других предположений
в моих мыслях – липкий страх
все затмил и, к сожаленью,
подчиняет ум».
Вдруг взмах
плетки яростной из кожи
просвистел над головой.
Был он точен. С хлесткой дрожью,
не задев меня собой,
опустился на волчицу,
сбросив со спины. Хребет
ее вздыбился. Плеть взвиться
еще раз успела.
– Нет! –
закричала я. – Не надо
бить Гюзель! К тебе любовь
правит ей! К чужому саду
я приблизилась и кровь
в ней взыграла! Ревность травит
ум не только у людей!
Разве плеть кого исправит?
А тем более, зверей?!
Но минута промедленья
не смягчила волчий нрав:
вновь Гюзель вскочила. Бденье
глаз Рустама, ей не дав
шанса, плетью пригвоздило
к ложу скошенной травы.
Жаркие глаза косила
на меня, но головы
от земли не отрывала

на сей раз, признав урок.
Мать хозяина стояла,
не переступив порог,
изумленная сраженьем
сына с преданной Гюзель
и ее остервененьем
к гостье. На помост присел,
от меня не отрывая
взгляд, Рустам, отбросив плеть.
Пальцы рук в шерсть погружая,
что-то зашептал. Смотреть
продолжала мать на сына.
Медленно менялся взгляд:
поначалу злилась сильно –
но в народе говорят,
сыновей не отрывают
даже взрослых от груди.
«Матери, им все прощают,
веря, птенчик почудит,
если хочется, очнется,
станет прежним малышом.
За подол держась, живется
легче маминым сынком!
И Рустам такой же масти:
дом – у матушки в руках,
его сердце – в ее власти.
Не найдется в мире плах,
где казнить захочет сына
мать, узнав его вину,
оправдает и отринет
даже тяжкий грех. Согнуть
невозможно мать, склоняя
сына кровного предать!

Если сына обвиняет
целый мир, не верит мать,
что он может быть жестоким
или малодушным быть.
Не видны его пороки
глазу матери. Не жить
без него ее надеждам
на счастливые года
в старости, когда подрежет
крылья немощь, и беда
чаще будет в дверь стучаться,
если нет его плеча.
Нет, мне лучше отмолчаться –
впрок получишь сгоряча
от рассерженной мамаши.
Сын – ее кровинка! Ей
стало от удара страшно,
но от боли не моей:
обнаглевшая волчица
много значит для нее.
Ей на гостью ополчиться
проще. Дитятко свое
ближе – обелит сыночка,
даже если сын не прав:
пуповина вяжет прочно
их в единый суд и нрав.
Я здесь лишняя! У зверя
чуткий нюх: Гюзель могла
уловить флюиды Змея.
От него беды ждала,
потому напала первой.
Подползал ко мне Круэл! –
будто струны, дергал нервы,

но ужалить не успел.
Что за бред мой ум терзает?!
Тень не может быть живой,
ток она не испускает –
нюх Гюзель на дух иной
реагировать не может!
Ревность зверя пострашней
человеческой. Заложник
ум ее души моей!
Я пророческой картиной
срисовала злой прыжок.
В моей карме не повинны
ни Гюзель, ни Змея ток.
Купидон лицу Рустама
передал свои черты –
увлекаюсь я обманом,
с явью путаю мечты.
Век другой, а люди те же,
но в обличии другом –
это знак! Во сне я брежу
точно для чего-то. Сном,
видимо, напоминают
памяти моей маршрут,
по которому считают,
я должна идти. И тут
оказалась неслучайно:
в жизни прошлой этот род
был моим?..» – Гюзель рычаньем
прервала ход мыслей. Плод
моего воображенья
не вкусила до конца:
мысль закончилась вторженьем
незнакомого лица

в круг неясных размышлений
подчиненного ума
небесам или сомненью,
от которого сама
и страдала.
Дряхлый старец
шаг замедлил. Острый взгляд
на меня направил, палец
указательный в наряд
мой, потрепанный скитаньем,
беззастенчиво упер,
но улыбчивым вниманьем
раздражение вмиг стер.
– Побродив по белу свету,
вижу, не нашла ответ
на вопрос, где тот и этот
мир показывает след
к спрятанной великой тайне
примирения сторон –
сто дорог к истоку знаний,
путь один и тяжек он.
Я – Анкос! Тебя жалея,
не хочу твоей хулы
за опасливого Змея:
тень за выступом скалы
появилась знаком власти
темной силы над тобой.
Ускользнешь ли от напастей
или дерзких мыслей рой
бросит в пекло вражьей смуты,
не скажу сейчас, но быль
разъяснит, где знак попутный
разрешению борьбы

окончательной победой
над мятежной стороной:
нюх волчицы чует беды,
привлеченные войной
к ее самым близким людям.
Ты почудилась врагом
дому, где друг друга любят.
Для нее хозяйский дом
стал давно священным местом:
от щенка до взрослых лет
этим людям служит честно.
Для Гюзель дороже нет
старой Флюры и Рустама.
От врагов их защищать
ее долг. Где вкривь, где прямо
ходят беды. Их поймать
нелегко в силки закона:
не обуздан их разгул.
Ложь заманчивой короной
прикрывает Вельзевул.
Различить, где настоящий
друг, а где беды посол,
как суметь? Ошибки чаще
главную играют роль.
Что Гюзель насторожило?
Кто тебя преобразил?
Оболочка чаще лжива,
а внутри – кто что взрастил.
Взгляд волчицы заприметил
новый знак в тебе! Какой? –
Обозначился при свете,
когда встала ты спиной
к настороженному взору:

импульсивен был прыжок –
вспыхнул норов непокорный,
участился крови ток.
Плеть ее не проучила:
наказание больней
оттого, что получила
плату верности своей
жесткой плетью от любимца
изначальной доброты.
Не могла понять кормильца:
«Как он мог? За что?» Ведь ты –
враг! Она на страже дома!
Доверяли до сих пор
ей его защиту. Громом
в ясном небе был позор
от постыдного удара.
Как простить и чем унять
муку ярости коварной –
невозможное понять?!
Ты представь ее страданья –
пожалей души вину.
Смолк Анкос. От назиданья
мысли вспять не повернуть,
не заставить страх уняться,
если в разум он проник.
Храбрости откуда взяться?
Онемел и так язык
от удара лап и плети,
полоснувшей по хребту
верную волчицу. Метил
краем глаз дрожь, по хвосту
пробежавшую внезапно
у Гюзель. Приподнялась,

резко выпрямила лапы
и к Анкосу подалась.
Старец потрепал ей холку:
– Что, обидели? Пройдет!
Трудно быть домашним волком,
коли сердце прирастет
всеми фибрами невольно
к божьим промыслом родне.
Кем и чем ты недовольна,
может быть, расскажешь мне?
К уху старца нос прижала,
будто бы знаком язык
был Гюзель причин и жалоб
человеческих. Старик
головой кивал, внимая
откровениям ее.
Непонятна речь немая,
но смогла понять намек
на какой-то знак несчастья,
призываемого мной
на их дом. Клыками пасти
щерилась ухмылкой злой
на малейшее движенье
моих с красной лентой кос.
Взгляд Рустама восхищенья
не скрывал, а волчий нос
морщился, едва заметно
глаз косил на облик мой.
Старец, видимо, отметил
оба взгляда и рукой
снова приласкал волчицу,
на Рустама поглядел,
на меня, сместил границы

взгляд в заоблачный предел,
будто где-то во Вселенной
он выискивал наш путь.
Запах необыкновенный
с ветерком вдохнула грудь.
Выдох, вдох пьянили разум –
он тонул на дне зрачков
глаз Рустама. Чьим приказам
подчинялись мы. Без слов
понимать могли друг друга…
Но идиллию прервал
вдруг Анкос: – В моей услуге
не нуждаешься? Восстал,
мозг включи, в небесных кущах
злонамеренный Круэл!
В подсознание запущен
разум твой! Его удел
выяснить загадку века,
мир сгубившую в раю.
Ангелы от человека
ждут содействия. Стою
перед вами с целью явной:
долгий путь поторопить.
Задержалась ты и в главном
потеряла его нить:
знаки шифра тайных знаний,
скрытно спрятанные мной
в бесконечном подсознанье,
не нашла. По круговой
линии времен и чисел
движется в нем жизней путь
и бесчисленные смыслы
дел и чувств, томящих грудь.

Для чего-то оказалась
в этой юрте, и Гюзель
что увидела? Досталось
на орехи ей! Но цель
у нее была иная.
Если в корень посмотреть,
подоплеку мысли зная,
разгадаем и секрет! –
смолк Анкос, и гром внезапно
залпом грохнул в синеве
небосвода. – Фу, неладный,
напугал!
Вдруг блик в траве
притянул мой взгляд. Волчица
не замедлила прыжок.
Золоченная вещица
по длине в один вершок
вмиг в ее зубах блеснула.
Наклонился к ней Анкос,
вещь в ладонь его скользнула
изо рта волчицы. Нос
фыркнул, а глаза взглянули
на меня. Магнитом взгляд
притянул блестящий «брюлик»
с витым вензелем в обхват.
Что он памяти напомнил?
Буква «Ю» взбодрила пульс –
где-то в уголке укромном
ожил Юргис!
«Небо пусть
сердцу моему поможет
разобраться, для чего
волчьим нюхом в бездорожье

вещь нашлась? Важней всего
ангелам помочь, и память
устанавливает связь
меж веками. Что ж упрямо
будоражит ум букв вязь?!
В ней шифрованная тайна?
Появился здесь Анкос,
чтобы мне помочь! По крайней
мере он и волчий нос
на булавку указали,
грохот грома объявил,
чтобы тщательней искали
к миру ключ. Анкос смягчил
раскаленной обстановки
напряжение не зря.
Приручил волчицу ловко…
Но забыть и то нельзя,
что чего-то углядела
на моей спине она.
Флюра в косы ленту вдела…
Может, в ней – моя вина?!...
Красной лентой любовались –
соблазняет яркий цвет.
Мы с хозяйкой развлекались,
не признав благой секрет?
Но откуда появилась
лента в юрте? Неспроста
я у Флюры очутилась,
а Рустам родным мне стал…»
– В своих мыслях заплуталась,
может, зря, а может, нет.
В прошлом часть судьбы осталась.
В сей булавке скрыт секрет, –

произнес Анкос. С улыбкой
мне находку протянул.
– Вот, возьми. Но знай, ошибкой
можешь все сорвать, – вздохнул
старец. – Все-таки напрасно
не пытайся рисковать
и булавку с лентой красной
постарайся не терять. –
Горло, кашлянув, прочистил.
– Жизнь покажет милость дней:
Кто из нас чего замыслил,
то и сбудется! Смелей
будь при встречах на отшибе
неразгаданных дорог…
– Подскажи разгадку, либо
намекни хотя бы.
– В срок
все узнаешь.
Поскакали
мысли снова в глубь веков.
Пальцы дар Анкоса сжали –
разум верить был готов,
что всего одно мгновенье
и откроется ответ,
затаилось где спасенье
от рожденных смутой бед.
Размышления мелькнули
и пропали без следа,
будто их ветра задули
и умчали в никуда.
Закружился смерч над речкой,
подхватил меня, понес
словно перышко… Сквозь вечность

мне в глаза смотрел Анкос
а в моей руке сверкала
тайна с вензелем витым,
Юргиса напоминала –
прошлой жизни смутный дым.
В чем пыталась разобраться
моя вечная душа?
«Мне за ней век не угнаться –
чувства помыслы страшат!»
Смерч кружил под облаками,
небо втягивая вглубь.
Рядом обнажались камни
умерших надежд.
– Как глуп
и ничтожен дерзкий разум,
возомнивший победить
смуту ангелов. Зараза
мир сумеет захватить,
пока я мечусь по свету
в поисках забытых тайн,
спрятанных Анкосом где-то
в безднах звезд, веков! И рай
не спасти моим скитаньем
по безвестному пути!
Метит пустяки вниманье.
За сомнения прости,
Бог, меня! Мечусь как рыба,
в сеть попавшая. Анкос
на отгадки скуп был? Либо
Змей Круэл давно принес
на алтарь своей победы
жизнь смущенных им людей.
Неба замысел неведом,

но за помощью твоей
я пойду, куда угодно!
Дай мне, Господи, познать
в смене поисков бесплодных
толк, раскрыв желанный знак!
Смерч в мгновение улегся,
дальних звезд косматый свет
в вышине мерцал. Увлекся
взгляд круженьем двух комет
по невидимой спирали
вдоль пространства надо мной –
в салки будто бы играли
на орбите неземной.
Но внезапно мрачным цветом
затемнился чудный свет
тел небесных. Две кометы
будто растворились. След
взгляд растерянно пытался
отыскать в безликой мгле.
Страх удушливым казался:
словно бы сжимал в петле
мое горло кто-то жуткий
и невидимый глазам.
Слух насторожённо чуткий
уловил шипенье за
позвоночником и шеей.
Взгляд скосила. Человек
с головой и жалом змея,
руки вытянув, подверг
мою шею испытанью,
от которого она
задыхалась. Хрип дыханья
сладок «змею» был. Спина

изогнулась, в миг последний
вырываясь из тисков.
Темных сил прямой наследник
был к отпору не готов:
рук когтистых жесткий обруч
чуть ослаб и в тот же миг
я вонзила локоть в «Кобру» –
кличке долг на дне возник
разъяренного сознанья
от налета со спины
«человека», но прозванье
уличало Сатаны
в нем преемника и облик
не обманывал глаза.
«Я злодею, что ли, кролик?!
Или глупая коза,
загулявшая до ночи
на приволье сочных трав?!
Напугал до дрожи! Впрочем,
этот аспид в главном – прав:
в поздний час лишь жертвы бродят
в глухомани, на краю
света, в дьявольских угодьях! –
Вдруг отчет себе даю:
– Здесь припрятан знак Анкоса!
«Кобра» знает, где лежит
вещь или ответ к вопросу,
что мятежников смирит?
Фантазерка я, однако,
этот человеко-змей
представление о знаках
не имеет! Без затей
обойтись бы мне! Но правду

как узнать? Поговорить
мы не можем! Я-то жажду,
а вот он навряд ли. Прыть
растерял дикарь от боли,
до сих пор не отойдет…
Не встает… Загнулся, что ли?»
– Эй, ты жив? Вставай, урод!
Сам напал! Я отбивалась.
Чуть меня не задушил!
Что мне делать оставалось?
Локоть зверя сокрушил!!!
Я сама не ожидала,
что мне силы страх придаст.
Локотком безмерно малым
пыл твой остудила! Страсть
убивать в тебе с рожденья?
Или с возрастом взрастил? –
в ожиданье пробужденья
с наслаждением язвил
разум, видно, поглупевший
от победы над врагом,
неожиданно успешной
и стремительной притом!
Я на цыпочки привстала,
чтобы лучше рассмотреть
распростертого вандала.
Резвый мозг сумел успеть
среагировать на скорый
взмах чудовищной руки.
Отскочив, с невинным взором –
перепугу вопреки –
бойко погрозила пальцем
я страшиле: – Что за блажь?!

Ты проглотишь свое жальце,
если волю чувствам дашь!
Я совсем не виновата,
что мой локоть одолел
без усилия собрата
Вельзевула! Что сомлел
ты от моего удара.
Кто из нас двоих напал
первым? Лучше нам на пару
обсудить сейчас финал
нашей встречи по согласью,
где никто не виноват.
Кто кому из нас опасней
не ответим. Лучше лад
нам поддерживать. Кто знает,
чем закончится вражда?
Добрый нрав всех примиряет,
и уступчив он всегда.
Что нам ссориться? Врагами
не бывали мы с тобой!.. –
Недруг скрежетнул зубами,
но смолчал. – С моей судьбой
незнаком ты. В чем увидел
разум твой угрозу вдруг?
Кто из нас кого обидел?
Ближний и далекий круг
наших родичей и близких
не сходились никогда.
– В заключении есть риски.
Может быть, была вражда
в поколениях, ушедших?
Твое горло сжал в тиски
с упоением…

– Приведшим
тебя в аут!
Враг виски
медленно потер, и что-то
промелькнуло вдруг в глазах –
его память неохотно
измеряла риском страх:
«Мозг от жути отключился,
когда локоть между ног
неожиданно вонзился.
Я же стать бесплодным мог!» –
без усилия читала
вражьи мысли по лицу,
ему память выдавала
небрежение к Творцу
и слепое подчиненье
непокорному вождю,
возбудившему волненья
среди ангелов…
– Судью
нашей правомочной смуты
Эмпирея – чудака
ты бы слышала! Он, будто
управляла им рука
бога, увещал! Круэлу
слов пустых не нужен блеф:
что бы пташечка ни пела,
ей не подчинится лев! –
вдруг вскипел вандал безвестный.
А потом, как прорвало,
норов сдабривая лестью,
славить стал кичливо Зло.
Панегирик пустословьем

заморочил разум мой:
– Знать бы ваше поголовье! –
вырвалось.
– Что?! Бунт святой
исчисляешь головами?!!
В правом деле нет греха!
– Так считаешь?! Но над вами –
наш Создатель!
– Ха-ха-ха! –
рассмеялся змееглавый.
– У Творца свои дела.
Бог в раю, конечно, главный,
но и смута – не хула
нашего вождя! Опорой
первой станет он в раю
Господу в итоге спора
с Эмпиреем! На твою
помощь зря питают веру.
Уничтожит наш Круэл
заготовленные меры
против нас!
– Как Змей посмел
бунт поднять?!!
– Не бунт! Достойней
за порядком он следить,
когда наш Творец исконный
отлучится. Подтвердить
мы должны были главенство
наших сил. Ты не мешай!
Памяти несовершенство
исключит ваш верх!
– Но рай
под присмотром бога!

– Знаем.
Но стать правою рукой
должен лучший! Заявляем,
лучший – змей Круэл! Герой
наших помыслов и силы!
За него горой стоим!
Похвальбу едва сносила:
«Красноречием своим
враг пришпорил на удачу
славословия коня –
на него я время трачу,
но задерживать меня
больше не могу позволить.
Что-то надо предпринять».
– Может, хватит балаболить!
Мне хотелось бы понять,
кто ты есть на самом деле?
Ангел? Или Зла слуга
в непривычном глазу теле?
На земные берега
как попал? Зачем пытался
задушить меня в ночи?
– Я тобой залюбовался
поначалу. Нет причин,
будто, для внезапной злобы.
Отчего зажглась она,
объяснений нет. Утроба
вдруг вскипела и со дна
желчь густая отравила
мои чувства. Аппетит
разыгрался, искусила
плоть. И горла нежный вид
притянул к себе магнитом,

пальцы сами в круг сошлись.
Издавна прием испытан:
Я – палач!
– Остановись!
Снова желчь твоя восстанет,
вновь захочется терзать
мое горло! – был на грани
срыва дух мой, и глаза
повлажнели от избытка
ощущений не простых.
– Я опять ударом прытким
с ног собью! Из нас двоих
стать желает кто-то жертвой?
– Тьфу-тьфу! Я бы не хотел
напрягать еще раз нервы,
даже если бы успел
оборвать твое дыханье,
не познав злой локоток.
Твоей шейки трепетанье
вновь бы вынести не смог, –
но ухмылка не скрывала
плотоядного ума.
Его мысли вновь читала
и опасностью сама
заполняла свои мысли,
разум робко возражал,
обещал другие смыслы
и от них же сам бежал.
«Дикарям закон не писан!
Что на ум взбредет сейчас
незнакомцу с взглядом лиса
на охоте? Кто из нас
не очутится в объятьях

шелка фраз, манящих в сеть?
Жалко не умею врать я
так искусно, чтоб успеть
на него надеть намордник
моей власти до того,
как мятежной своры сродник
вспомнит, что слабей его
во сто крат земной воитель
в юбке, с косами венцом.
Он – смутьян, но райский житель!
Непривычное лицо
не мешает ему вроде,
как и мне, коли возьмет
мою сторону – угоден
для дел добрых и урод!»
Вновь усмешка промелькнула
в глубине змеиных глаз.
Фыркнуть я не преминула,
и браваду напоказ
выставил мой дерзкий разум:
– Ни к чему нам спор! По мне:
лучше сговориться сразу,
чем в пылу загнать коней
наших мыслей – от насмешки
их больней стегает плеть
раздражения и тешит
самолюбие. Не деть
никуда враждебной схватки
убедительный провал!
– Усмирив свои повадки,
взяли в ссоре интервал.
– Может быть, нас кто-то свыше
вовремя угомонил?

– В непокорливом затишье
скрыт неусмиренный пыл.
Он от злости закипает,
лишь подумаю, с какой
легкостью опережает
мою хватку локоть твой!
Нет, здесь, явно, рок вмешался,
подсказав удачный ход.
Лишь с его подачи сдался
я тебе, как идиот!
Никому бы не поверил,
что ты справишься со мной.
В своих силах был уверен.
Ленту вместе с головой
жаждал принести Круэлу,
погасив враждебный свет
двух игруний.
– Беспределу
ни границ, ни меры нет!
Голова не угодила?
Ленты цвет глаза томил?
– Ты поменьше бы язвила.
– В потасовку сам втравил!
– Представляю злые силы
на земле. Авторитет
Змея – моих дел мерило!
Мир в намордники одет!!!
– Распевать хвалу гордыне
перестань!
– Как ни крути,
в сладострастных душах ныне
впрок сумела прорасти!
– Как с ней справиться, кто знает?

Может, даст Анкос ответ?
– Все за всех Круэл решает!!!
– Он – в твоем окошке свет!
Надоел! Свое мне имя
лучше бы сперва назвал.
До конца раскрыл бы стимул
слезть с небес. Там занимал
не последнее ты место?
– Уважаем и любим
я Круэлом.
– Вижу, лестно
тебе быть на равных с ним.
Облик Змея ты примерил,
чтобы схожим быть во всем
со своим кумиром. Верил,
первый шаг – лицо, затем
переймешь его повадки
и тогда получишь власть
надо мной?!
– С твоей ухваткой
кто бы справился?! Напасть
только и успел.
– Мгновенье
обмануло твой успех.
– Наказал за искушенье
рок, наверно? Или грех –
задержать тебя насильно –
не считается виной?
– Слабый локоток не сильно
покалечил орган твой?! –
позлорадствовать хотелось,
но мой разум придержал
колкий язычок: не дело

бить лежачего.
– Не ждал
от тебя насмешки едкой…
– Вырвалось. Прости! Самой
стало стыдно. На заметку
я возьму проступок свой.
Но и ты змеиный норов
самолюбием не рви –
лучше странниц непокорных
в злые сети не лови,
а не то получишь сдачи.
Тьфу-тьфу-тьфу, опять язык
заострился неудачно –
к дерзкой вольнице привык.
– Успокоить свои нервы
нам обоим пробил час.
На тебя напал я первым:
жаждал выполнить наказ
своего вождя. Но с ходу
получил отпор такой,
что теперь свою природу
надо укротить: с тобой
примиряясь, руку дружбы
первым должен протянуть.
У Круэла я на службе
сдуру не загнулся чуть!
Отыскать двух солнц круженье,
погасить их яркий свет
было мне легко. Везенье
кончилось на том: дуплет
пригвоздил меня. Загадки,
сознаюсь, не мой конек.
Тугодум я на отгадки –

нужен Бучеру намек.
– Значит, Бучер ты! Я – Зоя.
В странной встрече – смысл какой?
Нападение устроил
на меня Круэл тобой –
это мне понятно. Промах
он в расчет не брал вообще.
Значит, ждет, приятель, дома
тебя кара?
– У вещей
есть цена: моим ошибкам
предстоит, конечно, суд.
Увернусь!
– Какой ты прыткий,
видела…
– Смеешься. Крут
нрав Круэла. Суть – не в этом.
Создан богом человек,
но забыл его заветы,
и настал расплаты век.
Продолжительность пристрастий
к своим низменным грехам
вас, пороки сладострастья
не угодны небесам.
Потому вы очутились
в точке гибели своей…
«Что он мелет? – возмутились
мысли. – Бунт, не помнит, чей?»
– Вижу, сбит твой разум с толка:
человеческий резон
не приемлешь. Спорить долго
с очевидным не учен.
Не суди мятеж небесный:

на земле – его прикорм!
Если до конца быть честным:
блуд мозгов рождает шторм
подлых чувств и рикошетом
по вселенной бьет. Круэл
за основу принял это,
искушая твой удел.
Не пугайся. Вкус победы
иногда горчит слегка.
Смуты мне конец неведом –
даже малая рука
может сокрушить гиганта
мощи тела и ума.
Твоего хватило кванта,
чтобы сбить меня!
– Сама
от себя не ожидала
такой прыти!
– Мне урок.
Вмиг победу одержала. –
Бучер на мгновенье смолк,
головой качнул. Усмешкой
свою мысль сопроводил. –
Не дурак ли я? Успешно
локоть мне Анкос всадил,
а не ты! Особый статус
у тебя! – он подмигнул.
– Поделился со мной Бахус,
а ему сам Вельзевул
под хмельком проговорился
о гонце в земной предел.
Старому Анкосу снился
райской власти передел.

Ну а ты каким-то боком
можешь смуту извести.
От козявки мало проку,
я подумал, не спастись
ей от Бучера! Беспечный
ум не балует успех –
нарывается извечно
легкомыслие на смех.
– В сторону меня уводишь:
изворотлив ум, во тьме
отыскавший цель.
– Находишь
это странным? Ты – в уме?
Разве может быть враждебной
тьма послу мятежных сил?!!
Я исторгнул клич победный,
распалив удачи пыл.
Страсть азарта подкрепляя,
погасил планеты две.
Глаз от них не отрывая,
ты ловила дивный свет
звезд с причудливым круженьем –
любовалась их игрой.
В тьму сплошную погруженье
обещало счет иной
в нашей схватке: враг на спину
вдруг обрушился – к судьбе,
кто готов, неблагочинной?
Но Анкос помог тебе.
Этот старец мудр: моментом
твой удел определил.
Кто вплел в косы твои ленту?
От нее свет исходил

совершенно необычный –
полыхал ярче огня.
– Подарила ленту лично
мне Рустама мать.
– Меня
известил Круэл о скором
появлении твоем,
ждет нас гибель за которым,
коль тебя не изведем.
Приказал мне вождь угрозу
праведного мятежа
вырвать с корнем как занозу!
Твою жизнь, признай, держал
я на волоске удачи,
но Фортуна подвела.
Живо ты дала мне сдачи:
лучше б сделать не смогла
и сама фата-Моргана.
Я – твоей сноровки раб,
но сторонником не стану, –
Бучер сплюнул. – Дух ослаб
лишь на краткое мгновенье –
подчинился разум мой
твоей воле. Откровеньем
завершаю свой разбой!
Да, я – для тебя разбойник,
друг враждебной стороны,
смуты праведной сторонник!!!
Признаю, но вот вины
отступившего собрата
от возвышенных идей
не возьму на душу. Правда,
предавать – не мой удел! –

Бучер – враг, но своим нравом
впечатлил меня вандал
с ликом змея, своим правом
неприязнь поколебал:
он своих лихих собратьев
ни на миг не смел предать.
Змей Круэл с мятежной ратью
будут за меня ругать
неудачного героя,
проигравшего судьбе
слабой девушки. Порою
так случается.
– В себе
не уверен не бывал я
никогда до этих пор!
Сколько плоть ни рисковала,
дух мой отвергал позор! –
признавая пораженье,
Бучер мысли торопил
погасить предубежденья
надоедливого пыл. –
Стыд и срам! Земной пичуге
удалось меня сразить!
Мои прошлые заслуги –
пыль у ног твоих! Испить
мне придется чашу гнева
разъяренного вождя!
– Дай покой желанный нервам.
Не беснуйся, уходя.
Что случилось, то известно
всем уже, как ни крути.
Поражение не лестно
для тебя. Ну что ж, прости! –

я намеренно съязвила. –
Враг – не друг, смутьян – не брат!
– Сердце ты мое разбила!
– Ой, ли?! Била наугад,
по наитию, со страха.
– Но удачно для себя.
Палачу – привычней плаха
для врагов. В раю трубят,
слышу, трубы боевые:
объявляет сбор Круэл.
Если встретимся живыми,
доскажу, что не успел!
Враг исчез в одно мгновенье.
Ощущение беды
переполнило смятеньем
мысли. С гор тумана дым,
опускаясь, заклубился.
Поглотила окоем
мгла густая, лишь светился
где-то на краю пятном
чей-то призрак, затененный
памятью последних дней.
От загадок затаенных
он замедленно тускнел,
расплываясь в бесконечной
мгле таинственной и злой.
Сумрак придавил мне плечи.
Кто-то явно правил мной:
образы небесной смуты
зароились в голове.
Я их видела, как будто
были рядом группы две
ангелов окраски разной.

Белый цвет превосходил,
только черный тон опасней
ядовитой кобры был:
темных ангелов одежды,
источая злобный тон,
поглощали дух надежды
светлых сил. Его урон
не заметен был Вселенной,
не грозил еще Земле.
Сладкий глас проникновенно
обещал рай вечный мне,
подчиняя обещаньям
подсознание мое,
в чьих-то низменных желаньях
растворяя бытие
прошлых жизней, и невинно
закрывал хранимый путь –
памятью и пуповиной
шифров, знаков. Смуты суть
пеленал в свои одежды,
завораживал мой ум.
Я забыла знаний прежних
цель. Толпы, смятенной, шум
разум, скованный желаньем
чьей-то воли, рассмешил:
«Двухпартийное собранье
противоположных сил!
Кто из них тут прав? Кто ложно
власть стремится захватить,
мне – не все равно, но сложно
тяжбы чьи-то исключить
из пространства интересов
привередливой души.

Я устала, если честно,
по чужим делам спешить».
От блаженства и покоя
потянуло меня в сон.
Кто кого там беспокоил,
кто уселся на чей трон,
не желала вспоминать я:
по мерцающей реке
звезд плыла в воздушном платье…
Легкой дрожью по руке
пробежал истомный трепет
озорного ветерка.
На мой полусонный лепет
мне откликнулась рука
ласковым прикосновеньем
к шелку вспугнутых волос.
Веки дрогнули, мгновенье
завершил прямой вопрос:
– Кто вы?
– Разве не узнала?
А я так тебя любил!
Помнить вечно обещала.
Чем тебе не угодил?
Память напряглась, и тени
из далеких дней и лет
замелькали вскользь – с сомненьем
узнавался чей-то след.
Каждый схожими чертами
что-то мне напоминал.
Зимы с веснами листали
чьи-то лица, имена,
ни о чем не сожалея:
было, сплыло – что грустить?

Кто дороже, что милее
вспоминалось и простить
мне, встревоженной, хотелось
зыбкой памяти испуг.
С тетивы стрела слетела –
целил в мое сердце лук
Купидона, вновь игриво
погружая в страсти пыл.
Дерзкий взгляд нетерпеливо
искушенье торопил.
– Я вообще тебя не знаю,
но черты лица и стать
очень мне напоминают
Юргиса.
– Готов признать
юных лет очарованье:
робких губ ответный пыл,
мед туманных обещаний
с упоеньем каждый пил.
Ни к чему следы былые
в своем сердце ворошить –
завтра страсти огневые
станут вить иную нить!
– Не с тобой ли?
– Угадала.
К счастью ключ – в моей руке.
Прошлое еще держало
где-то в зыбком уголке
милый образ, с Купидоном
схожий совершенством черт,
но была уже я склонна
с ним расстаться. Список жертв
моего благоговенья

увеличил странный гость –
быль мелькнула смутной тенью
и растаяла, а мост
между мной и незнакомцем
уменьшал длины проем
с каждым взглядом – ярче солнца
заблистал наряд на нем.
– Кто ты?!! – шепот восхищеньем
незнакомца обласкал.
Он с улыбкой след сомнений
ложным блеском разметал:
– Я – Лэурк! Любимец бога
и твоей любви магнит.
Ждал тебя безмерно долго.
Твоей памятью забыт
был на время, но сегодня
судеб двух пошел отсчет,
божьим помыслам угодный!

Чудотворный переход
от вандала к созерцанью
неизвестного лица
из магических преданий
о всесилии Творца,
воссоздавшего героя
романтических умов,
покорил меня и строить
разум снова был готов
замков сказочные шпили
из песка и миражей.
Мои мысли нити вили,
неподвластные уже
твердой воле: будто хмелем

опоил Лэурк мой мозг,
соловьев весенних трели
услаждали сердца воск.
– Я совсем тебя не помню –
память грешная слаба!
Наполнялась грудь истомой…
Неизвестная судьба
направляла путь в иное
состояние души.
Год какой, число какое
не могла никак решить.
«Здесь откуда появился
этот странный человек?
Говорит, в меня влюбился.
Но в какой из прошлых век?»
Пристальней в черты вгляделась:
промелькнуло время в них…
Мне в глазах тонуть хотелось,
удивительно родных:
в их зрачках воспоминанья
отражали давний след,
искры полустертых знаний
излучали чудный свет,
по которому когда-то
я могла сходить с ума.
Вкус ушедших дней был сладок –
не заметила сама,
как объятия сомкнулись
в обручальное кольцо:
даты, годы развернулись
в путь отрадный – под венцом
пролетели как мгновенье,
разметала память след

по своим проулкам: звенья
прошлых жизней и обет
рассыпались на осколки,
исчезая в тьме веков.
Не запомнилась мне толком
истина в обрывках слов,
только черт лица похожесть
в смутных обликах времен
взгляд ловил. Судьбы итожил
искаженья Купидон:
до последнего мгновенья
у Любви есть первый след –
в бесконечных повтореньях
скрыты знаки юных лет,
где наивный трепет тела
зарождал отсчет веков…
– Моей силе нет предела!
Ты – в моих руках! Любовь
без конца мечтами манит:
в маске Юргиса легко
овладел тобой обманом.
Ложь должна быть под рукой,
чтобы вызнать все секреты
тайных помыслов твоих!
На краю сознанья где-то
хитрый ангел спрятал их.
Ты Круэлу подчинилась,
твой удел с моим совпал!
Как удачно приручилась:
я теперь – твой идеал!
Буду знать твои секреты
без усилия ума:
знаки, тайные приметы

передашь ты мне сама!
Я от злости онемела:
«Речи мед в плен залучил!
Как Лэурка от Круэла
глупый мозг не отличил?!
Сбил меня с пути мятежник,
верный след в тупик завел.
Искусил словами грешник
мое сердце, и раскол
в небесах стал еще глубже.
Я забыла свой удел
у чужих интриг на службе:
обхитрил меня Круэл!
Сжали мозг тугие цепи –
приковала блажь мой рок!» –
нестерпимый тела трепет
моих дум подвел итог.
Чары сладостных объятий
разорвал сознанья взрыв.
Отречение с проклятьем
подгоняли мой порыв
убежать скорей из плена
заколдованных цепей:
«Не считается изменой
ложный фокус миражей!»
– Легкомысленной девчонке
голову легко вскружить!
«Подсознания потемки
вновь Любви спешат служить! –
в голове моей рождался
слов мучительный расклад:
разум объяснить пытался,
что ни в чем не виноват,

это сердце непослушно
ищет всюду след любви.
Разум прав, быть равнодушной
не сумела. Отравил
Змей меня медовым ядом.
Обманул, но сердцу вновь
хочется любить. Мне надо
чью-то ощущать любовь
постоянно, и не важно,
что туманят миражи
мою голову – отважно
я бросаю свою жизнь
под ноги любви нетленной
безоглядно наугад.
Мой порыв самозабвенный
ждет взамен ответный взгляд.
Я бегу ему навстречу,
ошибаюсь, и опять
заколдованные речи
обращают время вспять».
– Сгинь, Круэл! – сорвалось криком
отрицанье смутных лет:
я была в плену у мига,
поглощающего свет.
Перепуганным смятеньем
завладела вновь беда:
заметались в небе тени,
расплывались в никуда
облака, и снова тучи
громоздились над землей.
Пошатнул рукой могучей
Змей Круэл удел земной.
Его мысли беспрестанно

мне сверлили мозг: «Сбежать
я не дам тебе – обманом
заманю в капкан опять!
Крах моих амбиций, слышал,
связан, будто бы, с тобой!
Из тебя – какое дышло?!
Управлять моей судьбой
кто посмеет?! В подчиненье
у меня почти весь род
человеческий! Мой гений
и в раю бразды возьмет
в свои руки очень скоро!
Эмпирею стать вождем
с утопической опорой –
ха-ха-ха! – в лице твоем?!
Никогда!»
В мое сознанье
стрелы злобные метал
Змей мятежный, в его стане
темный тон свирепым стал.
На Земле привыкли к сварам,
к их последствиям лихим:
раздавались смерти даром,
расстилался смрадный дым
над полями и горами
обессиленной земли.
Люди добавляли сами
бед и зла долгам земным.
Безразличие к проблемам
ближних и беспечность душ
становились главной темой
в обсужденье вечных нужд.
Я жила как все, не видя

темной силы торжество.
В сердце впрок хранить обиды
превратилось в естество.
Торопились и бежали
все куда-то наугад.
Силы белые сражались,
но уже почти не в лад.
Бог взглянул и рассердился
на земли неправый ход:
«Бес безжалостный вселился,
может, в праведный народ?!
Вся Вселенная пристрастна
к шифрам, тайнам и долгам!
Помыслы умов ужасны!!!
Низмен стал подход к делам!!!
Память – зла, дни – быстротечны:
не успеете мигнуть,
как они промчатся! Вечность
не исправит ложный путь.
Веры нет! Надежды тают
в бесконечной глубине:
рай и ад в ней пребывают.
Праведный порядок мне
нужен здесь. Моя обитель
лишь для тех, чей добрый нрав
самого себя спаситель
и защитник общих прав!
Приводить пора в порядок
думы, чувства и дела.
Кущи райские наградой
будут тем, чья жизнь вела
их по праведным дорогам
и других вели по ним!» –

я читала мысли бога,
видимо, чутьем своим.
Вновь позвали меня дали
неизвестной стороны,
где скитаний муки ждали
и удел слепой войны.
Новый переход мгновеньем
перенес меня в иной
мир загадочных видений,
омрачающих настрой
утомительной дороги
по следам неясно чьим…
Ночь темнее за отлогим
буераком. Прошлый дым
растворился в черном мраке
лога, скрытого травой
и кустами. Две собаки
наблюдали в них за мной.
«Диких псов мне не хватало!
Всех существ в природе злей
эти твари!» – принимала
за собак иных зверей…
К двум прибавилась четверка
силуэтов за кустом.
Вдалеке проснулась сойка,
ночь плыла за окоем,
становилось все светлее
в затемненной полосе,
взгляду виделись яснее
очертанья группы всей:
«Волки?! – ужас несравнимый
охватил меня за миг. –
Разминулся ужин с ними!

Стану завтраком?!!»
– Нет! – вскрик,
с губ срываясь, обнаружил
мой, к земле пригнутый, стан. –
«Неужели стае нужен
моих слез живой обман?!!» –
я вскочила за мгновенье
и помчалась во весь дух.
Топот прошлых прегрешений
на бегу ловил мой слух:
волчья свора догоняла,
без сомнения, меня.
Страх сбил шаг, ничком упала,
гибельный удел кляня:
«Разве жизни проживала?
Я копила свод грехов!
Если все начать сначала,
каждый повторится вновь,
несмотря на сожаленья
и признание вины.
Бог, прости за искушенья
и несбывшиеся сны,
от которых я томилась
в предвкушении любви…
Волчьей яростью злобы сила
мое сердце разорви,
растерзайте, зубы, в клочья
мое тело! Но потом!
Боже, сделай путь короче
лишь тогда, когда мечом
искупления ошибок
и провинности людской
Змея подниму на дыбу!

Лишь тогда прерви путь мой!
Боже, укроти сомненья
моих жизней на земле! –
Души вечные нетленны!..»
…Ум внезапно просветлел:
«Не торопятся зверюги
мое тело растерзать!
Не пришла смерть от испуга
в мое сердце! Или ждать
нужно кары изощренной,
а не выдуманной мной?
Время жизни завершенной
кто считает головой?»
От секунды до столетья
миг один и тот несмел:
память сдуру лихолетьем
принялась чернить удел.
Слезы горестной печали
обожгли мои глаза
«Никогда не отличала
страстотерпцев образа:
каждый мученик с упреком
на смятенный мир смотрел.
Погибали все до срока,
была вечной слава дел, –
промелькнули чьи-то судьбы
за минуту в голове. –
Лицемерить любят судьи,
доверяет люд молве!»
Фыркнул нос, когтями лапы
впились в бок. Вдруг на спине
очутилась я. Внезапный
переход казался мне

нереальным продолженьем
шалых мыслей. Разум мой
не справлялся с наважденьем:
зверь смеялся надо мной!
Умный взгляд смотрел без злобы,
потешался точно он
над ухваткой узколобой
человека. Тихий стон,
с губ моих слетевший, явно
потревожил вожака
волчьей стаи: силой равный
тигру, волк сдавил слегка
мое левое предплечье,
словно что сказать хотел.
Стало жаль мне: человечьим
языком он не владел.
Вокруг нас кружила стая,
каждый взгляд горел огнем.
Волки есть меня не стали,
но в пленении моем
что им виделось?
«К чему-то
жить оставили? Какой
умысел зверюгам лютым
сохранять меня живой?
Для чего круженье это?
И какой чудной вожак!
Он с другого, что ли, света?
Чую, что-то с ним не так.
Я встречала человека
с ликом змея! Может быть,
этот волк – мой сон из века
дальнего, чтобы открыть

тайну окончанья смуты
и победы светлых сил?!!»
Волк следил за мной и чутко
носом по ветру водил.
В нетерпенье молчаливом
переглядывались мы:
его взгляд красноречивый
звал куда-то за холмы.
«Объяснил бы, что он хочет,
на понятном языке.
Взглядом голову морочит,
ждет чего-то». На виске
застучала, взбухнув, жилка –
знак восставшего ума.
Заковыристой ухмылкой
одарил меня примат.
Что-то в нем меня смутило –
у предчувствий долгий путь:
свои мысли уводила,
не желая вызнать суть
предумышленного знака
нашей встречи. Миг спустя
волк метнулся к стае: драка
зачиналась там. Вождя
взгляд их тотчас образумил:
присмирел зачинщик свар.
Тишиной могильных мумий
отмечали волки дар
предводителя семейства,
победителя всех драк,
относительно житейских.
Явно признанный вожак
вновь ко мне через минуту

обратил спокойный взгляд:
свары не было как будто,
и никто не виноват
в этой маленькой помехе
перемирию со мной.
Или слаженной потехи
над наивной стороной?
Усмирением мгновенным
волк, быть может, намекал,
чтобы норов мой смиренным
перед силой власти стал?
Вряд ли. Связь установилась
между мной и вожаком.
К мысли благостной склонилась:
«Я найду опору в нем
для дальнейших испытаний
по дорогам прежних лет.
Сколько предстоит скитаний,
столько выпадет побед,
если будет со мной рядом
этот необычный волк».
От его прямого взгляда
ощущала ласки шелк.
Мой испуг исчез успешно,
я расслабилась. Вдруг гром
за холмами грянул, внешний
заполняя окоем.
Что-то там происходило,
отчего, вздев морды ввысь
стая в унисон вдруг взвыла,
мои нервы напряглись.
Голос вожака был грозен,
гневный взор огнем блистал.

Волк еще меня был возле,
мыслей смысл в холмах витал.
Что ему там открывалось?
Чем вдруг взволновался дух?
В бренном теле заметалась
и моя душа. Мой слух
напряженно слушал звуки
потревоженной земли
за холмами. Мои руки
приподняться помогли
человеческому телу
с трав измятых. Солнца луч
лишь блеснул, я углядела,
что с холмов армады туч
наползают на приречье,
как враждебные войска.
Вздрогнула от звуков речи,
глянула на вожака,
вдруг поняв, что зверь неспешно
стал мне что-то говорить:
волчий навык мог успешно
нам обоим послужить.
Понимала его говор,
будто бы он был моим:
человеческое слово
или разум строил с ним
мост меж разными мирами
для защиты от беды.
Тучи плыли над холмами,
стон мучительной мольбы
с ними поднимался к небу,
взмыл в заоблачную высь,
где смешались быль и небыль,

обещающие жизнь
переделать по мерилам
мрачной смуты на земле.
Каждая душа вопила
о спасении во Зле,
вдруг спустившемся на горы,
на приречье и холмы.
В слезных воплях выло горе,
скрыли горизонт дымы
черно-красные пожарищ.
Ветер запах приносил
пепелищ, зловонной гари…
«Кто прощения молил
за былые прегрешенья
у небес и чьи мольбы
бог не слышал? Развращенья
злонамеренной борьбы
небом, видимо, каралось?
Наказания не ждал
ни один – наверно, кармой
прошлые грехи считал?» –
за мгновенье проносились
мысли в голове моей,
размышления двоились…
Волчий взгляд стрелы быстрей
мозг пронзил, и не успела
осознать его посыл –
человеческому телу
волчий облик придан был.
Руки, ноги превратились
в волчьи лапы. Волчий нос
втянул воздух, живой силой
наполняя волчий торс.

Никакого удивленья,
страха не было: мой ум
подчинялся превращенью
без ему враждебных дум:
я осмыслила мгновенно
в новый облик переход –
черным силам перемена
объявила бой, свой счет
открывая общей сумме
усмирения беды.
Что вожак в тот миг подумал
не спросила, на следы
своего вождя смотрела,
мчась за ним к холмам вдали.
Стая стрелами летела
за край видимой земли,
где от гибели спасенья
ждал напуганный народ.
От заблудших душ смятенья
принимала оборот
ситуация плачевный,
непредвидимый никем:
люди гибли и кочевья
их горели. Между тем
ангелам, объятым смутой,
дела не было до тех,
кто погряз в корыстных путах
и считал за благо грех.
– Мир устал от грязных распрей, –
Бог нахмурился в раю. –
Стало жить в стократ опасней
на Земле, где честь свою
растеряли мои дети.

Дьявол души победил:
что покоилось в запрете,
без труда он убедил
вытащить на свет из мрака
засекреченных углов,
искусил невинных дракой,
увеличив свод грехов.
Сколько времени пребудет
без меня вселенной ход?
Завершеньем смуты будет
к совершенству переход
всех и каждого, бесспорно,
лишь немного отдохну
от бесчисленных раздоров
грешников. Когда вернусь,
точно призову к ответу
всех виновных…
– Поскорей
подскажите мне советом,
где скрыт знак судьбы моей? –
Змей мятежный вдруг воскликнул,
хмуря брови. – Верный ход
не найду никак! Ум сникнул
так, что оторопь берет.
Он как будто растерялся
от предчувствий. Мысль свербит:
«Может, разум заигрался –
непотребное творит?!»
– Для сомнений нет причины, –
хор сподвижников в ответ
его слух ласкал. – Зачины
продолжают путь побед!
Ментал, Рэвиш, Бучер дружно

славили наперебой
его подвиги. На службе
каждый правою рукой
быть мечтал.
Змей усмехнулся:
«Всем приспешникам поклон.
Но еще я не рехнулся,
чтоб раскачивать свой трон!
У тщеславия подручных
непомерный аппетит.
Отражен в трудах научных
ненадежный дух элит!
Не бывает дружбы с теми,
кто помог творить успех!
Игры и суды полемик
очернить стремятся всех,
кто угоден был когда-то,
а теперь горит мечтой
властвовать. Ха-ха! За платой
встали в очередь. Пустой
номер! У меня силенок
больше, чем любой из вас
накопить успел с пеленок.
Вам Господь за все воздаст!»
– Отчего разволновались?
Мил землянам наш мятеж!
Поддержать не испугались!
Спрос велик на власть невежд,
прихлебателей и лени
обывательской среды.
– Станут ползать на коленях,
лишь бы не было беды!
– Ха, у всех – ее по горло:

мир погряз в своих грехах!
Аппетит властей прожорлив,
им еще неведом страх.
Никто бога не боится!
Близок час! Мечта моя –
кто бы ни мешал – свершится:
миром править буду я!
Радует меня поддержка
нашей смуте на земле –
случай малые издержки
заставляет еще тлеть,
отвлекая ум от дела,
но победных труб восторг
все слышнее. Поредела
цепь противников и торг
между нами неуместен.
– Вождь Круэл – на все века! –
закричала свита.
– Честью
я клянусь, моя рука
не уронит меч победы
до скончания веков!
Победитель – мое кредо!
Власти сила – вместо слов
Божьих праведных законов:
бездуховный мир сломить –
дело плевое! Поклоны
не устанут люди бить
нашим сладостным желаньям.
Стать рабами темных сил
от рожденья до закланья –
лучшее, что породил
я, Круэл, – правитель мира!

Черви, ползайте в ногах
властелина и кумира!
Да неведом будет страх
никому из к нам примкнувших!
Бунт – в надежном кулаке!
– Ты из нас, конечно, лучший!
Но не все – в твоей руке.
Ты забыл, что есть в анналах
райской жизни злой намек:
прегрешенья силой малой
получают свой урок, –
Мэнтал прошептал Круэлу
прямо в ухо. – Не забыл,
что еще помеху делу
ты пока не раскусил?
– Эмпирей, Сарон, Филмоно
и придирчивый Анкос
скоро, Мэнтал, в Лету канут.
Думается, не всерьез
нас намеками пугали,
что девчонка во сто крат
нас сильней, – Круэл детали
пропустил. – На мой-то взгляд
все придумали пройдохи.
Я сперва встревожен был,
даже думал: дело – плохо,
а потом свой страх забыл.
Ничего о ней не слышно,
наши силы не равны:
по углам сидят как мыши –
нам намеки не страшны!
– Полностью согласен. Все же
где-то в глубине души

жду чего-то. Разве сложно
раз и навсегда решить
сей вопрос?
– Куда уж проще
разыскать надежду их.
Победила смута в общем:
слышать можем даже чих
своих подданных. Обрыщем
все углы. Земля – не стог,
дева – не игла! Отыщем.
Для острастки есть батог –
станет шелковой. Расскажет,
в чем секрет ее пути.
Знаки тайные укажет,
как под корень извести
нашей смуты порожденье –
Ха-ха-ха! – грехи людей!
– Не достичь ее смиренья –
послушания нет в ней!
Бучер с девушкой встречался.
Помнишь сбивчивый рассказ?
Он чуть с жизнью не расстался!
Нет, она погубит нас!
– Ты повремени тревожить
опасениями речь –
приручить коль невозможно,
голова слетает с плеч!
Все уладится, приятель.
Побеждать нам не впервой,
удивится сам Создатель,
верь, покорности земной
нашим властным указаньям
и умению держать

связь с Вселенной и влиянью
нашему на всех!
– Как знать,
что еще капризный Фатум
поднесет нам за углом?
– Не страшись! За все есть плата.
Цену выставим потом:
недовольным бед подкинем,
на спесивых – свой расчет.
И подмажем, и починим,
и подскажем верный ход
нам в угоду и огрехам
каждодневной суеты.
Пощекочем, ради смеха,
обещанием пустым
нервы вящего злодея,
чем судейский крючкотвор:
финансиста, лицедея…
Нет! Давай напустим мор!
Не было землян мне жалко
никогда. Сейчас сто крат
хочется вонзить мне жало
в омерзительный разврат
мыслей, чувств. Грехопаденья
не видал до этих пор
я такого! Искушенье
правит всеми…
– Разговор
разум в крайности бросает.
Все идет, как ты хотел.
– Божий суд меня смущает.
– Что за блажь?!!
– Как ты посмел

осуждать ума сомненье
непреложного вождя?!
Придержи язык! Почтеньем
плети быстро наградят,
мой задиристый сподвижник!
Убирайся, пока цел!
– Гневу я причин не вижу,
смею лишь напомнить: цель
наших общих устремлений –
девушка! Ее искать
поторапливает время:
что-то надо предпринять!
На меня ты можешь злиться,
сколько хочешь, потерплю,
лишь бы нам не превратиться
в тлен!
– Не дуйся, вмиг велю
всем сторонникам идеи
вечной власти подо мной,
не жалея сил, быстрее
след искать души земной,
представляющей опасность
нашим доблестным делам.
Росчерком пера всевластным
разошлю по всем векам
я приказ о задержанье
непокорливой души!
От примет до наказанья –
миг, который все решит!..

За моей спиной дышала
стая преданных волков.
От их лап земля дрожала,

падал пеной с языков
жаркий пыл души и тела,
но вожак всех обогнал.
Я догнать его хотела,
шанса малого не дал
мне, магической волчице –
порождению небес! –
мчал вперед он словно птица.
Или нес особый крест?!
Неустанно волки мчались
к вою смутных голосов.
Вороны, кружась, слетались
к пепелищам очагов.
В голове моей кружились
мысли веры неземной.
В них предчувствия томились,
сокрушался дух слепой:
«Превратилась я в волчицу
по велению чьему?
Стаи бег куда стремится,
явно богу одному.
Будет что, если враждебный
кто-то ставит мне капкан?
Может, ум рождает бредни,
с правдой путая обман?
Принимая ложный выпад,
подчиняюсь планам чьим?
От назойливого шипа
мозг вскипеть готов. К своим
злоключениям готовит
третья сила? Не вопрос –
чья она. Но сердцем ловит
риск удачу, где Анкос

победить поможет в гонке
по этапам и векам…»
– Что за глупости, девчонка?!
Фору я тебе не дам! –
в ухе гневно зашипела
подколодная змея.
Мысль трусливая не смела
проявиться вслух, но я
любопытством устрашилась:
«В ухе – Змей?! Зачем?! И как
гадина там поместилась?
Или мне победы знак
подает шипенье Змея
из мятежной стороны?» –
превозмочь страх не сумела,
вздыбил шерсть он вдоль спины.
Продолжая мчаться, стае
не дала понять испуг.
От вождя не отставая,
я неслась вперед на луг,
поманивший вдруг цветами,
изумрудною травой.
Жуткий хор выл за холмами,
здесь царил вокруг покой.
«Что-то, видимо, случится
в центре луговой травы? –
чуял острый нюх волчицы. –
Что?!!» – из волчьей головы
никуда не пропадала
мысль, служившая манком:
к цели тайной я бежала
через травы прямиком.
В человеческой натуре

корень издревле пророс
реагировать на бури
мыслей, но сейчас вопрос
был в моем предназначенье
во Вселенной, на Земле.
Кто-то связывал теченье
бытия со мной. На мне
вдруг сошлись все опасенья
и угрозы вечных войн.
«В чем и где людей спасенье?
Ведь у каждого путь свой!
От меня одной не может
все зависеть!»
– Ха-ха-ха!
Сомневайся! Бог поможет
вам когда-нибудь! Пока
подчиняйся моей власти! –
снова в ухе Змей шепнул. –
Ощущение несчастья
я с души твоей слизнул!
Усмири свое сердечко –
ты такая же как все!
Сердце ковыряешь вечно,
ищешь что-то в полосе
своей жизни: белой, черной –
хотя нет таких цветов
в бытие: все в мире спорно.
Каждый то признать готов,
во что верит неуклонно.
У несчастья свой каприз.
Фатум смотрит благосклонно
на того, кто любит жизнь,
а не плачет о причинах

испытаний и угроз.
Прегрешений список длинный
не утопишь в море слез!
Я терял тебя из виду,
находил и вновь терял.
Легче строить пирамиды,
чем секретов арсенал
разгребать, веками скрытых
в твоей вздорной голове.
К ним давно пути забыты.
Ни правее, ни левей,
а по самой середине
подсознания мой друг
пробежался, и поныне
не проходит наш досуг
без расклада по минутам
вашей встречи. Побеждать
мой дружок привык, но будто
кто решил тебе отдать
ветвь победы по наитью,
малой силой! Мой палач –
славный Бучер – истребитель
неугодных! Щит удач
и меча поборник верный
отступил, верней, сбежал!
– На меня напал он первым,
скорой смертью угрожал.
– Знак был в этом столкновенье!
Но какой? Догадки нет.
– О моем предназначенье
ты не знаешь?! В чем секрет
моей силы и бессилья
ваших происков? Векам

что доверено? Насильно
взять нельзя того, что сам
знать не знаешь. Неизвестно
точно что-нибудь и мне.
Может быть, кому-то лестно
с вами спорить…
– На войне
лишь стремление к победе
управляет. Отойти
в сторону попробуй. Вреден
ложный шаг. Уж ты прости,
я не зря забрался в ушко
удрученной головы:
мысли тайные подслушать,
нужный довод изловить –
вот и выиграно дело!
Что ты сделаешь со мной?
Все в руках моих. Предела
силам нет моим!!!
– С тобой
спорить не могу. Не знаю
тайн моих дорог и дел.
Чем-то я тебя пугаю,
но как связан твой удел
с вехами моих историй
неизвестно никому,
а вернее, не с кем спорить
где и что, и почему.
Ты оставь меня в покое.
Наблюдай со стороны,
если хочешь…
– Что такое?!
Мне указывать?!!

– Должны
как-то оба примириться.
Я пытаюсь разойтись
миром. Что напрасно злиться?
Лучше поиском займись
разрешения конфликта
в растревоженном раю.
– Эмпирей и его клика
не склонили рать свою
подчиниться нашей силе,
нам погибелью грозят.
Мы давно бы их разбили,
если бы не ты! Навряд,
что-то стоящее вспомнишь,
забираясь в даль веков:
в подсознании укромны
уголки для тайников.
В головы твоей потемках
свет разгадки в миг любой
может вспыхнуть – неуёмна
власть Анкоса над судьбой
твоих избранных скитаний.
Как привязанный мечусь
вслед за спорным ожиданьем
ваших промахов. Держусь
права сильного: к смиренью
плетью приучать врагов.
Ты выводишь из терпенья,
я убить тебя готов! –
На цветном лугу металась,
в моем ухе Змей зудел
беспрерывно. – Испугалась?!!
Где провидец твоих дел?

Почему не помогает
на дорогах прошлых дней?
Знать хочу! Чем искушает
ненавистный Эмпирей
разум твой? Ты неизменно
на враждебной стороне.
Все откроешь непременно
ты за цену жизни мне!
Круг замкнуть твоих метаний
на поляне луговой
я бы мог в момент! Преданьем
устрашен мой гнев! Какой
обладаешь грозной тайной,
что погубит наш успех
в дерзкой смуте испытаний,
знать желаю! Разве грех –
быть вождем своих собратьев?!
В кулаке держать удел
душ земных! Несметной рати
кто препятствовать посмел?!!
Ты?!! Букашка?!! Но сомненья
ум гнетут, стесняют грудь! –
злился Змей, моим смятеньем
ускорял опасный путь.
Становился круг все уже,
от усилий сбился шаг,
горло стягивалось туже
злой петлей, а сердца такт
участился от испуга:
«От Круэла не спастись!
Шаткий разум перепуган,
и гроша не стоит жизнь!»
Волки на меня глядели:

им-то было невдомек,
почему сил на пределе
мчалась, а теперь намет
вдруг сменился на круженье
в центре луга по оси…
Бег замедлив, с удивленьем
на меня вожак скосил
взгляд и тут же развернулся
в мою сторону скачком.
Змей притих, мой дух взметнулся,
тело выгнулось, броском
из невидимого круга
я метнулась к вожаку.
Непомерную услугу
оказал он мне: секунд
нескольких ему хватило,
чтобы Змея обуздать!
то ли устрашил волк силой,
то ли Змей устал пугать
ошалевшую волчицу
от его слепых угроз?
«Как смог в ухе очутиться?!!
Что за бред опасный нес?!! –
разум разгадать пытался
тайну власти надо мной
Змея. – Кажется, убрался,
распотешив норов свой!
Волчья стая окружила
нас встревоженным кольцом.
Мое место теперь было
среди них! Перед лицом
непонятной им угрозы,
как-то связанной со мной,

стая очутилась возле
и вступить готова в бой
с неизвестным, но опасным,
ей невидимым врагом!
В ожидании напрасном
замерли. Я с вожаком
обменялась долгим взглядом:
«Не тревожься! Продолжать
можем снова бег. Я рада,
что со мной ты».
И опять
мы помчались словно стрелы,
спущенные с тетивы.
В каждом дух сливался с телом,
с шерстью вздыбленной, как львы
рыком оглушали ветер,
подгоняющий разбег
лап стремительных, и метил
путь наш след и смутный век.
До руин сгоревший город,
смрад, отсутствие людей
увеличивали скорость
волчьих лап. Вожак быстрей
молнии летел вдоль гари,
взгляд кидая в глубь руин,
дышащих каленым жаром.
Клубы дыма в неба синь
поднимались от останков
обвалившихся домов.
Мрак за видимым пространством
по бокам сгустился в кровь.
Мое сердце полыхало
будто сгусток жаркой тьмы.

Боль в моих висках стучала,
в горле перхали дымы.
Ел глаза зловонный воздух,
слез поток кипел в зрачках,
не давал сознанью роздых,
с паникой роднивший, страх.
«За какие прегрешенья,
кем наказан этот край?
Вряд ли в гиблых разрушеньях
виноват мятежный рай?»
Оглянулся волк. Сметливым
взглядом дух приободрил.
Шаг замедлив торопливый,
негодуя, в небо взвыл.
Волчьи глотки безутешно
взвыли разом: смерть косой
явно покосила грешных –
ни одной души живой
не попалось нам в приречье
за холмами. Тишиной
град пугал: ни звука речи,
мертвый, жалобный покой
нас встречал в домах унылых.
Стылых трупов жуткий вид
устрашал, боль в сердце ныла:
неужели месть обид
сокрушила целый город?
А быть может, Землю всю?
От какого злого мора
всем пришел конец? Косу
наточила смерть нежданно:
каждый падал, где стоял!
Были настежь двери зданий,

а внутри огонь пылал.
Будто кто-то очищеньем
беспощадного огня
изводил грехопаденье
душ людских и мир менял!
Или только мне казалось,
что на Землю мор напал? –
Бытие здесь искупало
жизнями девятый вал
своего обожествленья
самых низменных грехов!
Их победой искушенья
отравили людям кровь!
Растеклась она по венам,
очернила цвет живой,
ядовитою заменой
умертвила дух людской!
Потому и смерть настигла
в один миг гнилую плоть.
У границ слепого мига
кто сумеет побороть
неизбежность смерти, ужас
перед гибелью земной?!! –
Черной смуте бесы служат,
а не ангелов настрой
на мятеж против основы
мироздания, где бог
правит всем! Порядок новый
не замедлил дать итог:
«В этом городе столкнулись
силы чьи? Мир сокрушен
чьей рукой? Не разминулись
притязания сторон!

Здесь Круэл затеял бойню?
Или сам себя обрек
город, жертв таких достойный,
на безжалостный урок?
Или в сонмище пожарищ
знак спасительный укрыт? –
Опалило сердце жаром:
– Может, где-то тут зарыт
он затейливым Анкосом?
Подсказал бы кто-нибудь,
за каким изгибом кросса
мне подскажут верный путь?»
Мозг пытался обнаружить
цель за скрытой глубиной
рассуждений: вещи нужной
обнаружить след земной.
Но вокруг – лишь искры, угли,
раскаленные. Их жар
обжигал. Сноп искр испугом
вынудил отпрянуть. Гарь
полыхнула новой вспышкой,
вынуждая взгляд прикрыть.
«Ой-ой-ой! Здесь жарко слишком.
Осадить пора мне прыть!»
Но уже через мгновенье
я ловила взглядом путь
вожака. Своим смятеньем
приневолила свернуть
его в сторону к руинам,
полыхнувшим вдруг огнем
мне в лицо.
«Была причина
испугаться на моем

месте? Да! И волк отважно
кинулся меня спасать.
Был, наверно, моим стражем?
Вынудил волчицей стать,
чтобы к спрятанному знаку
привести змеистый путь?!»
Волк кивнул, как будто как-то
моих мыслей вызнал суть.
– Знак известен тебе тайный?
Подскажи, где он зарыт?
Понимания за гранью –
ветра буйного порыв
налетел, сбил с ног. Откуда
и куда умчался шквал,
разметав вмиг углей груду?
Мою голову прижал
лапой волк к себе мгновенно
в брызгах множества огней.
Змеи огненного плена,
опадая, жгли, к моей
шкуре подбираясь ближе,
но вожак, прикрыв меня,
вынес нас обоих.
«Трижды
волк спас жизнь мою! Менял
он моей судьбы теченье,
или нюхом распознал
вождь мое предназначенье?
Или кто-то подсказал
свыше верному созданью,
приученному судьбой,
опекать меня?» – в сознанье
возникал вопросов рой.

К сожалению, ответов
мозг на них не находил.
«От реакций на запреты
закон права исходил, –
подмигнув мне, волк подумал.
– У Круэла норов слеп: –
я читала волчьи думы
без труда, – увидит след
твоих ног и потеряет
тут же в ярости слепой.
Всех умней себя считает.
Его бунт грозит бедой
каждому».
Волк осмотрелся.
– Надо жителей искать.
– Город ночью загорелся:
в поздний час могли все спать.
– Кто-то все-таки проснулся.
Не могли же все сгореть! –
Волк еще раз оглянулся.
– Стая где?
– Спешит успеть
выполнить твое желанье:
хоть кого-нибудь спасти!
– Раненых им с поля брани
удавалось унести
много раз в суровых схватках
с необузданным врагом.
«Не сравнится волчья драка
с обезумевшим мечом, –
я подумала, – но стая
не оставит вожака
без причины. Связь живая

между ними».
Мысль жалка,
если нет ей подтвержденья –
взгляд метался и кружил,
у разрушенных строений
крайней улицы застыл,
разглядев в проеме малом
вереницу волчьих спин.
«Стая на чей след напала
у обугленных руин?
Для чего-то волки кружат
у ложбины небольшой –
след, невидимый снаружи,
будто приковал их строй».
Что внизу их привлекало,
пробудило интерес.
В поле зрения держала
стаю и дома окрест.
На пороге крайней двери
вожака приметил глаз.
«Дом внутри уже проверил:
нет живых, очаг погас», –
я прочла в суровом взгляде,
мой кивок ответом был.
«Человечьих жизней ради
рыскал волк среди могил,
все еще надеясь встретить
жителя хоть одного –
стаю мог он не заметить.
От внимания его
ускользнуть мог бег по кругу
настороженных волков».
Заострила взгляда угол

на ложбину. В семь прыжков
оба разом одолели
расстояния длину,
дно оврага осмотрели,
не нарушив тишину
обреченного молчанья
перепуганных людей.
Ужас кары и отчаянья
устрашал бедой своей.
С вожаком переглянулась,
стаю взглядом обвела,
жертвам рока улыбнулась
волчьей пастью, как смогла,
приучая к мысли робкой
о спасении. Вожак
показал в кустах им тропку,
выверяя каждый шаг
ослабевшей от мучений
в кровь изодранной толпы.
Сердце опалило мщенье!
«Но кому? Глаза слепы,
если враг внутри таится,
шелком стелет черный путь.
Каждый выбрать путь стремится,
что полегче… Как-нибудь,
но забраться вверх и властью
наслаждаться без потерь –
обезумившие страсти
искушений!!! А теперь –
что?!! Какое оправданье
оскудению умов?!»
За единственным желаньем –
выжить, на тела волков

опираясь, горожане
медленно наверх ползли.
Ослабев, переживаний
груз в пустых умах несли.
– Кроме горестных огарков
жизней, лакомых вчера,
что еще осталось? – каркал
черный ворон. – Вечера
осенью прохладой дышат.
Стужа зимняя близка.
Нет домов! А пищей мыши
будут, что ли? Коротка
жизнь, продленная спасеньем
волчьей стаей. День, другой…
А потом конец!
Осенний
ветер взвыл: – За упокой
душ живых, типун, не каркай.
Милосердный бог простит.
Волки благостным подарком
стали жертвам: старый вид
человеческой природы
изменяет новый шаг.
Вихрь осенней непогоды
мои мысли вздыбил: «Как
завершить победным миром
схватку сил добра и зла?!
Как помочь беднягам, сирым
без еды и без тепла,
на руинах жизни прежней?
От опасностей сберечь
сможем ли? Каким надеждам
вверим их? Небесный меч

все еще готов их метить
знаками опасных сил!
Чаще мило, что в запрете!
За ошибки рок платил
всем сполна, но память скоро
забывает платы счет…
Ночь окутывала город
мглой пугающей. Забот
было много. Неизвестность
угнетала. Но вожак
стал уже кумиром местным,
вездесущим. Добрый знак
в нем усматривали люди,
изведённые бедой,
говорили, как о чуде
и поддержке неземной.
Волк служил и мне опорой,
его взгляд сопровождал
каждый шаг мой, разговором
от досады отвлекал.
Разум злился на бессилье
долгой памяти своей,
на Анкоса: «Износила
башмаки веков! Скорей
изойду сама в печали
от безудержных невзгод –
по векам путь нескончаем,
неизвестен нужный ход.
Хоть бы снова появился
мудрый старец предо мной.
Или как-нибудь приснился –
вещим сном дал знак какой.
По нему бы отыскала

все приметы лучших дней».
Улыбался волк: «Устала,
отдохни. Твой путь скорей
обозначится в сознанье
затаенной стороны,
там лежат приметы знаний.
Злись, не злись, но их цены
не узнаешь, коль от злости
изойдешь, кляня свой ум.
Подойдет и время гостя.
Терпеливо жди. У дум
есть особенность являться
беспорядочно и жечь
прежние дотла. Признаться,
самому мешает желчь
нескончаемых упреков,
отравляющая дни.
Упрекать себя и рока,
милая, повремени.
Перво-наперво – забота
о беспомощных, потом
поразмыслим, коль охота,
о везении твоем.
Берегись своих пристрастий –
крест желаньем не смиришь!
Сердце разорвать на части
можешь, но не завершишь
путь победных труб звучаньем
без согласия сторон.
Не бывает встреч случайных:
случай чередой рожден
ощущений и предчувствий
в ожиданье лучших дней.

Чаще миром правят чувства
и пристрастия идей», –
волк не говорил, лишь мысли
превращались немо в речь.
Подчиняясь ее смыслу,
я заставила прилечь
рядом с ним себя. Минуты
отдыха летели вскачь –
проскакали мимо, будто
их и не было. На плач
я откликнулась мгновенно,
так же быстро волк вскочил.
Хоть какой-то перемены
разум ждал, но день влачил
безотрадное теченье
изнурительных часов:
плач людской, пожаров тленье,
редкий отклик голосов
наполняли сердце болью.
Молча стая груз несла:
аромат цветов и воли
призывал их, но тела
мертвых, черный дым пожарищ,
скорбь смиренья, вид руин,
рваный хлам одежд и жалость
усмиряли. Волчий клин
во главе с вождем могучим
мчался на призыв людей
со всех лап. И снова мучил
ум вопрос судьбы моей:
«Укротится ли коварный
Змей Круэл или Анкос
фору даст как кормчий главный,

но с меня обоих спрос
о неведомых пометах
в подсознании моем.
Кем замышлены приметы
знаков, спрятанных в былом?
Люди, волки, дни и годы –
все смешалось: мир един!
Верно, мы одной породы?!
Не берет ли здесь почин
в подсознании укрытых,
неосознанных примет?
Туго нить в клубок навита –
глубоко в нем скрыт ответ!
Я – мельчайшая часть мира –
бесконечность бытия!
Открываю двери лирой
в небеса! Вся жизнь моя –
продолжение Вселенной
в бесконечности миров!
Вечен круг души нетленной
по орбите смен веков!
Не теряясь в океане
мыслей слов и встречных душ,
я лечу сквозь звезды! Канет
в бездну смысл мятежных нужд:
белоснежные одежды
в райский сад вернут покой,
вдохновенные надежды
возвратят в предел земной
безмятежность и отраду
жизней, дел и душ людских!
Что еще мне сделать надо?
Я готова ради них

жизнь отдать! Но путь извилист,
ни конца, ни края нет! –
Где-то грянул гром. – Бессилен
мир земной?! От грозных бед
не спастись ему? Ответа
ждать откуда? Бог молчит!
Он забыл о нас!»
«Нет! Дети
об Отце забыли! Чтит
его мало кто в год смуты:
искушения в умах
побеждают, и окутан
мглой весь мир, рождая страх
в душах. Очищенье мира
лишь развеет эту тьму.
С волком помогая сирым,
ближе к знаку моему
ты сейчас, чем разум верит, –
речь Анкоса в голове
зазвучала. – Этой мерой
измеряй. Приметы две
есть уже. За третьим знаком
появилась в пекле зла».
Огляделась. Горьким чадом
поперхнулась. Что ждала
я увидеть кроме углей,
горя, тленья очагов?
И поежилась от будней
искореженных умов.
– Взгляд мой знака не приметил.
Лишь беда вокруг горчит, –
прошептала я.
Вдруг ветер

налетел, схватил…
– Умчит
он сейчас меня за горы,
за моря, холмы, поля!
Унесет туда, где горя
нет – очистилась Земля
от грехов людских соблазнов,
от небесной кары. Бог
пожалел нас!!! Пусть не сразу,
но найти себя помог
своим детям и вселенной
душ и ангелов! – мой крик
заглушил раскат отменный
грома, и в последний миг
я увидела блеск синий
молнии и волка взгляд…
Снова путь туманно длинный
ждал безвестный результат…

Синь блистала безгранично:
небо… море… и земля,
мне казалось, в пограничье
в волнах плещутся, деля
мир на вечность и раздольный
край обители людской.
Всплеск воды, и дрожь невольно
тело сотрясла – волной
с белопенной в брызгах гривой
пальцы ног омылись вмиг:
обласкал прилив игривый,
с губ срывая шалый крик.
Отскочив в одно мгновенье
от проказливой волны,

засмеялась, волн скольженье
и безмолвье тишины
нарушая… Ощущенье
единения с землей,
морем, небом, совмещенье
всех начал во мне одной
овладело мной, и тело
переполнилось мое
упоением удела,
обнажившим бытие
совершенства чувств и линий
в бесконечности. Волной
окатило вновь. Даль синью
восхищала. Глубиной
взгляд притягивали воды,
зазывая в тайны сфер
неизученной природы.
Я, как жадный Агасфер,
устремила взор, влекущий
в толщу бесконечных вод.
С нетерпением, растущим
с каждым мигом, море вброд
вдруг решила без опаски
перейти – узнать, на дне
что таится? Мир прекрасный
может приоткрыться мне
там в глубинах необъятных
волн, прильнувших негой ласк
к моим стопам. Перекаты
их струились вкруг. Чей глаз
наблюдал за мной? Не знаю,
но, казалось, наверху
тот, кого найти пытаюсь

держит шаг мой на слуху.
Я шагнула в изначальный
мир живого на Земле.
Всполошившись, закричали
чайки, листья тополей
зашептались, изумляясь
бесшабашности моей.
Волны, медленно плескаясь,
вниз тянули. Страстью всей
я прильнула к ним, все глубже
погружаясь в их соблазн.
Он охватывал все туже,
синева слепила глаз.
Рыбы, пуча взгляд, глазели
на бредущую вглубь плоть
человека, явной цели
не имеющую вплоть
до немого погруженья
в их подводную среду.
На их мордах изумленье
искушало меру дум.
Краб шарахнулся трусливо
от ноги. Морской конек
мне подставил спину. Гривы
не заметила. Намек
поняла и усмехнулась:
слишком мал скакун лихой,
чтобы на седло взметнулась
и помчалась по прямой
к тайнам, скрытым, и разгадкам
смут небес и бед людских.
Волны мне шептали сладко
о блаженствах неземных

в глубине их обитанья,
во дворцах зыбучей мглы,
где живут морские тайны
и сокровищ корабли,
за которыми гонялись
и пираты, и купцы.
Волны мною забавлялись:
словно жемчуга ловцы
в глубину они ныряли
и тянули за собой
мое тело, поощряли
мои мысли. Ум живой
представлял картины кладов
в трюмах ветхих кораблей.
Станет бесконечной радость,
если знак судьбы моей
ждет меня на дне удачей:
встретится со мной Анкос!
Я от волн глаза не спрячу,
полные счастливых слез:
там – вода, и слезы – влага.
Их друг в друге не узнать!
Неуемная отвага
переполнила: сдержать
не могла свой дух, а ноги
ил задерживал. Вода
открывала все дороги,
но не знала я, куда
путь направить, чтоб скорее
отыскать мудрёный знак –
становился ум смелее,
но замедленнее шаг.
Волны весело играли,

вкруг водили хоровод,
нежно грудь мою ласкали,
ноги, бедра и живот.
Я от них не отбивалась,
ощущенья объяснить
не могла, но не боялась
ни дышать, ни говорить
им какой-то вздор. Ласкаясь
к волнам трепетной воды,
с упоеньем растворяясь
в сумерках живой среды,
вдруг заметила, как справа
поднялось из глубины
что-то зыбкое, в нем главным,
был прекрасный лик – вольны
приписать воображенью,
кто не верит в чудеса:
искреннее небреженье
к сладкозвучным голосам
в царствах древних на дне моря
так присуще большинству.
С ними не хочу я спорить –
есть и те, кто к естеству
исключительных явлений
проявляют интерес.
Им пишу без ухищрений
все, что было. От небес
получила указанье
путь пройти дорогой дней
моих жизней. Испытанья
пережить… «Судьбы моей
вьется нить по лабиринтам
вечных жизней и веков.

Мировых явлений синтез –
мы, наш код и мысли слов».
Все, что есть в частице малой,
приоткрылось вдруг – душа
с естеством единой стала,
замер на мгновенье шаг:
«Я – стихии водной сущность
и небесных магий суть!
Долг вселенной крест несущей
предстоит петлистый путь,
сходный с далью перекатов
волн. Куда они плывут?
Знать бы за какую плату
плоть мою они вернут
снова на земную сушу?» –
просверлила мысль висок.
– Планы я должна разрушить
Змея! Помоги мне, бог!
И воды живые волны
не тяните в глубину
плоть мою. Должна исполнить
волю неба и вернуть
ангелам покой и людям,
искушенным силой зла.
Как бы ни был путь мой труден,
смуту извести дотла
помогите! Вод теченье
укрепи мне плоть и дух! –
дерзких слов нагроможденье
я высказывала вслух.
Чудный лик разумным взглядом
изучал мое лицо.
Зыбких волн живые пряди

представлялись мне венцом
над высоким лбом, и вечность
отражалась в глубине
глаз и сроков быстротечность
искрами плясала в ней.
Приоткрылся рот, беззвучно
речь возникла в голове –
был мой мозг водой приручен
или приоткрылась дверь
в неизвестные познанья
единения чудес? –
голос проникал в сознанье,
завораживал глаз блеск:
– Я – начало, продолженье
бесконечности – земля.
Неба милость в завершенье
очищает души для
новой жизни. Круг за кругом
продолжается забег
нескончаемый. Поруган
искушенной смутой век.
Пыль дорог в моих глубинах
смыв, опять продолжи путь.
Змей Круэл себя невинным
ощущает, но дохнуть
не дает ему спокойно
мысль о малом пустячке:
будто славы жизнь достойна,
а зажата в кулачке
ускользающей добычи
с кодом гибельных угроз.
Побеждать ему привычней.
Предугадывая спрос,

я отвечу откровенно,
среди звезд ищи конец
своих странствий. Неизменно
время ткет судьбы венец.
Твою голову украсить
им спешит Анкоса перст.
Как бы ни был путь опасен,
спину гнет подъемный крест. –
Время медлило движенье
неожиданных минут.
Длило вечное мгновенье
первородство древних пут.
Колыханье волн послушно
открывало абрис рта.
Звуки слов мой разум слушал?
Или плавная вода
создавала ощущенье
тихой речи? Суть одна:
волн приметное скольженье
и живая глубина
воедино зазвучали,
робким слухом завладев.
Тон, зачаровав сначала,
влек как сладостный напев
за пределы совершенства,
в первозданность бытия,
омовения блаженство
с ним воспринимала я.
– Из моих глубин ты родом,
род вселенной мной рожден.
Проживают год за годом
все события времен
по канонам божьей власти.

Свой резон – у смутных дней.
Зла наитие опасно:
каплю ярости пролей –
не заметишь – разольется
океаном горьких слез.
На свои круги вернется
каждый миг бессчетных верст.
Плоть омыв, я силой свежей
дух наполню. Из тенет
вод моих твой путь привержен
новым смыслам прошлых лет.
Дань с тебя взяла восторгом
безграничной глубиной.
За ее лежит порогом
верный знак тропы земной. –
Зыбкий лик воды вплотную
к моему лицу приник,
ощутила я живую
связь меж нами, через миг
унеслась из бездны взгляда
сущего вселенских вод –
к спелым гроздьям винограда
потянулся жадно рот.
Тело от истомы млело,
солнца яркие лучи
пронизали воздух. Села
рядом птичка. Сто причин
было ей меня бояться,
не сыскалось ни одной:
принялась вдруг распеваться,
развлекая разум мой.
Я невольно улыбнулась.
Пташка вдруг на миг крылом

головы моей коснулась.
«Приглянулся чем мой лоб
расхрабрившейся певунье?
Что увидела на лбу?
Может быть, она разумней
человека и судьбу
мне предскажет чудным пеньем?
Что мне вскоре предстоит
пережить? Благословенным
будет путь мой? Удивит
меня птичка предсказаньем?
Или трели без затей
к солнцу просто льются ранью?
Все же, что известно ей?
Для чего присела рядом?
И глядит, как Соломон –
царь, которому не надо
представляться – в каждом он
впечатление оставил
потрясающим умом.
Свое царство тем прославил,
что судить мог обо всем
беспристрастно и в основу
совершенного ума
ставил правду, веским словом
разгонял голов туман.
Может, птичка Соломоном
на меня глядит не зря?
Может, с участью знакома
моих поисков? Парят
эти малые созданья
выше края облаков,
рассекают мирозданье

остриями двух клинков.
Их отточенные крылья
двух миров пронзают высь.
В виноградном изобилье
на моей ладони жизнь
восхитительной певуньи
гимн слагает двум мирам.
Дразнит весело шалунья
мое сердце. По глазам
вижу, что она смеется
над смятением моим.
Знать бы смысл, что трелью льется
в небеса». Победный гимн
переполнил всю округу.
Ветер песню подхватил
вихревым потоком круга,
вверх понес, чуть приоткрыл
дверь к истоку древних знаний
и захлопнул в тот же миг,
но отчетливо в сознанье
отразился мудрый лик
просвещенного Анкоса
с вечным посохом в руке.
Замер шепот мой вопросом,
растворяясь вдалеке
неоглядной синей выси.
Чар виденью дополнял
третий глаз, который мысли
в живой образ воссоздал:
белых ангелов скопленье
разрешало давний спор,
отвлекло их птичье пенье –
оглянулись. Мой укор,

может быть, и разглядели? –
взор мой внутренний погас,
трели птахи вверх летели,
но ослеп вновь третий глаз.
Взгляд певуньи обратился
на меня, прервался гимн.
– Видом разум озарился?
Нет? Так знанием своим
поделюсь с тобой охотно.
– Ты умеешь говорить?!! –
изумилась я.
– Исходным
языком был, что таить,
в мире истинно волшебном:
я же ангелов дитя!
Связь между землей и небом
по их просьбе лажу я.
И к тебе я прилетела,
безусловно, неспроста:
вызнать кое-что сумела
кой о ком…
– Да ты кристалл
для меня бесценной пробы!
Подскажи, когда Анкос
снова явится мне, чтобы
обозначить знаки?
– Мост
между главными мирами
паутиной выткал путь,
и, невидимый глазами,
он определяет суть
вечных связей и событий
в небесах и на земле.

Не порвать живые нити
никому. Известно мне:
дочери Земли доверен
ключ к разгадке бед земных,
и небесной смуты меру
с завершеньем дней лихих
он откроет непременно,
если ты войдешь в предел
памяти из недр Вселенной
божьих промыслов и дел
за прошедшие столетья –
там хранится тайный счет.
Как цыганка могу спеть я,
что с тобой произойдет
в день любой из твоих жизней,
но не ведаю конца
замыслов и вечных мыслей
бесконечности Творца.
Перестанешь ты скитаться,
но не в песенке моей…
– Так зачем же распинаться,
льнуть ко мне? Твоих затей
только тут и не хватало,
в голове и так хаос!
Может, все-таки слыхала,
занят чем сейчас Анкос?
– Добрый ангел незаметно
за тобой с небес следит.
Вспоминает о приметах
зашифрованных. Почтит
он тебя, поверь мне, скоро
появлением своим.
Может, нашим разговором

он сейчас увлекся…
– С ним
перекинуться словечком
я желанием горю.
– Не спеши, мое сердечко,
встретим алую зарю
дня последнего недели –
в воскресенье чудеса
оживают в самом деле:
правят нами небеса
в ранний час святого утра.
Подожди еще чуть-чуть:
явится вещун премудрый
и откроет нужный путь…
Рдели спелых ягод гроздья
цветом золотых лучей.
«Сколько раз зажгутся звезды
предстоящих мне ночей,
пока небо заалеет
надо мной в рассветный час
воскресенья? Подобреет
Змей Круэл, прикроет глаз,
задремав, и я Анкоса
в этот же увижу миг.
Без каких-либо вопросов
просветит меня старик:
он же с неба наблюдает
предумышленно за мной,
о метаморфозах знает,
приключившихся в земной
жизни подопечной? Знаки,
верно, вспомнил? Скажет, где
их зарыл, какой «собаке»

стал известен ключ к беде,
где покоится «собачка»
и меня с надеждой ждет.
Есть в пословицах подначка».
– Мне б узнать, на что расчет
был у старого Анкоса,
когда прятал тайный след
в подсознание без спроса
у меня?! И свой секрет
с кем-то разделить желанья
почему-то не имел.
Ропщет рай, земным страданьям
нет конца! Не утерпел
ни один бы от завесы
тайну знаков приоткрыть.
Чьи, скажите, интересы
соблюдает он? Забыть
ну никак не мог такое
ангел божий!
– Он же – стар:
больше хочется покоя.
– Нет! Ему волшебный дар
дан не зря премудрым богом
наводить мосты с людьми.
Показал мне след дороги,
а сейчас зачем томит
он жестоким промедленьем
все пределы бытия?
Из-за этого забвенья
мучаюсь не только я!
Обречен мир на страданья.
Змей один – тому виной?!
– Нет, за муки мирозданья

отвечает и земной
беспорядок, охвативший
души смертных, их дела!
В смуте мир весь, отвративший
Господа. Земля мала,
а ее сгубить стремятся
то безумцы, то слепцы!
За мятеж в раю казнятся
и мздоимцы, и глупцы.
У амбиций непомерных
негативных чувств сполна
накопилось смутой веры.
Поднималась гниль со дна
грязных душ. И черных мыслей
устремлялся вверх поток.
Смуту Змей Круэл замыслил,
за основу взяв исток,
зародившийся в пространстве
исстрадавшейся Земли.
Выводы из долгих странствий
делай! Змей лишь разделил
все грехи с людьми. И смутой
заразил безвинный рай.
Еще больше перепутал
интересы дел и тайн
с бесконечной жаждой власти,
опьянив умы людей.
– Так что к смуте все причастны –
крах грозит Вселенной всей
за всеобщность прегрешений!!! –
голос птахи погрубел,
будто, полный зла и мщенья,
кто-то горлом завладел

восхитительной певуньи
и с угрозой мне вещал
о последствиях безумья
искушений.
«Что он ждал
от меня?!! Кто бедной птахи
голосок так изменил?» –
сердце замерло от страха,
а в глазах певуньи был
ужас: райское созданье
умоляло объяснить,
звуки из ее гортани
с чьими воплями сравнить?
От ее хрустальных трелей
лишь остался грубый глас!
Кто вещает в ее теле?
Не пришел ли смертный час
к бедной крохе?!
Я улыбкой
скрыть пыталась от нее
гнет предположений зыбких
и сомнение свое:
«Ну не мог же Змей коварный
в птичку влезть?! – Но память вдруг
подсказала: – Видеть странным
это – глупо! Ведь сей «друг»
в моем ухе оказался
без каких-либо проблем!
Он со мной же не считался,
когда лез туда! Зачем
вдруг ответственность надумал
возложить Круэл на всех?»
– Кажется, была разумной,

а сейчас вселенский грех
не желаешь взять причиной
в свой нерасторопный мозг!
Мой мятеж был лишь почином
бед. И Бучер розог воз
наготовил. Изобильем
кары припугнем народ!
Выживает только сильный!
На измор тебя возьмет
мое войско. Я лукаво
вокруг пальца обведу
твой умишко, путь подправлю
и, в конце концов, найду
знаки, ставшие угрозой
мне и трону моему.
Птичка, вытри свои слезы,
тебе плакать ни к чему:
будешь петь, как прежде славно,
своим райским голоском,
что Круэл – правитель главный,
человечьим языком!
Подскажи своей подружке:
пусть надежды не таит,
что придет Анкос и службой
верной чудо сотворит.
– Не пугай! Тебя бояться –
«по грибы в лес не ходить»!
С твоим вымыслом считаться,
значит, дальше мир губить!
– Ты с чего вдруг осмелела,
ненавистница моя?
Ха-ха-ха! Дерзить посмела,
потому что добрый я.

– Ты не добрый, а трусливый.
Рядишь правду в ложный толк…
…Облака по небу плыли,
подмигнул из них мне волк!
И нечаянная радость
охватила меня вдруг:
«Мне удастся все наладить
в двух мирах! Моих заслуг
мало, но они весомы –
их умножили друзья.
Результат и лепты скромной
недооценить нельзя:
предназначенная плата –
велика или мала –
проявляется стократно
в каждом миге, и дела –
крохотные и большие –
принимаются в расчет:
с волчьей стаей совершили
что-то, с чем Вселенной ход
не нарушится – невзгодам,
и небесным, и земным,
подойдет конец. Исхода
ждать недолго. Со своим
гонором Круэл от злости
скоро лопнет! Ха-ха-ха!
В его горле встану костью –
поперхнется! До греха
доводить меня не стоит!»
– Вот узнаю знаков код,
вашу смуту успокою
в один миг!
– Захлопни рот!

Разошлась! Свои угрозы
для других убереги!
Милой пташке вытри слезы,
напугала птичку. Лги
сколько хочешь, распинайся,
кто, за что, когда и с кем!
Сама лопнешь от зазнайства!
Недостаточно проблем
и без этих завихрений?
Разозлюсь, заставлю выть
во весь голос. Прегрешений
у самой не счесть!
– Судить
не тебе, и я не стану
надевать покров судьи.
Просто, поздно или рано,
назначения судьбы
исполняются. Не мне ли
предназначено найти
знаки, что и в самом деле
смогут смуту извести.
– Это мы еще посмотрим! –
зашипел Круэл и смолк.
«Обещанья словом кормим.
А, быть может, ложный толк
оба придаем значенью
фраз мечтаниям сродни.
Поглядим, чем воскресенье
приструнит дурные дни».
Снова птичка засвистала,
залилась на все лады.
Стало горлышко хрустальным
вновь, и нежные бразды

управляли моим сердцем,
заполняя мир вокруг.
– Никакие иноверцы
не страшны нам! – криком вдруг
огласила я округу,
взглядом небо обвела.
Птичка вверх вспорхнула. Кругом
облетела синь. Ждала,
что она опять вернется
на мою ладонь, но зря.
«Видно, в небесах поется
веселей! Сдержать нельзя
ликования. Восторгом
переполнен жизни гимн».
Моя грудь опять исторгла
крик ликующий. За ним
и моя душа взлетела
ввысь. Но тело на земле
звало вниз её – не смела
меня бросить, вновь ко мне
возвратилась. От истомы
чуть кружилась голова.
«Где сейчас мой волк знакомый?
Взять бы где-нибудь слова
и призвать его на землю
с белопенных облаков.
Я – земная! Мир приемлю
только этот! И веков
сколько бы ни предстояло
обойти, душой своей
я привязана с начала
всех времен к земле моей!»
Виноградник шалый ветер

приласкал и осмелел,
заигравшись в бликах света,
к бренной плоти подлетел,
хмель восторженного крика
с губ сорвал. Мои следы
с листьями смешал и мигом
капли всколыхнул воды
на изгибах сочных листьев
зашептавшейся лозы
с гроздьями. Медовой кистью
соблазнил меня. Призыв
искуса волшебной влаги
притянул мой жадный рот.
«Мастера чудесных магий
наполняли сладкий плод
соком райского блаженства!
Пью, вдыхая аромат
солнца, неба совершенством
насыщаю томный взгляд!»
Виноградное раздолье
в бликах солнечных, восторг
наслаждения и вольный
ветер убыстряли ток
всех энергий: мозга, тела,
сфер небесных и земных,
связь меж ними. Разглядела
вдруг у кромки неба штрих.
Он пульсировал, как будто
был живым, в объеме рос
с каждым мигом. Еще смутно
мозг воспринимал вопрос
из глубинного сознанья:
«Что увидел глаз вдали –

в пограничье мирозданья,
на обочине земли?»
Через миг штрих превратился
в облачко, потом в размах
крыльев ангела. Сместился
взгляд и волком на глазах
ангел стал и тут же снова
белым ангелом стал он!
Правда, я была готова
признавать его за сон,
в то же время знала точно,
что мой волк из давних лет
возвращается воочию
добрым ангелом и цвет
его шерсти изменился,
потому что он со мной
в древнем городе носился
по руинам в огневой
круговерти черной сажи
и губительного зла.
Нам тогда было неважно,
что погибель нас ждала
в каждый миг, но за спасеньем
погибающих людей
лезли в пекло. Пробужденье
мира виделось за всей
магией небесной выси.
Слезы радости текли
по моим щекам. Зависла
надо мной фигура. Шли
ни минуты – годы странствий
по столетиям былым:
то ли волк, то ли прекрасный

ангел образом живым
в синеве завис и плавно
стал спускаться. Ясный взгляд
неотрывно, с негой давней
на меня смотрел. Набат
сердца моего по волнам
моей памяти разнес
все, что помнил, и невольно
окунулся в море слез,
но не горьких, а счастливых,
и в моей душе покой
воцарился. К лику дива
прикоснулась я рукой.
– Неужели это чудо
происходит наяву?!
Ты – мой волк? Или причуда
разума? Ответь!
– Зовут
меня родичи Сароном.
Можешь белым волком звать:
фантазировать ты склонна.
Твое сердце не унять,
если выбрало кого-то
на извилистом пути.
Я к судьбе твоей охотно
подключался и мостил
под ногами след в пространстве
вечных тайн и вещих снов.
С неизменным постоянством
на дорогах всех веков
ты хранила верность слову,
совершенству чувств. Любви
ты была служить готова,

мной означенной в крови.
Каждый раз с моей подсказки
выбирала образ мой:
надевал на лица маски,
но в чертах все были мной.
Иногда ты удивлялась
сходству лиц в круженье лет.
Тебе что-то вспоминалось,
по ночам – не лунный свет,
я мерцал в твоем окошке,
цветом ярким красил сон,
был сверкающей дорожкой
рядом. В имени Сарон
не ищи фанфар звучанья:
в моем сердце – вечный путь
наш с тобой. В моем признанье –
твоей жизни смысл и суть
твоих странствий за исходом
смут небесных и земных.
Ты и я какого рода
нам неважно. Нас двоих
небеса соединили
на любые времена.
Мы всегда едины были.
Помнить каждый миг должна,
что мое плечо незримо
поддержать тебя спешит,
связь сердец неодолимо
притяжение вершит
наших судеб. Откровенье
слов моих ткет смысла нить:
тайны памяти забвеньем
подсознанию не скрыть.

Юргисом, Рустамом, волком
продолжаю вечный путь
я с тобой. Земные сколки
наших встреч, явивших суть
в бесконечности пространства
неизменности Любви,
подтверждал во время странствий.
Змей свои дороги вил.
Я страшился пораженья
в каждый миг лихих дорог
при малейшем столкновенье,
разрушающем итог
твоих поисков. Отвагой
наделял тебя в пути,
приближая с каждым шагом
к цели, жаждущей спасти
мир от гибели. Не скрою,
есть опасность проиграть. –
Повела в испуге бровью.
– Не хотел тебя пугать,
успокойся. У надежды
больше шансов на успех.
Змей Круэл ведь тоже между
двух огней: добро и грех
в нем играют свои роли,
то слабее, то сильней.
Риск оправдан. С твоей волей
справиться не сможет Змей.
Тяжело тебе, но близок
твоим поискам итог.
Старец наш свои сюрпризы
для победы приберег.
Мое сердце с тобой рядом,

а крыло – над головой.
Нам уже прощаться надо.
Ничего не бойся. Твой
страх уйму. До скорой встречи! –
крыльев взмах, и в синь небес
устремился страж мой вечный.
Затемнился солнца блеск,
опустилась мгла, туманом
заполняя мир вокруг…
Мрак рассеялся, и странный
тут же появился луг.
Совершенно необычным
стало небо надо мной:
в нем сияло, непривычно,
солнца два. В траве густой
не цвели ромашки, маки
не алели, васильки
не синели. В буйных злаках
вились цепью огоньки
фантастических соцветий.
От бесчисленных корней
расползались гибкой сетью
разветвления стеблей,
заплетая паутиной
стебли рослые. Их цвет
изумрудным был. Картина
зарослей скрывала след
тропки, стоптанной когда-то
неизвестно кем – людей
не было. Пути преградой
лес густой стоял стеблей.
За далеким краем луга
в небо вздыбился уступ.

Воронья стояла ругань
там за чей-то жалкий труп.
Человека или зверя? –
не могла я разглядеть.
Вниз скользнул мой взгляд, не веря
самому себе: на треть
титанического тела,
извиваясь и шипя,
вполз уже Круэл в пределы
выступа. Меня до пят
страх пронзил: «Воображенью
как привидеться могло
чудище?! Но явь движений –
не мираж! Произошло
что-то вновь с моим уделом?
Нет конца грехам людским? –
подгоняют то и дело
разум к мыслям шутовским!
Нет Круэла на уступе!!!
Ой, он там! И голова
отвернула взгляд от трупа,
сюда смотрит. Я права:
на меня он зенки пялит!
Без сомнения, узнал!
Кажется, вот-вот ужалит,
а его зрачков накал
обжигает мое тело.
Жутко мне от их огня!
Фу! С катушек я слетела! –
Как бы углядел меня
этот гад вдали отсюда?
Он, что, сокол?! Вот балда!
Страх причудлив, но покуда

ближе воронья орда!
Стае явно приглянулся
бедолага дармовой.
За объедками вернулся,
видно, Змей! Готов дать бой!
Ой-ой-ой! Отвлекся будто
он от стаи – не ползет
больше к лакомому трупу,
сделал резкий разворот,
в мою сторону направил
снова напряженный глаз.
Для него нет стойких правил:
доберется Змей сейчас
до меня! – я осмотрелась.
– Где же спрятаться? Мой дух
он сейчас учует!!!»
Смелость
торопил пытливый слух:
влезла внутрь травы стеблистой,
затаилась, но глазком
в щелку между сочных листьев
наблюдала за врагом.
«Неужели божий ангел
превратиться мог в такой
страх?! В раю он в высшем ранге?!!
Образина?!! Бог – слепой?
Не увидел, что за «чудо»
на своей груди пригрел?
Но поверить в это трудно.
Может, тайно Змей надел
на себя личину принца
при рождении своем?
Зачарованные лица

все прекрасны! Только в нем
сердце-то осталось прежним!
Долго сдерживался Змей
и мятеж поднял с надеждой
завладеть мечтой своей:
стать правителем Вселенной
и отправить на покой
Бога?! Дескать перемены
обновят рутинный строй
заведенного порядка…»
– Ты – права!
– Приполз?! Числа
козням нет!
– Сама изрядно
надоела! Подвела
тебя вновь твоя привычка
мысленно порассуждать.
Но Круэл – змей необычный:
мне чужие мысли знать
легче, чем орехи щелкать.
Где хваленый твой Анкос?!!
Угодила перепелка
в мои сети!
– От угроз
перейти не смеешь к делу! –
я храбрилась: в глубине
до отчаянья хотелось
невидимкой стать. – Ты мне
вырвать сердце не сумеешь –
жизнь мою нельзя прервать!
Бога ты не одолеешь!
Предназначено держать
ему свыше нити судеб

в своих праведных руках.
Он один по праву судит
что, куда, кому и как.
Так что ты не обольщайся:
не тебе меня судить.
Лучше сам скорей покайся
перед ним. Тебя простить
будет трудно: прегрешеньям
ты дал волю.
– Ха-ха-ха!
Не нуждаюсь я в прощенье!
Нет ни одного греха,
за который бы стыдился
перед кем-либо. И Бог
меня любит.
– Оступился,
так признайся. Ложный толк
своих действий добавляет
осуждения. Смутьян
сам свою судьбу пытает,
ставя на кон свой изъян.
– Ах, как пташечка запела!
Ой, боюсь! На чистоту –
не в те сани, птичка, села,
стежку выбрала не ту!
Я трусливо огляделась,
на уступ взгляд подняла:
стая никуда не делась,
и Круэл – исчадье Зла –
так же вился по уступу,
приближаясь к воронью.
Старый ворон, как заступник
весь взъерошился, а клюв

целил в голову пришельца.
Миг один – язык врага,
вырвав яростное сердце
ворона, метнул к ногам
черной стаи. Взмахом крыльев
поднялась ватага птиц
ввысь и за мгновенье скрылась
за предел ее границ.
Но пылающий комочек
сердца ворона слепил
своим жаром Змею очи,
скорей – буркалы, и злил
аспида неимоверно.
Тот, мотая головой,
зло шипел – его, наверно,
обжигал огонь?
«Со мной
оказалась встреча ложной!!!
Мне бы этот уголек
заиметь, а с ним возможность
победить врага!»
Отвлек
разум мой от рассуждений
вход в пещеру под горой:
там стоял Анкос! Сомнений
не возникло. Мне рукой
он махал и улыбался –
явно звал меня к себе.
Враг мой зрения лишался –
дела не было к судьбе
ненавистного созданья:
несомненно, жгучий жар
Змею причинял страданья.

«Поделом! Анкоса дар,
наконец-то, мне откроет
миссии святой итог!
Разве этого не стоят
тернии моих дорог?!!
В срок мудрец сообщить надумал
знаки мира и отбой
злым страстям, грехам безумным –
до скалы подать рукой!
Но продраться как сквозь стебли
и сплетенья огоньков?
Солнца два – на жарком небе!
Пекло! Никаких следов,
по которым перебраться
на ту сторону легко
я могла бы! Как добраться
до Анкоса?»
За рукой
взгляд следил. От напряженья
он слезился. Горечь слез
жгла зрачки. Одним движеньем
вытерла глаза. Принес
влажный ветер облегченье.
Дул откуда легкий бриз? –
не имел вопрос значенья:
фокус чей или каприз
освежил мое дыханье,
пробежался по волнам
вечной памяти, вниманье
привлекая к валунам
с краю луга. Между ними
одуванчики взошли!
Были «солнышки» земными

и сплошным ковром цвели.
Я стремительно вскочила,
дерзким вихрем понеслась
к валунам на изобилье
одуванчиков – их власть
здесь царила. Притяженье
желтой магии росло.
Обомлела на мгновенье:
умножалось их число
все быстрее, зарастали
ярким цветом валуны.
Блики солнц нарисовали
две зыбучие волны.
Трепет их глаза магнитил,
направление цветков
уводило тонкой нитью
к щели между валунов.
«Безусловно, мне проходом
обозначена служить! –
засекреченной природой
мог Анкос руководить!»
Две волны соединились
в основании камней –
щель расширилась, теснились
одуванчики и в ней.
Становилась она шире –
с каждым мигом рос проем.
Колокольчики в эфире
зазвенели. Запах в нем
стал душистым, призывая
без опаски внутрь войти –
любопытство открывает
неизвестные пути.

Страха не было, азартом
увлеклась в чудной проход…
На уступе рядом каркал
ворон.
«Ожил?» – поворот
сверхъестественных событий
не вмещался в разум мой.
–Только что ты был убитым!!!
А теперь опять живой!
– Я и сам рад оживленью.
Просчитался подлый Змей!
На него навел затменье
жаром сердца для твоей
обязательной удачи
в завершении пути –
сделал я его незрячим,
чтобы ты смогла дойти
до Анкоса. Мне за это
добрый ангел жизнь продлил.
– Взгляд не зря тебя отметил.
– Что я мертвый, Змей решил,
но пыл яростного сердца
был на страже!
– Ха-ха-ха! –
рассмеялась я. – У смерти
шанса не было! Грехам
здесь нет места!
Чудным светом
внутрь манил волшебный грот,
фантастичную планету
освещал двух солнц восход.
Воздух веял ароматом.
«Как Анкос сюда попал?

Фу-ты, в небе необъятном
его дом! Перебывал
он повсюду во вселенной.
Очутился здесь затем,
чтобы слово непременно
делом подкрепить. Проблем
ждать, не ждать, но продвигаться
буду все-таки шажком
я по гроту – опасаться
нужно Змея. Колдовством
зачарует как обычно
и успех опередит:
встретиться с Анкосом лично
не сумею. Навредит
этот Аспид окаянный.
Каждый миг предстать готов
он передо мной, изъяны
все учел дней и веков.
В бесконечных переходах
осторожность мне нужна,
неизвестны цели грота,
и чужая сторона,
помнится, полна сюрпризов:
бдит Круэл, чудит Анкос.
Воздух тайнами пронизан…
Навыдумывал мой мозг,
может, все метаморфозы?
Из них соткан мир иной!
Нет Круэла и Анкоса –
чары мозга правят мной».
Осторожным шагом тихо
внутрь пещеры подалась.
Подхватила меня вихрем

неземная сила, связь
оборвала с внешним миром,
понесла куда-то вглубь,
с неизвестностью смирила…
«До чего же разум глуп!
На Земле ему нет места
или странствовать привык?
Ему, что, так интересно
с кем-то спорить? Ни на миг
не прервется на забвенье
хаотических идей!
Кто, надеясь на везенье,
крутит круг судьбы скорей,
чем положено природой,
божьим промыслом? Мой путь
никогда не ищет брода,
не пытается свернуть
в сторону от притяженья,
однозначно, гиблых мест?
И когда предупрежденья
знак стоит, мне нужно лезть
именно туда! Откуда
набралась строптивых черт?!
Я такой и дальше буду?
Может, не Анкос, а смерть
ждет меня за поворотом?
Вихрь несется все быстрей,
– свет таинственного грота
замерцал вдали сильней.
– Интересно, что, сегодня
день воскресный на Земле?
Обещала птичка, вроде,
на рассвете встречу мне?

От надежды на удачу
убыстряют скорость дни:
в результате время трачу,
а несутся вскачь они.
Память каждому значенье
без нужды не придает,
проследив за их теченьем,
на вопрос ответ найдет:
понедельник пуст, а в среду
на уступ взобрался Змей,
в пятницу на вкус отведал
гнев неправедных страстей.
Незаметно как, суббота
подхватила свой итог.
Этой птичкой беззаботной
правил не Анкос, а бог!
Подоспело воскресенье!!!
На Земле заря взошла!
Вихрь несет меня к спасенью
от безжалостного Зла!
Встречусь я сейчас с Анкосом.
Кладезь тайн откроет код
знаков. Ощущаю носом
ароматов приворот».
Искры ярче заблистали.
Вихрь волшебный угасал.
Его сети опускали
меня плавно вниз. Прервал
сказочный полет свет ровный
и залил Анкоса лик.
На меня смотрел безмолвно
несколько минут старик.
Не спешила я с вопросом,

что срывался с языка.
Мы стояли рядом просто,
а потом его рука
вдруг погладила макушку
наклоненной головы,
голос ласковый нарушил
трепет воздуха:
– Молвы
отголоски доносились
до моих ушей, мой взгляд
за тобой следил. Просила
ты меня помочь. Я рад,
что пришла пора ответить
на отчаянье мольбы.
На тебя расставил сети
Змей Круэл! Но от судьбы
никому из нас не деться:
каждому намечен срок
исполнения наследства
прошлых жизней и урок
в каждой – свой, ступени выше:
подниматься или пасть,
шаг быстрее или тише –
все решает божья власть.
Нравы, мысли, дел свершенье –
на весах Вселенной. Бог
знает меру прегрешений
и положенных дорог
человеческой природе.
Уйма ангелов спешит
присмотреть, помочь, наводит
лад и правый суд вершит
по Всевышнего веленью.

Но сейчас нарушен ход
мирозданья от броженья
злых умов. Пришел черед
нам помериться с врагами
божьих дел. Прошла свой путь
ты уже меж берегами
всех времен, приметив суть
появления раздоров
от смятения страстей,
мыслей низменных и вздорных –
неприемлемых, верней, –
старец пристально вгляделся
в глубину пристрастных глаз.
– Вижу, никуда не делся
интерес. С тобой сейчас
разберемся, что в начале
хочешь знать, и что потом
предстоит нам. Что не знали,
разгадать не преминем, –
мудрый ангел улыбнулся. –
Смуту надо завершать.
Я в тебе не обманулся:
страх сумела обуздать.
Спрашивай, чего хотела
от меня узнать сперва?
Слава богу, что успела
к воскресенью.
– Голова
с нетерпением ответа
на вопрос один ждала
после чудной встречи летом
с дивной птичкой…
– Нет числа

божьим птицам. В чем причина
интереса к птахе той?
– Меня в рай летать учила
пташка. А вопрос такой:
Как заранее пичуге
получилось уяснить,
что я здесь каким-то чудом
окажусь и говорить
буду о вселенских бедах
с мудрым ангелом? Меня
успокоишь ты беседой
о проблемах бытия,
что удачей воскресенье
завершит скитаний гнет,
от великих бед спасенье
в мир поруганный придет!!!
– Птахе божьей все известно –
жизни гимн она поет.
Свои благостные песни
по земле с небес несет.
Когда песенкой задорной
пробуждает мир она,
каждый знает, что раздоры
отступили. До темна
птичка день сопровождает,
веселит сердца людей.
Бог ей тайны доверяет –
многое известно ей.
Помнишь сладость упоенья
виноградным соком? Кисть
сжатую ладонью? Пенье
голосистой пташки, в высь
уносящее Вселенной?

Ощущение души
бесконечности нетленной
нашей жизни?! Нерушим
связный круг ее движенья
по орбитам бытия:
что – конец, то – продолженье!
Квант ее – и ты, и я,
и доверчивая птичка,
в рай зовущая тебя.
Не бывает безразличных
к тем, кто жизни гимн трубят
на заре, преображая
мыслей новый поворот,
чувства благом заряжают,
славя солнечный восход.
Их посулы несомненны!
Нежат душу трели птиц!
«Мысли и дела нетленны! –
в дивных звуках. – Нет границ
радости и созиданью.
Души вечные – юны!
Бесконечно мирозданье!
Притяжения нужны
душ, надежд и обещаний,
чтобы встретились пути,
несмотря на расстоянья
и беспечный пыл витий».
Распевают божьи птички,
слух лаская, дух крепя.
Мысли в этот час различны,
но растроган каждый взгляд,
устремленный в синь, где трели
разливаются, звеня.

Как напевные свирели
они в плен берут меня,
забавляют и тревожат.
От мелодии простой
оторваться душам сложно:
и небесной, и земной.
Я устроил нашу встречу,
чтобы выводы сложить
в одно целое.
– Не вечно,
я надеюсь, мне кружить,
заблудившейся в спирали,
по кругам седых веков?
Разберись с мятежным раем –
Змей меня сожрать готов!
Где бы я ни появлялась,
этот аспид тут как тут.
Шаг, порой, ступить боялась.
Змей Круэл – изрядный плут!
Иногда этот притворщик
был невидимым, зудел
в моем ухе.
– Заговорщик
был всегда, кем сам хотел.
Не смутится водам вешним,
не прервется разговор,
если только казус внешний
не внесет в их гладь раздор.
Наш Круэл вертелся ловко
перед богом и людьми,
удивлял свой сноровкой,
был в делах неутомим.
Тихой сапой вполз в доверье,

не заметили мы как,
он заставил рай поверить,
что улаживать мастак
миром все, помимо бога –
и в раю бывает спор –
говорил высоким слогом,
вел достойный разговор.
Ликом с ласковой улыбкой
он притягивал друзей,
всем легко прощал ошибки,
славил бога, а людей
вскользь поругивал, смягчая
шуткой явственный намек.
Сладкой речью искушая,
поклонение привлек
многих ангелов. Примерных,
с тихим нравом до тех пор,
пока их Круэл – «друг верный» –
не подбил затеять спор
о неравном окруженье,
божьих правилах. Закон,
дескать, не учел служенья
в равной степени. Что он,
Змей Круэл, бесспорный лидер
среди ангелов и Бог
это, несомненно видит.
Время – подводить итог!
Что вода и камень точит,
знают все, но слова яд
проникает, между прочим,
в душу исподволь, навряд
кто-то вовремя заметит,
как отравится нутро.

Шельму кто открыто метит?
Жох не ставит на зеро.
Расторопного Круэла
кто бы в чем подозревал?
Были мы единым целым,
пока друг врагом не стал.
Зависть губит душу быстро.
Червоточина, как ржа
разъедает все, нет смысла
в объяснениях – крушат
смуты исподволь: чуть медля,
укрываясь в глубине,
но уже ловчится бредень,
стрелы копятся на дне,
чтобы в миг один обрушить
братских уз сплоченный ряд.
Погибают молча души,
страсти губят, и навряд
понимает сам завистник,
как попал в капкан страстей:
спесь выращивает мысли,
не взирая на друзей.
У тщеславья и гордыни
цель одна, один удел –
зависть вспыхнет и отныне
власть ее в порядке дел!
Змей Круэл был нашим другом,
но не вынес ложный ум,
что ценили мы заслуги
Эмпирея выше. Дум
Змей не выдержал, тщеславных,
и в один из смутных дней
он решил присвоить лавры

лучшего! Предав друзей,
Змей поднял своих адептов,
смутой мыслей заразил
и в средине того лета
нам войну вдруг объявил.
На волшебную планету
перенес тебя не зря:
здесь не только много света,
мысли тут вообразят
все, что разум пожелает,
о чем сердце заболит –
чудо здесь вопрос решает
и свершением манит
всех загадочных мечтаний
и невероятных дел,
удивительных свиданий,
фантастических идей.
Мозг успеет лишь подумать,
возникает образ вмиг.
Даже воздухом разумным
дышим! – умудренный лик
улыбнулся чуть лукаво:
– Одуванчики ведут
через трещину, исправно
уясняя свой маршрут…
– Сколько раз ехидным жалом
путь страшил проклятый Змей!
– Прохиндею неба мало:
захотел вселенной всей
управлять он вместо бога.
Помешать ему – твой долг!
– По кругам петляла долго
с верой, что поможет бог

страх унять, набраться силы
от достойных встреч и дел.
От сомнений изобилья
искажался путь. Удел
моих поисков успешно
застилал молвы туман –
ведь гораздо легче грешным
признавать явь за обман.
– Но слепой черед событий
ум ни разу не забыл:
зыбких слухов и открытий
вереницы мозг хранил.
– Я за каждым поворотом
бесконечного пути
грезила, что скажет кто-то,
где и как тебя найти.
Чтобы ты к моменту встречи
вспомнил знаки перемен,
мне хотелось, но, замечу,
чаще Змей Круэл взять в плен
мое жалкое сознанье
норовил, пытая смысл
моих странствий и признанье,
что глупа по сути мысль
пресечения смятенья
ангелов и бед людских.
Он шипел, зудел, презреньем
обдавал меня, своих
не скрывая притязаний
на признание в раю
его власти. Наказанья
он боится, но свою
страсть владеть единолично

жизнью ангелов, презреть
Змей не в силах.
– Как обычно,
он предпочитает смерть
большинства, за ним стоящих,
и противной стороны
только бы взять власть. Пропащим
душам плевелы нужны!
Чем еще питаться смутам,
пополнять грехов разброд?!
Ты брела по слухам будто,
но подсказывал я ход,
где найти тебе три вещи.
Мир спасая, в нужный час
их соединишь, как в клещи
попадут смутьяны враз:
их зажмешь рукой невинной
в свой проворный кулачок.
Тут же наших бед причины
сгинут. Я наперечет
знаки тайные открою.
В подсознании своем
ты искала их, порою
натыкалась. Лишь в моем
откровении нуждалась.
Нет, не память подвела
старый ум – судьба решалась
мироздания: дела
душ земных и сил небесных
подошли к больной черте,
за которой перевесить
могут силы зла. Затем –
гибель мира, над вселенной

воцарится смуты мгла.
– Ангелы обыкновенно –
добрые, – я развела
чуть руками. – Значит, где-то
что-то вышло вопреки
замыслам Творца?
– Заветам
его следуем.
– Каким
образом Круэл «Горыныч»
в справедливый рай попал?
– Ему отчество Гордыныч
больше годно! Не пристал
раю суд грехов, но вывел
из себя Змей и меня.
Высказать вслух справедливей
правду, чем ее менять
на угоду самомненью
беспощадного слуги
Сатаны. Преображенье
в назидание другим
обличить хочу открыто:
каждый должен видеть путь,
коли червь, в глубинах скрытый,
разъедая, губит суть
человеческой природы.
Видеть, мало кто горазд,
сам в себе, достойном вроде,
червоточину. Не раз
приходилось тайно ладить
с обитателем своим,
иногда пытаться, ради
пустяка, стакнуться с ним.

Неизменно побеждает
червь, взлелеянный в груди.
Так История рождает
самодуров. Тут суди,
не суди его натуру –
ему власть милей всего.
Он – своим адептам – гуру,
остальные ищут льгот
от всевластного тирана,
лицемерят заодно:
лучше в щель пролезть обманом,
чем с горы слететь на дно!
– Эти выводы понятны.
– Я добавлю пару слов
о Круэле, Флюре…
– Странный
переход.
– Зато улов
в твою сеть идет обильный –
слушать только успевай.
Улыбнулась я:
– Не сильно
биографией пугай.
– Мать Рустама – дочь Круэла.
На Земле он горцем был
с норовом. Удача смело
ему в руки шла. Любил,
как умел, жену и дочку.
В день рождения принес
Флюре он волчонка. Впрочем,
видела Гюзель. Вопрос
предваряя, объясняю:
Да, волчица в их роду

со времен, когда вдруг злая
смерть взяла с Круэла мзду
и отправила на небо.
Дочь оплакала его
горько, и с молитвой требы
в рай отправился. Легко
среди ангелов прижился,
дочери благодаря.
Флюрой он не зря гордился:
девушки боготворят
своих пап, как всем известно,
а у Флюры был к тому
дар пророчицы, и местом
ангела в раю ему
наш мятежный Змей обязан.
Тут – черед поговорить,
чем он с дочкой своей связан,
про волчицы гневной прыть:
Подарил на свадьбу Флюре
ленту алую Круэл.
У Гюзель эмоций бурю
хлыст едва прервать успел:
было невдомек ей бедной,
что подарок от отца
вплелся Флюрой в косы лентой
украшением лица
приблудившейся девчонке:
каждой гостье – свой почет.
Зло волчица нюхом тонким
вдруг почуяла и счет
предъявила: час за часом
гнев копился. Он за край
плесканул от ленты. Глазом

не моргнула – прыг! Признай,
основание имела.
Не смущайся. Но Рустам
был хорош. В руках умелых
плеть – учитель! Я и сам
поразился бойкой воле
и реакции такой
на бросок волчицы. С болью
едва справилась…
– Спиной
ощутила ее хватку,
но сейчас лишь поняла
поведения разгадку.
Гневному прыжку хвала!
Правда, правда! Притворяться
незачем. Но ленты цвет
вызывал волну реакций
странных. В ней – какой секрет?
– Алый цвет и лента – в общем
символы судьбы земной
и небесной жизни, проще –
знак, отысканный тобой
на дорогах твоих странствий.
О других сейчас скажу.
Помнишь Юргиса убранство?
– В тайнике его держу,
чтобы недругу случайно
не попался дар на глаз.
Не хотелось бы печалью
завершить туманный сказ.
Вот! – я, вытянув ладошку,
вещь Анкосу подала,
и вязь букв алмазной крошкой

засияла, как ждала
мудреца прикосновенья.
В путь обратный ум скользнул,
снова юные мгновенья
моей памяти вернул.
– Ах, как много лет промчалось, –
чуть вздохнув, шепнула я. –
Неземной любовь казалась
С Юргисом. Судьба моя
обозначилась при встрече
с ним в один счастливый час.
Когда мной он был замечен,
в цель иную метил глаз:
Юргис с ней не расставался,
а тогда вдруг потерял.
Так найти ее старался,
что моим любимым стал.
Купидон обоих в сети
на безмерный срок поймал.
– Он одной стрелой вас метил –
к вечным тайнам приобщал.
Эмпирей булавку сыну
подарил в земной свой срок.
Золотой знак был причиной
вашей встречи. Лет поток
вас разнес по разным судьбам.
Помнишь город между гор?
Вы носились там по грудам
трупов с волком – черный мор
и огонь небесных молний
за чрезмерные грехи
под эгидой беззаконий
их скосил. В волне стихий

сгинули без сожаленья.
Юргис жил там много лет.
Он в своем перерожденье
волком стал.
– Вот и ответ:
отчего со мной был рядом,
погибающих людей
почему спасал из ада.
Видно, в памяти своей
он держал любимый город
и меня забыть не смог.
Вновь судьба свела нас!..
– С горем
людям справиться помог,
поддержал тебя в скитанье,
волчьей стаей управлял,
дар отцовский для сиянья
над Вселенной сохранял.
Из ему подвластной стаи
родом и Гюзель была.
Я возможность ей представил
знак найти. Мне отдала
засверкавшую вещицу
в травах в пояс высотой!
Ха-ха-ха! Ты от волчицы
взгляд не отводила свой!
Потому и не узнала
Юргиса булавку.
– Мне
страшно было. Я стояла
чуть жива, следя за ней,
чтобы вовремя отпрыгнуть
от пугающих клыков.

– Хлыст ее смирил. И рыкнуть
не посмела бы. Готов
был Рустам утихомирить
гнев любимицы своей.
– Страха взгляд успел усилить
восприятие быстрей!
– Юргис и Рустам, как звенья,
заплетенные судьбой
в цепь событий, встреч, затмений
разума и огневой
страсти и любви единой
на все годы и века.
– В сходстве – эта же причина?
– В нем озорника рука
видится. Его проказы
превращают в воск сердца.
Шаловлив не в меру – сразу
в руки лук: и нет конца
бесконечным ожиданьям,
охам, ахам под луной…
Но бывает, что свиданья
просто кажутся судьбой.
Купидону от пародий
на любовь досталось гроз
от меня: стреляет вроде
в сердце, попадает в мозг:
начинаются броженья
в состязании умов,
и теряет вдруг значенье
несуразная любовь.
О любви мечтают люди,
но не каждому дано
встретиться с Любовью. Чуду

совершится суждено
по Всевышнего веленью.
Купидон – его гонец.
Лук и стрелы, наважденье,
жаркий перестук сердец
в сфере его прав. И лицам
сходство он передает,
но тогда лишь, когда длится
вечно связь, как приворот
на века рукою божьей
судеб, лиц, сердец, примет.
Чудо, если бог поможет,
сбудется. Ты его свет
ощущаешь через годы –
в подсознании века
умещаются. Свободно
в век из века шла, слегка
задевая перекрестки
и достойные места:
башмаки сносили версты,
сердце жглось огнем креста,
предназначенного свыше.
Ленту выплети из кос.
Уголек не будет лишним.
Я его сюда принес
из руин, где ты носилась
в волчьей стае с вожаком,
где беда людей косила,
смрад густой стоял кругом.
Пламя не щадило город.
Жар останков очагов
жег сердца, и слезы горя
горячили гневом кровь.

Угли жаркие калились
за пределы естества –
искры ветром разносились.
Уберег одну едва
в угольке, который силой
обладает неземной.
Его пламя опалило,
разожженное бедой,
что пришла со смутой Змея
и его бунтовщиков.
Надо действовать быстрее,
без пустопорожних слов:
просто заверни в шелк алый
жар сердец, пожарищ, бед
и проткни булавкой малой
в миг один. Волшебный свет
разгорится от частицы
чудотворного огня.
Он, стирая все границы,
устремится мир менять.
Разольется свет по миру
в уголки Вселенной всей,
станет снова рай наш мирным,
не смутится от страстей
край бессмертных душ и верных
божьих ангелов. Круэл
станет праведным.
– Уверен?
Не могу представить дел,
за которые возьмется
без желания крутить
всеми. Бог лишь отвернется,
Змей захочет власть сместить…

– Дух бравады к усмиренью
окружил последний след
дерзкого Круэла. Сменит
гнев на милость бог, лишь свет
озарит души мятежной
потайные уголки.
Усмирится разум грешный
твоей мысли вопреки.
– Змей преследовал веками
цель придуманных побед!
– Справиться хотелось с нами.
– Он же знал, что шанса нет!
– В домыслах молвы всеобщей
было малое зерно
правды, что намного проще
победить ему, коль сном
он воспользуется гостьи
его дочери: во сне
эту девушку расспросит,
исключив разлады с ней,
о божественной частице
света в малом угольке.
Тебе часто сущность снится
бед во временном витке
мироздания. Круэлу
нашептал Молвы совет,
что прямой угрозой делу
будет чудотворный свет.
Уголек, булавка, лента
к поражению ведут,
знал мятежник, лишь моментов
не нашел, где жала суд
приведет к повиновенью

Эмпирея и друзей,
ему преданных. Сомненья
Змея мучили сильней,
чем предполагал вначале.
За тобой следить устал.
Помнишь, вороны кричали
на уступе. Змей напал
на главу вороньей стаи
оттого, что уголек
он искал. Два солнца стали
притяжением. Извлек
сердце ворона напрасно,
потому что хвост молвы
лишь успел схватить: прекрасный
свет не толки головы
о фантазиях бескрайних
любопытствующих масс.
Мчался Змей к планете дальней
за молвой. Где он сейчас,
нам неважно. Три предмета
ты должна соединить
в одно целое и светом
безграничным озарить
мысли и дела Вселенной.
Раз, два, три! Скорей, скорей!..
Мои мысли, пальцы, вены
ощутили скоростей
напряжение. И вспышка
света ослепила нас.
Мне казалось, в пальцах дышит
зарево. К сиянью глаз
добавлялось ощущенье
бесконечности огня.

Хохотнул Анкос:
– Свеченье
еще ярче, чем пенял
наш мятежник!
Свет над миром
разливался, даль пронзал.
– Навсегда, Круэл, стань смирным! –
прошептала я.
Блистал
надо мной свод синей выси,
солнца яркого лучи
притянули мои мысли
к ловким замыслам причин
нас постигшего несчастья
с озлоблением сердец.
Безразличия причастность
к злу, насилию. Конец
злонамеренной болезни
с отчужденьем очага.
Птиц живительные песни,
яркой радуги дуга
вмиг наполнили восторгом
мое сердце: «Боже мой,
как прекрасен мир! Итогом
моих странствий в неземной
жизни вновь царит согласье,
на земле не зреет рознь
от мятежного безвластья,
раздражительных угроз
не осталось и микроба,
заражающего кровь.
Боже, сделай, миром чтобы
вечно правила Любовь!»

– Я тебе, Господь Всесильный,
если надо, помогу!
– Удивили меня сильно
эти распри. Не могу
я поверить объясненьям
и безмерно раздражен,
но пытаюсь, во спасенье
мироздания, резон
хоть какой-то в смуте видеть.
Бродит блажь в умах людей:
ссоры, козни и обиды
на Земле блудят скорей.
Но в Раю?!! Такое!!! Сложно
объяснить, понять, простить!
Здесь всецело невозможно
по законам грешным жить!
На минуту отвернулся,
на Земле прошли века.
Дух мятежный вдруг проснулся,
вздумал все крушить, пока
я оставил без присмотра
свой любимый уголок!
Но такого поворота
разве кто предвидеть мог?!
Совратитель умоляет
укрощенный нрав простить!
Быть примерным обещает,
слово дал Добру служить! –
божий глас воспринимался
разумом – беззвучный тон
во вселенной зарождался,
проникал со всех сторон
в глубь сознания и мысли

успокаивал. Мой ум
обретал безгрешность смысла
мирных дел и божьих дум.
– Заслужил Змей наказанья
с точки зрения Твоей?
– Пусть послужит покаянье
завершению идей
о восставшем искушенье
захватить чужую власть!
Отпущу его в скольженье
по воздушным волнам. Всласть
налетается игрушкой
детских лет без взрослых смут…
– Ты держи его на мушке,
а не то опять сорвут
его с тоненькой бечевки
искушенья миражей.
– Тратить разум на издевки
без большой нужды не смей!
– Я от радости, наверно,
что закончилась вражда,
языком треплю безмерно.
– Грех прощенный – не беда.
Главное, не пачкать души
злодеяниями смут.
…Продолжая бога слушать,
я в окно взглянула. Крут
был вираж забавы детской –
змей бумажный с вышины
вниз слетел, по-молодецки
завихрился. Тишины
не нарушив, взмыл обратно
в голубую высь небес.

Там натешился изрядно,
освещенный солнцем весь,
снова ринулся за ниткой,
чуть блеснувшей, и опять
вверх взлетел легко и прытко.
Кто бы мог его поймать?!
Змей резвился бесшабашно.
«Может, ждет с небес вестей,
что таких как он, бесстрашных,
примет рай? Но без затей,
подстрекательских – смутьяны
райской жизни не нужны!
Приручённые обманы
больше миру не страшны!»
Я кульбитами игрушки
резвой в небе голубом
наслаждалась: был на мушке
ушлый норов. За окном
переполнили потоки
жизнерадостных людей
светлый город – змей пороки
уносил за апогей,
где они, в пыль превращаясь,
растворялись в световой
гамме вечности. Смещаясь,
взгляд скользил по круговой,
упоённый совершенством
мироздания, душа
обмирала от блаженства,
ветер гимн слагал в ушах.
Дети радостно смеялись,
наблюдая за игрой
змея в небе. Разбегались

люди по делам. Домой
возвращаясь, врач со смены,
улыбаясь, мне сказал:
– Все закончилось! Из плена
выпущен медперсонал!
Неизвестная зараза
вдруг исчезла, воздух чист,
маски не нужны!
От фразы
медика стал свет лучист
вокруг змея. Смех мальчишек,
радость бурная людей
поднимали его выше,
выше… и душе моей
с ним леталось так же вольно.
– Жизнь прекрасна! Мир спасен! –
закричала я. Задорный
шепот в ухе: «Я прощен?!»
мне добавил в настроенье
еще большего огня:
– В рай лети! Ума смятеньем
больше не пугай меня!
Белых ангелов победу
без упреков принимай!
Усмиренный, напоследок
в ухе змей шепнул: «Прощай!»

СОДЕРЖАНИЕ

Полет ... 3
Бумаги лист ... 4
Образ ... 5
Посвящение ... 7
Вселенной мир
в дыханье слова… ... 8
Эпитафия ... 17
Рикошет ... 18
Цветовой ориентир ... 19
Реинкарнация ... 20
Жажда ветра ... 21
Скрипач ... 22
Поземка ... 23
Знак перемен ... 24
Кино ... 25
Соляная пещера ... 26
Вечер в горах ... 27
Предчувствие ... 28
Призма ... 29
Предрассветное ... 30
Милость ... 31
Арчовник ... 32
Перевал ... 33
Земная нить ... 34
Склон ... 35
Странница ... 36
Власть судьбы ... 37
Рождение иллюзий ... 38
Осенние грезы ... 40
Лист ... 41
Луч ... 42
Мечты ... 43
Перед рассветом ... 44
Отречение ... 45
Изначально ... 46
Поздняя осень ... 47
Звучала музыка ... 48
Кувырок ... 49
Зимний вечер ... 50
Непостоянство ... 51
Вечное стремление ... 52
Неужели… ... 53
Колючий страж ... 54
В столе ... 55
Перед закатом ... 56
Жарынь ... 58
Прогалина ... 59
Запоздалый
пилигрим ... 60
Повторись ... 61
Вращение ... 62
Прощание ... 63
След любви ... 64
Плен тумана ... 65
Солнечное утро ... 66
Предопределение ... 67
Вскачь ... 68
Радуга ... 69
Зонт ... 70
Бродяга ... 71
Челн ... 72
Власть шиповника ... 73
Синичка ... 74
Дальний парус ... 75
Весна ... 76
Ночной восторг ... 77
Живая вода ... 78
Мой след ... 79
Дисбаланс ... 80
Ночной дом ... 81
Рождение легенды ... 82
Неизменность ... 84
Крик ... 85
Карусель ... 86
Юный причал ... 87
Обещание неба ... 88
Ночной приют ... 89
В предверии ... 90
Тона ... 91
Бессилие ... 92
Эхо настроения ... 93
Золотые облака ... 94
Ромашковое поле ... 95
Сумерки ... 96
Прошлый друг ... 97
Извинение ... 98
Слеза ... 99
Осенний взгляд ... 100
Сумрачный сон ... 101
У вековой сосны ... 102
По кругу ... 103
Запоздалые шаги ... 104
Колокольный звон ... 105
Козий след ... 106
Перекаты ... 107
Колокольчики ... 108
В метро ... 109
Тоска ... 110
Вечный родник ... 111
Моя жизнь ... 112
2021 ... 115
Морось ... 116
Подорожник ... 117
Преодоление ... 118
Темный угол ... 119
Луг ... 120
Миг встречи ... 121
С крутояра ... 122
Долгий путь ... 123
Созвучие ... 124
Золотое утро ... 125
Лунный сад ... 126
Вечерняя заря ... 127
Июнь ... 128
Осенняя буря ... 129
По-над ... 130
Солнечные
фантазии ... 131
Ропот ... 132
Следы сна ... 133
Гостья ... 134
Опять и вновь ... 135
Цветной сон ... 136
Завершение ... 137
Черно-белое ... 138
Пунктир ... 139
Крест земной ... 140
Ночной эдем ... 141
Повороты ... 142
Смута (*поэма*) ... 143

Светлана Луговая

ЗЕРКАЛО

стихи, легенда

Х

Подписано в печать 13.10.2021 г.
Формат бумаги 60х84 1/16 Объём 21 печ. л.

Отпечатано в ОсОО Издательский дом «Салам»
Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Гоголя, 120
Тел.: (+996 312) 68-01-35,
тел./факс: (+996 312) 68-01-33